

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

СЛУЖУ ПРЕСТОЛУ
И ОТЕЧЕСТВУ

СЛУЖУ ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ
ТРИУМВИРАТ
ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

БФ-коллекция

Дмитрий Зурков

**Служу Престолу и Отечеству:
Служу Престолу и Отечеству.
Триумвират. Вперед, на Запад!**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зурков Д. А.

Служу Престолу и Отечеству: Служу Престолу и Отечеству.
Триумвират. Вперед, на Запад! / Д. А. Зурков — «Издательство
АСТ», 2020 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-119409-3

Место действия – Российская империя. Время – Первая мировая война. Три человека, по прихоти Судьбы перенесённые из далёкого две тысячи первого, всё-таки встречаются. Для чего? Чтобы эта капризная дама поиграла с ними в кошки-мышки? Или чтобы исправить ошибку Истории и не дать стране сорваться в кровавый хаос? Ничего ещё не predetermined... Но триумвират попаданцев уже существует и действует. И пусть против них все: начиная от пресловутой мировой закулисы и банковских воротил, желающих урвать на халяву лакомые куски и превратить в нищую колонию огромную страну; армий, пытающихся вбить в пыль героев, осененных георгиевской лентой, и заканчивая революционерами всех мастей, жаждущими крови и разрушений... Хотя есть еще достаточно людей, для которых слово «Россия» – не пустой звук...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119409-3

© Зурков Д. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Служу Престолу и Отечеству	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	71
Глава 13	77
Глава 14	82
Глава 15	88
Глава 16	91
Глава 17	98
Глава 18	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев
Служу Престолу и Отечеству:
Служу Престолу и Отечеству.
Триумвират. Вперед, на Запад!**

© Дмитрий Зурков, 2020

© Игорь Черепнев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Служу Престолу и Отечеству

Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам форумов *«В Вихре Вре-
мен»* и *«Самиздат»*, чья помощь сделала книгу именно такой, какая она есть, и лично:

*Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесив-
цеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Алексан-
дру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.*

Глава 1

Как ни надеялся, что общение с миром криминала закончилось, через неделю во время обеда меня отловил Котяра и передал записку, накорябанную на замызганной бумажке: «Мил человекъ приходи вечером в трактиръ есть разговор». На вполне закономерный вопрос, откуда у него этот шедевр изящной словесности, Федор объяснил, что вполне легально и с моего личного дозволения сопровождал Ганну до бакалейной лавки и обратно. Пока она закупалась всем необходимым, отскочил на секундочку, а когда вернулся, возле любимой невесты терся какой-то прибалтанный организм. На вежливый вопрос «Какого... ему здесь надобно?» странный тип вдруг решил обидеться и, нагнувшись, стал тащить из-за голенища нож. Кот не стал дожидаться продолжения и, слегка хлопнув по спине ладонью, помог согнуться еще ниже и упасть на пол. Пока собеседник обнюхивал его сапоги и раздумывал насчет вставать или нет, Федор согнул выпавшую железяку подковой и, кинув рядом, объяснил владельцу, где и в каких случаях тот может теперь ею ковыряться.

– Тот придурок был одет, как мастеровой? Клинок без упора, ручка красная, чуть-чуть изогнутая?

– Ага, он самый. – Кот в ответ утвердительно кивает. – Так он эту записку потом и отдал. Вот ведь, бедный Штакет, что-то ему не везет в последнее время.

Вечер перестает быть томным, становится все интересней и интересней. И кому же я там очень срочно понадобился? Вернее – кому, это я и так знаю, а вот – зачем?..

– Командир, он еще передал, что можешь в открытую с парой-тройкой человек прийти.

Ага, и еще «пятерку» во внешнее оцепление для подстраховки взять, из тех, кому место уже знакомо. Мало ли что там лихие ребята надумали. И наверное, Валерия Антоновича в известность поставить...

Хоть господин капитан и сопротивлялся, сумел его уговорить, правда, масштабы пришлось немного поменять, брать не одну группу, а три, и добавить подвижный резерв на всякий случай. С мотивировкой типа – необходимо нарабатывать навыки боя в городе...

Внутри мы пошли вдвоем с Котярой, Михалыч с остальными растворился в сумерках где-то поблизости, в пределах прямой видимости. На входе в «кабинет» стояли старые знакомые – небритый и Штакет. Первый выглядел по-прежнему невозмутимо, но угрозой от него уже не веяло. Второй, завидев нас, злобно ощерился, но никаких опрометчивых действий предпринимать не стал. Задержавшись на секунду возле него, негромко советую:

– Слышь, Штакет, ты бы пореже за железяки свои хватался, глядишь, и целее был бы. Кто мешал на КПП прийти и записку передать?.. И научись разговаривать спокойно – пригодится для здоровья.

В комнатке за столом сидит уже знакомый по первому посещению пахан, рядом еще двое, судя по повадкам, – такого же ранга.

– Мир дому сему, люди добрые, – вежливо здороваюсь. – По какой нужде звал, уважаемый?

Вор знакомо усмехается уголком рта, затем отвечает:

– И тебе поздорову, мил человек. И хлопцу твоему того ж... Не спужался прийти аль своих привел ешо? Скока их щас здесь? И шо ж за люди такие у тебя, слова им не скажи, сразу в драку лезут?

– Достаточно, чтобы потом Комаровку заново отстраивать. А насчет драки – так это твой Штакет с его невестой грубо разговаривал.

– Ето та, што ль, которую Бенья в отступное требовал? Х-хе-х!..

Придерживаю набычившегося Федора, а то наломает дров... А также рук, ног и других удобных для этого частей тела.

– Ты ему вместо девчонки Штакетов нож покажи.

– Дык ведь тут вот какая закавыка... – притворно сокрушается собеседник. – Помер Беня-то, Царствие ему Небесное. Вот как тогда поговорили, оклемался чуток, да и пошел себе по улице. В темноте-то ямку не рассмотрел, оступился и упал. Как раз на ентый ножик.

Ага, как в том анекдоте – восемнадцать раз. И не царствие ему, а сковородку погорячее и черта пошустрее и посообразительнее.

– Что ж он так неосторожно? Я бы сам с ним еще разок побеседовал бы. Есть о чем.

– Да вот, не любят у нас таких, которые в три горла жрут и благо воровское по своим нычкам прячут. Не люди то, а крысы помойные... Ну, будет, ласы точить долго можно. – Старик замолкает, переглядывается со своими компаньонами, затем продолжает: – Звал я тебя, мил человек, потому как ты не лягавый, хоть и погоны носишь, нам с тобой по закону толковать можно. Беня перед смертью много чего интересного напел, да и жидовка эта старая недолго молчала, все его слова подтвердила, когда мы тут шмон устроили... Короче, глянь-ка вот. – На стол ложится тетрадка в засаленной обложке. – Ежели что непонятно будет, толмача, я чай, найдешь. А может, и мы ентова толмача тебе отдадим. Но при одном условии...

Жду продолжения монолога, вопросительно подняв брови. Что такого может быть в этой тетрадке и не развод ли это со стороны воровского мира?..

Пахан тем временем продолжает:

– В общем, ентая парочка не токмо нашим ремеслом промышляла. Гости к ним частенько приходили оттудова. – Старик показывает большим пальцем себе за спину. – И дела они крутили такие, што нам за них отдуваться не в цвет. Тута, в тетрадке, у них навроде книги бухгалтерской.

– Короче, офицерик, дай слово, што наших людишек не тронете и лягавых не пристегнете... – вступает в разговор один из молчащих «компаньонов». – Толковище у нас было, решили энтих германских сук вам отдать. Тута дела военные, шпиёнские, наше дело – сторона.

О как! Блатной люд решил купить свое спокойствие жизнями шпионов. Только вот интересно, каких?..

– Во-первых, я тебе – не «офицерик», обидеться могу сильно, имей в виду. – Пора показывать клыки, а то по-хорошему как-то не понимают. – Во-вторых, кто ты есть, чтобы я тебе свое слово давал? Я тебя не знаю.

Багровея, собеседник лезет из-за стола, но пахан его удерживает.

– Погодь, Хорь, не кипишись. С ихним благородием вежливо надоть, оне енто любить... А ты, мил человек, тож соображай, не шпана какая перед тобой. Коль нужна тебе ниточка к германским шпиёнам, так давай по-хорошему договариваться.

– По-хорошему может быть только так: отдаете мне этих шпионов и то, что смогли узнать. Жандармов и полицию все равно придется подключать, но вот здесь даю слово, что вас им сдавать не буду... И еще, если на какую малину выйдем, где германских агентов привечают, – не обижайтесь, под молотки пойдут все.

– Ох и грозный ты, вашбродь! – насмешливо откликается третий вор, затем серьезнеет. – Мы за себя и своих людей говорим. А ежели кто попадется тебе, значит не наш он, хоть режь его на ремешки, дело твое. Мы в обиде не будем.

Ну да, ну да, заодно расширите себе зоны влияния, убрав с нашей помощью конкурентов. Молодцы, хорошо придумали... Ладно, пусть их.

– Ну, если мои условия вам подходят, будем считать, что договорились. – Пора заканчивать балаган и двигать к себе.

– А насчет жирных бобров и шалав ихних... Взяли пару раз хабар с них. На то рыжѣ местным шалавам да грызунам долго корячиться надо было бы... – Старик довольно рассмеялся. Эта плесень что, меня теперь за наводчика держит?.. Козлина старый, тебе ж в ящик сыграть тоже недолго!..

– Ну, коль все согласные, бери тетрадку, шас Рахильку приведут, ее тож забирай, она много еще чего интересного напоет. И скатертью дорога вам, гости дорогие!

Наверное, за занавеской наш разговор слушали, потому что бандерша уже стояла возле двери со связанными руками в сопровождении еще одного «бодигарда». Пахан вышел из кабинета, кивнул своим, мол, отдайте бабу. Я уже был на пороге, когда он негромко произнес:

– Короче, мил человек, где тебя найти – я знаю. Коль во мне нужда будет, зайди на базарчик на Ляховке, любому шнырю скажи, мол, Клеща ищу. Тебя проведут. Бывай покедова...

Тесной компанией мы прошли четыре квартала и остановились перед родным грузовичком, в кабине которого изнывал от нетерпения капитан Бойко.

– Ну, что? О чем была беседа, Денис Анатольевич? Все закончилось благополучно, я надеюсь? В том смысле, что ваши собеседники живы?

– Да, Валерий Антонович. Прежде чем рассказывать, прошу вас учесть – я дал им слово, что источники останутся неизвестными. Стало быть, дальше нас с вами подробная информация пойти не должна.

Бойко медлит с ответом несколько секунд, потом, соглашаясь, кивает.

– Блатные сдали нам кончик шпионской цепочки в обмен на свою неприкосновенность, и, как я думаю, стремясь нашими руками расширить свои «владения». – Поясняю, видя недоуменный взгляд Валерия Антоновича. – Если мы прихватим других уголовников вместе с агентами, те, с которыми я беседовал, постараются занять их место... Вот, «мамочка» Рахиль, старая знакомая. За нее, как за ниточку, потянем, узелок развяжется и клубочек разматается. И есть еще тетрадка, которую она поможет нам прочитать...

* * *

Утром ни свет ни заря капитан Бойко, осунувшийся и красноглазый после бессонной ночи, проведенной в попытках самостоятельно прочитать тарабарщину в тетради, вместе с поручиком Ломовым, который, как только сейчас выяснилось, помимо всего прочего отвечал еще и за контрразведку, появились, чтобы пообщаться с «мамочкой», которую на ночь доставили к нам и поместили под охраной в одной из пустующих казарм. Не думаю, чтобы для нее ночь была комфортной, потому как в сортир ее выводить никто и не думал, да и спать со связанными руками – то еще удовольствие. Тем более что, судя по ее походке, ребятишки Клеща неплохо поработали, не оставив, правда, явных следов воздействия на мордочке. Скорее всего, не из гуманности, а для сохранения товарного вида.

Но, несмотря на все недавние переживания и не совсем опрятный внешний вид, дамочка встретила наше появление довольно напористо и в лучших традициях российского либерализма стала качать права:

– Таки, господа офицеры, почему ви мне тут держали усю ночь? Ви миня похитили? Ви поверили етому старому шлимазлу Клещу, шо я могу быть как-нибудь виноватая? Да ни Боже ж мой! Как ви могли так подумать про честную женщину? Если ви так думаете, развяжите мне руки, отвезите в околото, и пусть тама они проведут следствие, и таки усе станет понятно!

Вся эта скороговорка была выпалена со скоростью пулемета так, что только в конце, когда она сделала микроскопическую паузу, чтобы набрать относительно свежую порцию воздуха в легкие, мне удалось миролюбиво и вежливо дать ей дружеский совет:

– Рот закрой!..

Затем капитан Бойко, вежливо улыбаясь, начинает беседу:

– Видите ли... мадам, мы, конечно, можем передать вас в руки полиции, и пусть они дальше возятся с этим делом. Но одновременно в той же «Минской копейке» появится статейка о том, как честная подданная Российской империи имярек помогла поймать шайку жестоких

уголовников, грабившую и убивавшую ни в чем не повинных мирных обывателей... Интересно, как быстро после этого ваши дружки вас найдут?..

Тут же на контрасте с вышесказанным ору:

– Слушай сюда внимательно, старая сволочь!

Видно, интонация была подобрана правильно, бандерша беззвучно, как рыба, пару раз шлепнула губами, затем попыталась зафиксировать свои испуганно бегающие глазки на моей персоне.

– Я сейчас буду предсказывать твою судьбу. Варианта с полицией там нет и не будет. Зато есть два других. Первый – ты рассказываешь абсолютно все и, когда надобность в тебе отпадает, едешь в Сибирь убирать снег. Там его много, на несколько лет ударного труда тебе хватит. Второй – ты опять-таки рассказываешь все, что знаешь и о чем догадываешься, но сначала будет очень больно, потом – ужасно больно. А потом то, что от тебя останется, закопаем где-нибудь неподалеку. Без надгробия. Выбирай!..

Перед приходом сюда предложил Бойко и Ломову поиграть в старую, на мой взгляд, игру «добрый – злой». И теперь стараюсь соответствовать выбранному сценическому образу. Ну-с, начнем, первая часть Марлезонского балета... Открываю дверь и зову заранее проинструктированного казака:

– Федотыч, братец, а всыпь-ка этой бабульке пару «горячих». За те Георгиевские кресты, что у нее нашли.

Сделав зверскую ухмылку и поигрывая нагайкой, приказный, не торопясь, подходит к пятящейся от него Рахили, затем молниеносно цепляет ее рукой за волосы, опрокидывает спиной вверх на пол и «крестит» сплеча двумя ударами... Вот это ультразвук!.. Как бы не оглохнуть с таких разговоров... Несколько секунд жду, пока болевое воздействие начинает ослабевать, затем стараюсь припечатать коленом свежий рубец, не давая шевельнуться, и, нагнувшись, нажимаю пальцем хорошо знакомую точку на шее, одновременно вопя почти в самое ухо с явно выраженными истеричными нотками:

– Будешь говорить, тварь?! Будешь или нет?! Или тебе спину разукрасить так, как вы Данилке это сделали, а?! Говори, сука!.. Я тебя на куски порежу!.. Я контуженый, психованный, мне ничего не будет!.. Да я тебя пристрелю сейчас!..

Наган уже в руке, выстрел бахает почти над самым ухом бандерши, потом, почти по Богомолу, сую дымящийся и пахнувший стгоревшим порохом ствол ей под нос и по-звериному рычу:

– Говори!..

Сзади раздается характерный звук, догоняемый таким же характерным запахом, одновременно начинается пока еще невнятный, но уже диалог:

– А-а-а!.. А-ва-ва-а!.. Я-а-а!.. Са-а!.. Са-а-а!.. Я-а-а ска-а-ажа!.. Ска-ажу-у-у!.. Усе ска-ажу!..

Встаю на ноги, Валерий Антонович хитро улыбается, а Петр Иванович, играя роль этого увальня, которым все это время талантливо притворялся, укоризненно говорит:

– Ну что вы опять, господин подпоручик. Ну нельзя же так. Вам после контузии вредно волноваться. А то снова кого-нибудь пристрелите. Надо же держать себя в руках... – И обращается к ополоумевшей от страха бандерше: – Вы, мадам, его лучше не злите, он легко из себя выходит... Давайте лучше пойдем в другую комнату, там стол со стульчиками есть, сядем спокойно, вы нам все расскажете, тетрадочку поможете прочитать... А то вон господин подпоручик опять сердиться начинает. Вставайте, пойдемте быстрее от греха подальше!..

Через пару минут ко мне на крыльцо выходит Валерий Антонович, чтобы составить компанию в перекуре.

– Все, поет птичка... А в вас, Денис Анатольевич, пропадает актер, талантливо сыграли, даже я на миг поверил!

Старушка, спустя некоторое время, снова попыталась хитрить, но после того, как, усевшись на подоконник, я стал демонстративно делать вид, что вычищаю ножом грязь из-под ногтей, решила не искушать судьбу и раскололась по самый копчик. В ходе «чистосердечного признания» мы узнали достаточно много интересного. И о том, как ее дэфочкам, как она говорила, ставилась задача во время «работы» выпытывать данные о частях, прибывших в Минск, и о том, насколько легко перейти линию фронта под видом беженца или сбежавшего из плена, но, самое главное, – она назвала адреса троих связанных с ней людей, занимавшихся тем же, используя профессию в качестве прикрытия. Так что сегодня нам предстоит найти приказчика галантерейного магазина купца Рассовского, точильщика ножей с Ляховского рынка, фотографа с Захарьевской и побеседовать с ними примерно в таком же духе. Но одна из записей в тетради заставила меня сильно огорчиться: тому, кто узнает местонахождение некоего подпоручика Дениса Анатольевича Гурова, полагается вознаграждение аж в целых двадцать тысяч марок. Или я плохо работаю, или в германском генштабе сидят очень жадные люди...

Глава 2

Всех троих взяли достаточно легко. Точильщика Анатолий попросил заточить шашки в эскадроне, пожаловавшись на то, что только-только прибыли с передовой, где рубали германцев в капусту, завтра смотр, а оселки подрастерялись. Бедолага, даже не подумав снять лапшу с ушей, очень обрадовался и взвинтил цену в два раза, что тут же было с улыбкой принято. Так что мышка, радостно виляя хвостиком, сама побежала в мышеловку за сыром.

Примерно с таким же настроением за ним последовал мелкий пухлый типчик с прилизанными волосами, работавший менеджером в купеческой галантерее. Его приглашал я сам. Завалился в магазинчик, прикинулся фронтовым валенком, посетовал на дороговизну губернского города и предложил купить оптом новое солдатское белье, только что полученное со склада. Мол, надо отдохнуть по-человечески после окопов, а солдатики и старое еще постирают и попользуются. И лежит все рядом, в кузове авто, на котором ездил в цейнгауз. Так что надо только выйти и посмотреть. Что тот радостно и сделал, даже в кузов сам вскарабкался. Где ему тут же связали ручки, сунули в рот тряпку, валявшуюся рядом, и надели на голову заранее приготовленный мешок.

Фотографу взяли последним. Тоже без лишнего шума. Пока он пытался выплюнуть половинку от штормовки, плотно забитую в качестве кляпа, и что-то вякнуть о незаконности наших действий, мы с Петром Ивановичем быстренько обшарили его лабораторию и секретер, где в якобы потайном отделении и был найден конвертик с интересными и живописными видами Минска и окрестностей. На обороте фотографий стояли карандашные пояснения типа «Штаб Западного фронта», «Старые казармы Минского гарнизона», «Мост через Свислочь», «Гарнизонные склады» и названия прочих военных достопримечательностей. Разбираться решили на базе, поэтому провели с маэстро те же манипуляции, что и с приказчиком, и через пару минут уже катили в Комаровку, нежно придерживая сапогами две трепыхающиеся на колдобинах тушки, лежавшие на дне кузова.

Сразу по приезде стали прессовать всю троицу, но гаденыши, как один, отмазывались тем, что их оговорили, и умоляли передать их в руки правосудия. Фотограф даже попытался угрожать, упирая на свои многочисленные личные контакты с различным начальством. Мы с Ломовым в очередной раз пролистывали тетрадь и прикидывали варианты расшифровки, пока Валерий Антонович ездил к господам из губернского жандармского управления. Отсутствовал он недолго, где-то через час вернулся с молодым корнетом. Последний представился Михаилом Владимировичем Астафьевым и, улыбаясь, поблагодарил нас за то, что позволили оторваться от рутиннейшего занятия по перлюстрации писем. Пока он вникал в суть дела и беседовал с пойманными, мне в голову пришла интересная мысль. Коей я тут же поделился с начальством. После недолгого раздумья капитан Бойко вынес вердикт, что хуже от этого точно не будет, и разрешил маленько порезвиться.

Быстренько нахожу нескольких добровольцев, умеющих держать язык за зубами, озадачиваю их небольшими земляными работами, после чего выписываю увольнительную, прилагая к ней несколько купюр и отправляю Егорку на барахолку и в мясную лавку. Затем предупреждаю Ганну, чтобы ни в коем случае не выпускала до отбоя малышня из дома. Пока все трудятся, выковыриваю из десятка нагановских патронов пули. Между прочим, удовольствие еще то!..

После того, как корнет отправился устанавливать наблюдение за квартирами, согласившись оставить подозреваемых до утра у нас, пригласил Валерия Антоновича и Петра Ивановича на генеральную репетицию и прогнал перед ними весь мини-спектакль. Зрители были впечатлены, шокированы, эпатированы... В общем, услышал в свой адрес много незнакомых

слов, но тон был доброжелательным. Разве что Ломов, не зная о моем происхождении, слишком близко к сердцу принял увиденное действо в стиле незабываемых девяностых и смотрел как-то странно в мою сторону... Поверил, однако!..

На месте мы были вовремя. Ровно в семь вечера Чернов должен привести всю компанию на «вечернюю оправку» к отхожим ровикам. Идти сюда от «тюрьмы» примерно пять-семь минут... Так, актеры – по местам!.. Егорка, переодетый в потрепанную полукрестьянскую-полумастеровую одежду, стоя в яме, медленно орудует лопатой, выкидывая песок наружу, и громко причитает:

– Ну, ваше благородие!.. Ну, не виноватый я!.. Оговорили меня!.. Не шпиён я, вот вам крест!.. Смилуйтесь, ваше благородие!.. Родителей старых пожалейте, один я у них!..

Рядом с угрюмо-невозмутимыми лицами стоят двое бойцов, типа конвой с винтовками на плечах. Ну, и сам хожу туда-сюда с папиросой во рту. Краем глаза вижу Чернова, ведущего задержанных к месту действия. Легкие сумерки, расстояние – метров пятнадцать. Должно получиться... «Не замечая» прибывших, подхожу к краю ямы:

– Хватит уже копать! Будешь признаваться или нет, сволочь?.. Последний раз спрашиваю!

– Ваше благородие!.. Не убивайте!.. Христом-богом молю!.. Не шпиён я!.. – Егорка неподражаем в своей роли.

Достаю из кобуры наган, прицеливаюсь и стреляю холостым. «Шпион» падает вниз и быстренько скручивается калачиком в ближнем углу ямы, издавая душераздирающие крики. Стреляю еще два раза, потом слышен только сухой щелчок курка.

– Черт! Забыл зарядить!.. Хрен с ним! Добейте его, чтобы не орал!

Бойцы спрыгивают в яму и, скинув винтовки, начинают вонзать штыки в песок. «Шпион» тем временем продолжает арию умирающего, вопя под каждый удар, не забывая при этом брызгать из бутылки свиной кровью на сапоги и винтовки... Наконец, он издает великолепный «предсмертный хрип»... Конвойные вылезают из могилы, один берет лопату и начинает ее закапывать, другой помогает ему, обрушивая землю вниз сапогом. Все это делают, стараясь не попасть на Егорку, скрючившегося в заранее отрытой «норе».

Пора переключать внимание на себя, зрители, кажется, очень впечатлились... «Вдруг» замечая всю подошедшую компанию и обращаюсь к Чернову:

– Твою такую-растакую... Унтер! Какого хрена ты их сюда привел?! Сказано было – завтра, значит – завтра!.. Мне что, теперь ждать, пока каждый себе по могиле выроет?..

– Так эта... Ваше благородие... Их же до ветру надобно было вывести... Засрут же ночью всю камеру... – Михаил, играя свою роль, испуганно оправдывается.

– Ну, так чего стоим? Гони их, пусть опростаются! А завтра... – Задумываюсь, затем небрежно машу рукой. – Нет, один хрен, не признаются... Завтра поутру сюда их, да лопаты не забудь. У меня днем куча дел, а тут еще с этой сволотой возись!.. Давай командуй... На оправку...

Оборачиваюсь к конвойным:

– Закончите, и в казарму! В порядок себя привести не забудьте!.. Да, и подойдете к фельдфебелю, скажете, что от меня – по чарке. Ну, и завтра, думаю, голодными не останетесь...

Теперь – последний штрих. Бойцы, проходя мимо «зрителей», должны выдать между собой диалог типа:

– Совсем озверел их благородие, за два дни пятого лично кончает.

– А шо ты хотел? Из-за них почти что вся рота в окопах полегла. И сам он чудом жив остался.

– Ну дык не самому же, ахвицер все-таки.

– Эт-та ты брось. Наш командир не из благородных, кровью выслужил. За солдат горой стоит и предателей жуть как не любит. Вона как...

Как потом рассказал Чернов, все четверо с большим удовольствием оправились всеми возможными способами и очень шустро понеслись в «тюрьму» думать. А чтобы мысли текли в правильном направлении, Михаил попозже притащил и кинул в камеру одеяло, оставшееся от «шпиёна», с многочисленными слегка подзасохшими пятнами крови. Мол, пригодится напоследок. Под голову там свернуть вместо подушки аль накрыться, чтоб теплей было. В любом случае до утра там будет пахнуть свежей кровью. Была еще идея посадить возле двери кого-нибудь, чтобы слушал и стенографировал, но все беседы велись шепотом...

Утром Бойко с Ломовым и прибывшим корнетом еле успевали фиксировать на бумаге исповеди горе-шпионов. У меня даже возникло ощущение, что присутствую на Брейн-ринге, где даже доля секунды имеет значение. Помимо, разумеется, правильных ответов. Самым ценным собеседником оказался фотограф, который, оказывается, был напрямую связан с резидентом, роль которого исполняла люблинская проститутка Мария Цибульская, фланировавшая между Минском, Столбцами и Несвижем. Все известные ему осведомители замыкались на нее, а уж куда дальше тянулась ниточка – это надо было спрашивать уже у мадам, которая, по словам фотографа, должна была приехать завтра-послезавтра. Во всяком случае, прижимая изо всех сил ручонки к груди и боясь встретиться со мной взглядом, этот умник клялся и божился, что начиная с завтрашнего вечера он должен был появляться возле дома Фельдмана по Старо-Виленской, двадцать шесть, и справляться о прибытии дамочки.

Масштабы заварушки уже превосходили наши скромные возможности, поэтому Валерий Антонович решил еще раз связаться с жандармским управлением города и передать им инициативу. На мой недоуменный вопрос насчет контрразведки фронта с горечью заметил, что после убийства Батюшина разведкой Западного руководит подполковник Базаров, человек очень несамостоятельный, малоэнергичный и нерешительный, а корнет Астафьев поспешил нас заверить, что им не впервой заниматься подобными делами.

– В прошлом году мы задержали некую девицу по имени Антонина Кедыс, которая слишком много времени проводила в постелях господ офицеров. И не просто проводила, а выпытывала у них сведения военного характера. Когда ее как следует допросили, оказалось, что никакая она не Кедыс. Настоящее имя – Эрма Ляудер. Родилась в Тильзите в семье торговца лесом. Закончила лётную школу. Весь позапрошлый год провела в шпионских полетах над Ковенской и Гродненской крепостями. А в начале войны по поддельным документам пробралась в Минск, чтобы собирать разведанные не в небе, а в офицерских койках. Может быть, и потому, что с объявлением войны барышень официально отстранили от полетов...

– Интересно, Михаил Владимирович, и как же вы убедили ее быть откровенной? – Никаких подвохов, меня интересует только техническая сторона дела.

– Ну, Денис Анатольевич, у каждого могут быть свои профессиональные приемы... Вы же не рассказываете, как поспособствовали искреннему раскаянию сегодняшних клиентов и почему они ежеминутно на вас со страхом оглядывались...

* * *

Через два дня корнет Астафьев вновь появился у нас в гостях. Прибыл в компании ротмистра той же ведомственной принадлежности, отрекомендовавшегося Колесниковым Иваном Даниловичем, и капитана Бойко. И привезли данные господ интересные новости. Оказывается, интересующая всех нас мадам Цибульская вчера прибыла в город. Остановилась по адресу, указанному фотографом, который теперь, со слов ротмистра, в поте лица работал на жандармское управление.

– Вы, господа, так напугали беднягу, что, попав в настоящую камеру, он был безмерно счастлив. – Иван Данилович весело улыбается, затем продолжает: – Честное слово, первый раз

видел человека, рвущегося за решетку... Впрочем, там он пробыл недолго, сразу на допросе рассказал все, что ему было известно, и, представьте, сам предложил сотрудничество!

– Наверное, очень хочет жить, – выдвигаю логическое предположение. – И вы ему повели?

– Нет, конечно, за ним уже два дня ходят опытные филеры. И докладывают нам буквально обо всех его действиях. Кстати, на квартире был проведен тщательный обыск, нашли несколько фотографических пленок, на которых оказалось много занимательных штукенций. Валерий Антонович вам потом все подробно расскажет...

Интересно, это у жандармов профессиональное – говорить ни о чем, рот не закрывается, а конкретной информации – ноль... Хотя – нет, пошла инфа!

– ...квартира, где поселилась мадам, часто используется господами революционерами для своих конспиративных сходов. Интересное совпадение, не находите?

М-да, действительно, может не так уж не правы были «независимые СМИ», которые с пеной у рта клеймили большевиков как германских агентов? И ведь никто не отрицал тогда, что ехали отдельные «товарищи строители светлого будущего» в опломбированном вагоне через весь рейх. Интересно, кстати, почему всякие пустозвоны где-то по Цюрихам и Женевам шикуют за партийный счет, а один из очень немногих нормальных революционеров-реформаторов Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин в Туруханском крае ссылку отбывает?... Ладно, это – потом, на досуге. Слушаем дальше.

– ...На сегодняшний вечер заказала столик в ресторане Общественного собрания. Думаю, будет искать подходящего болтуна, это их обычная манера работы. И в связи с этим у нас появилась идея, с которой, собственно, к вам и приехали... Мы, конечно, можем арестовать ее в любой момент, но конкретных улик – пока кот наплакал... Поэтому мы и хотели предложить кому-либо из вас поработать этими болтунами. Прошу не обижаться, господа...

Смотрю на Валерия Антоновича, тот чуть заметно кивает, значит, он в курсе предложения и – за. Анатолий – тоже не против, стоит и уже предвкушает предстоящее действо... А почему бы и нет? Но сначала будем задавать вопросы.

– Скажите, Иван Данилович, а почему вы сами не можете этого сделать?

– Дело в том, Денис Анатольевич, что определенные персоны нас уже знают в лицо. И это – вовсе не обязательно представители преступного мира. С господами из Военно-промышленного комитета и Земгора тоже подчас приходится довольно тесно общаться. И я бы не сказал, что общение это приятное.

– А что так? Хамят? Так это у них за храбрость считается.

– Нет, дело не в этом. Просто чувствуешь бесполезность такой работы. Поймаем рыбку покрупнее, а сверху тут же окрик грозный – не смей!.. В общем, давайте оставим эту тему и вернемся к нашему предложению.

– Хорошо, что конкретно мы должны сделать?

– Нами там же заказан столик, нужно изобразить компанию офицеров-фронтовиков, отдыхающих на всю катушку. Это касается всех. А вам, Денис Анатольевич, – особая задача. По замыслу вы должны обмывать... ну, к примеру, орден. При этом будет провозглашена здравица в вашу честь, но так, чтобы слышали в зале. Насколько я помню, за подпоручика Гурова обещано двадцать тысяч марок. Думаю, она клюнет, тем более что ваша компания пригласит ее за свой столик. Любая информация о вышеупомянутом офицере и местонахождении его отряда будет высоко оценена германцами, а уж если удастся захватить его самого или уничтожить отряд...

– Интересно, и как же они будут его уничтожать? Всякие приказчики, фотоаппараты и точильщики кинутся на штурм со всех сторон? Если мы и померем, то только от смеха.

– Вы, Денис Анатольевич, на довольствии где стоите? Продукты на складах получаете? – Штаб-ротмистр не принимает моего веселого тона и спрашивает вполне серьезно: – Мы как раз

недавно общались с господами из Союза земств, которые нашли очень уж выгодных подрядчиков для поставки муки, естественно с выгодой для себя... Только вот в ту муку, как потом оказалось, толченное стекло было подсыпано. Теперь понимаете, о чем я?.. И связь с германцами там явно прослеживалась.

Охренеть!!! Ну ни хрена себе новости!.. Как далеко все запущено в наших тыловых структурах!.. Как-то не могу себе представить, чтобы в любой другой армии такое было возможно! Тут же виновники флюгерами на виселицах стали бы работать! Это только у нас, на Руси-матушке, всякие твари, «родства не помнящие», кичась своим благородным происхождением, баблом и еще хрен знает чем, могут так!.. С-суки, перестрелял бы всех на хрен!..

– Ну что ж, я согласен... Поиграем малость... В пределах дозволенного.

– С вами поедет Михаил Владимирович. – Ротмистр кивает на Астафьева. – Он у нас недавно, еще не примелькался, переоденется в кавалерийскую форму, составит компанию Анатолию Ивановичу. На месте будут еще наши люди, ведите себя естественно. Помните, вы – фронтовики, желающие хорошенько отдохнуть после грязи окопов и ужасов войны. Скорее всего, мадам захочет поближе с вами познакомиться... Как бы это сказать?.. В более уютной и... интимной обстановке. Предложит поехать к ней на Старо-Виленскую. Не отказывайтесь, постарайтесь выкрутить из данной ситуации максимум пользы.

Ага, ни в чем себе не отказывайте и совместите приятное с полезным! Только вот изображать лося в период гона не собираюсь, всему есть предел.

– Само собой, все будет финансироваться по нашему ведомству, без ограничений, но в меру... Какие-то просьбы и пожелания у вас имеются?

– Не подскажете адреса охотничьих и оружейных магазинов в городе, Иван Данилович? – Видя его недоумение, объясняю: – Недавно приобрел достаточно редкую вещицу, к ней нужны шпилечные патроны. Может быть, где-нибудь и найду.

– Вы, случайно, не про «Апаш» Лефоше говорите? Хорошая штучка, да и полезная в предстоящем деле. – Ротмистр обращается к корнету: – Михаил Владимирович, не считите за труд, помогите Денису Анатольевичу. Итак, господа, прошу всех быть готовыми к шести часам вечера...

Глава 3

Без четверти семь к входу в ресторан подкатывают две пролетки, из которых высаживается десант в составе четырех уже хорошо подгулявших господ офицеров.

– Хвалю, любезный! С ветерком прокатил!

– Вас подождать, ваши высокоблагородия? – Старшему «бомбиле» ужас как не хочется терять таких выгодных клиентов, даже в званиях нас повысил.

– Нет, мы здесь надолго... Вот, получи...

Сунув лихачам по «синенькой» и радостно переговариваясь, компания устремляется внутрь – продолжать праздник жизни. Низенький полный мэтр очень вежливо провожает нас за предназначенный столик и улетучивается, пообещав на прощанье прислать официанта, который буквально тут же вырастает как из-под земли. Оживленно споря, делаем заказ, вполне соответствующий аристократически белоснежной скатерти с шикарной сервировкой, и в ожидании материализации чуда с интересом осматриваемся вокруг. Блин, как же я со всеми этими приборами обращаться буду? В данной области – полный пробел в воспитании! Придется приглядываться к действиям других, чтобы случайно по незнанию вилок для рыбы не хватать какой-нибудь шматок сала.

Ресторан выглядит непривычно и как-то даже величественно. Довольно уютное чистое помещение с большими окнами, обрамленными тяжелыми портьерами, яркий электрический свет дробится тысячей лучиков в хрустальной люстре под потолком, отражается в натертом до зеркального блеска паркете из натурального дуба. В углу, на небольшом подиуме, расположен скрипично-виолончельный квинтет. Хотя – нет, там еще вроде флейта наличествует. Играют что-то негромко-спокойное. Пока... Скоро, ребята, мы и до вас доберемся!

Свободных столиков – всего два, остальные заняты блестящими представителями губернского интендантства – куда ж без них-то, бравых героев – земгусаров. Пока все тихо, спокойно. Никто не хохочет, не визжит, не лезет лобызаться через стол, не спит лицом в тарелке. Старших офицеров нет, значит, можно слегка расслабиться, чем Анатолий тут же пользуется:

– Господа, вы уверены, что здесь достаточно приличное место? Excusez-moi¹, но мне показалось, что потянуло этаким крысиным складским душком. – Поручик, играя по сценарию роль бретёра, нагло и бесцеремонно оглядывает весь зал. – Не находите, что присутствие этих господ здесь вовсе не обязательно?

– Анатолий, друг мой, успокойтесь. – Валерий Антонович заступает за тыловики, притихших от осознания того, что «здесь вам – не тут» и перчаточки с папахой, поднесенные в дар какому-нибудь его превосходительству, в данном конкретном случае не сработают. – В конце концов, потерпите чуть-чуть, скоро придет время – доберемся и до них. Вот тогда будет вам карт-бланш.

Пока господа офицеры развлекаются беседой, не обращая внимания на бледнеющие и зеленеющие мордочки за соседними столами, вопросительно смотрю на корнета. Астафьев отрицательно качает головой, значит, наша мадам еще не прибыла. Ну что ж, начинаем пока разминаться беленькой... Прозраченькой и чистенькой водичкой, припасенной для такого случая. Запах от нас есть, перед отъездом «замаскировались» по паре рюмок, Ганна сделала что-то вкусное на закуску и пообещала, что не так сильно будем пьянеть. Дежурная бутылка уже стоит открытой, рюмки налиты, на столе одновременно с ней появилось блюдо с нарезанной ветчиной и прочими вкусными изделиями из хрюшки, буренки и кого-то еще. Смотрю на действия старших товарищей и повторяю за ними. Ох, ну и морока! Взять с тарелки с нарезкой отдельной «общей» вилок буженинку, положить себе на небольшую тарелочку, затем в

¹ Простите (*фр.*).

руки – уже индивидуальная пара «вилка – нож». Отрезать маленький, на «один кусь», ломтик, отправить в рот, заедая такой же микроскопической порцией хлеба, отломанной от кусочка, лежащего на отдельном блюде. Бр-р, как так можно наестся? То ли дело в походных условиях! Копаешь ложкой тушенку из банки, пока доньшко не покажется, – вот и весь этикет...

Корнет пару раз негромко цокает вилкой по тарелке, привлекая внимание. По глазам вижу, что начинаем игру. Делаем вид, что оживленно болтаем, выдерживая паузу, затем рассеянно оглядываюсь. За одним из пустующих столиков уже сидит клиентка. Дамочка на вид лет двадцати пяти – тридцати, выглядящая достаточно эффектно и красиво. По-моему, таких, как она, скоро будут называть *la femme fatale*, или леди-вампи. Изысканное платье с претензией, наверное, на парижскую моду последнего сезона, яркий макияж с вызывающей карминовой помадой и специально подрисованные черным глаза.

Элегантно-хищная грация пантеры, томный взгляд кошки, ясно говорящий о том, что она не оставит ни малейшего шанса никому, и притягивающий взоры почти всех присутствующих мужчин, как магнит. Ее поза, движения, манера держаться – все говорит о том, что она видит всех насквозь, заставляет трепетать от самых неприличных и потаенных чувств, рождающихся в одурманенных алкоголем и гормональными взрывами мужских головах, да и не только там... Да, красивая, холеная, изящная... самка, от которой за версту прёт сексапильностью. В голове – только холодный аналитический расчет, никаких эмоций. Типа – бизнес, ничего личного. Этаким биоробот, работающий по однажды заложенному алгоритму... Ну что ж, попробуем поменять программное обеспечение.

Идя на посылаемые флюиды, как корабль на свет маяка, к ее столику пытается пришвартоваться уже изрядно пьяненький чинуша из интендантского управления. Блин, так он всю игру может нам испортить! Смотрю на Михаила Владимировича, тот успокаивающе улыбается, мол, все под контролем. Возле дамочки уже никого нет, видно, господин был вежливо послан по старому, как мир, маршруту. Дольский разливает по рюмкам уже настоящую водку, Валерий Антонович встает и так, чтобы было слышно не только за нашим столом, провозглашает тост за победу русского оружия. Дружно подрываемся, лихо выпиваем, пьяно рываем тоекратное «Ура!», затем плюхаемся обратно и начинаем закусывать, оживленно дискутируя на тему якобы предстоящего наступления. Оборачиваюсь в очередной раз и ловлю на себе равнодушный взгляд мадам, который тотчас перескакивает на капитана Бойко, направляющегося, слегка пошатываясь, к оркестрантам. Ну да, какой-то подпоручик и капитан с аксельбантом Генштаба. Почувствуйте разницу, как говорится.

Взгляд дамочки вызывает ассоциацию с командиром подводной лодки, высчитывающим в перископ дистанцию и пеленг на цель. Валерий Антонович, давя авторитетом погон и состоянием подвыпившего офицера, заставляет музыкантов исполнять «Песнь о вещем Олеге», неловко дирижуя и фальшиво напевая. Тут же в три глотки поддерживаем командира, заставляя в очередной раз недовольно замолчать компании за соседними столами. Всецело отдаемся музицированию, пока не кончается песня. Дольский разливает очередную порцию, Бойко, сунув главному маэстро в руку ассигнацию, возвращается к столу. Не садясь, подхватывает рюмку и с той же громкостью произносит тост-поздравление:

– Желаю еще раз поздравить вас, сударь, с получением высокой награды! Право же, подвиги вашей роты и вас лично оценены по заслугам!.. Здоровье подпоручика Гурова, господа! Денис Анатольевич, давайте по-нашему, как на передовой!

Опять подрываемся с мест, и все орут «Ура!» уже мне персонально. Беру фужер с водой, ставлю на правое предплечье ближе к локтю, зубами захватываю ободок, резко запрокидываю голову, выпивая содержимое без помощи рук, затем подхватываю и ставлю на место. Немножко изящнее все-таки, чем Яшка-Цыган в «Неуловимых». Компания хлопает меня по плечам и выдает бурные и продолжительные аплодисменты... Давнишний чиновник подкатывается к нашему столу с просьбой-порицанием:

– Господа, господа! Будьте так любезны, немного потише! Мы, конечно, понимаем-с, что офицерам, прибывшим с фронта, необходимо отдохнуть-с, но, право же слово, не так громко!

– Эт-то кто мне здесь будет указывать, что громко, а что – нет?! – Анатолий вылезает из-за стола и медведем нависает над низеньким просителем. – Вы, кх-м... сударь, хоть раз были под артобстрелом?.. Вот там действительно громко! Здесь по сравнению с окопной жизнью – вообще мертвая тишина!.. А если кому-то не нравится, как мы себя ведем... – *je vous prie*,² пожалуйста – к барьеру!!

– Ах, боже мой, господин поручик, прошу вас... Вот-с, например, даме, кажется, не нравится ваш шум...

Дольский небрежным движением руки отстраняет чинушу, заинтересованно смотрит на мадам, затем щелкает пальцами, подзывая официанта:

– Ну-ка, милейший, бутылку самого лучшего шампанского за тот столик!.. Мигом у меня!.. Аллюром – марш!

А дамочка уже не так равнодушно смотрит на нашу компанию. Глаза – как два прожектора в ночной тьме, высвечивают каждого из нас по очереди. Ключула рыбка? Вот сейчас и проверим...

Обогнув «замершего в восхищении» Анатолия, подхожу к столику и слегка заплетающимся языком выдаю очень вежливую, на мой взгляд, фразу:

– Сударыня, будьте милосердны! Покорнейше просим-с простить за некоторый шум!.. Сейчас идет война-с, а в случае боевых действий все ценности империи, и именно такой восхитительный бриллиант, как вы, должны быть под защитой армии. Снизойдите к нашим мольбам-с и украсьте своей фантастической красотой скромное общество офицеров-фронтовиков!.. Пзвольте ручку-с облобызнуть!..

Мадам выжидает, как бы в раздумье, отрепетированные несколько секунд, затем с милой улыбкой соглашается и протягивает мне руку, чтобы помог ей встать. На столе усилиями официанта, подгоняемого Дольским, тут же материализуется еще один столовый прибор в компании с обещанной бутылкой шампусика, вся компания вежливо встает и по очереди представляется госте. Меня она выслушивает внешне равнодушно, только глаза на миг вспыхивают то ли торжеством, то ли азартом. Сама же в ответ представляется баронессой Амандой Леопольдовной Вэльо. Ага, почти баронесса фон Грей фон Штурм или маркиза дю Карамболь из «Летучей мыши». Интересно, почему эти дамочки любят представляться всякими титулованными фамилиями с пышными, хоть и мифическими родословными? Потому что их профессия начиналась с того, что упомянутые бароны их пороли и имели на своих конюшнях? Или это просто зависть к аристократии?..

Оркестр негромко наигрывает мелодии из популярных оперетт. Накатив очередную рюмку за знакомство, продолжаем начатый ранее разговор о военных делах. Сначала Валерий Антонович делится очень секретными сведениями о готовящемся наступлении 4-й армии и о том, что мы, в смысле, наша 2-я будет наносить отвлекающий удар. Затем эстафету принимает наш лихой кавалерист Дольский и в течение пятнадцати минут вешает лапшу на уши баронессе в лучших традициях армейского трёпа. Дамочка уже влилась в диспут и пытается даже им руководить, во всяком случае, задает достаточно хитрые вопросы, вынуждая нас спорить друг с другом. Почему-то на ум приходит сравнение с богиней раздора Эридой... или ее земной коллегой Клеопатрой из «Египетских ночей». Как там у господина Пушкина?

Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?..

² Я прошу вас... (*фр.*)

В нашем случае вместо жизни объектом торга, наверное, является важная информация... Все остальное – аналогично. Дождавшись окончания очередной байки Анатоля с подыгрывавшим ему корнетом, «баронесса» атакует меня:

– А почему вы, Денис Анатольевич, молчите? – Дальше интонация становится кокетливо-капризной. – Расскажите же что-нибудь про свои подвиги! Ведь, насколько я понимаю, вас наградили орденом?

– Я не совершил ничего особенного, мадам. Как говорят наши союзники, *à la guerre comme à la guerre*... Мы стреляем, в нас стреляют...

– Извините его, баронесса, Денис Анатольевич у нас – известный скромник. – Капитан Бойко начинает потихоньку раскрутку темы. – А между тем на счету его роты, да и лично его самого, немало славных дел в тылу у германцев... Ну же, подпоручик, расскажите про последний рейд!

– Валерий Антонович, вы же прекрасно все знаете... Ну, повоевали малость. Обозы германские громили, несколько артиллерийских батарей уничтожили, железнодорожную станцию взорвали. Да и так по мелочи порезвились... – Пытаюсь выглядеть подвыпившим, обиженным и непризнанным гением. – И дальше бы тевтонов громили, если бы не этот чертов... Пардон, мадам!.. Этот англичанин. Как его... лейтенант Джеймс Бонд. Бросай всё, сиди и жди, пока эта подлодка не приплывет... И что это за формулировка: «Поступаете в полное распоряжение...»? Да он не то что с нижними чинами, со мной обращался, как со слугой... Ничего не объясняет, только командует... Вся рота – как его личный почетный эскорт, без разрешения никуда не отлучаться... Как бараны, сидим несколько дней на одном месте, вокруг германцы туда-сюда ходят, а мы в кустиках отдыхаем... Потом пароход этот, корыто старое, захватываем неизвестно зачем... А потом мистер Бонд перегружает на подводную лодку пару каких-то ящиков – и нет чтобы уплыть вместе с ними на свой Туманный Альбион, тащится с нами в Ново-Георгиевск. Слава богу, хоть там от нас отвязался, сразу к генералам кинулся... Еще пару дней, господа, и, честное слово, – не выдержал бы!..

– Ах, Денис Анатольевич, вы так интересно рассказываете! – Баронесса аж раскраснелась от удовольствия, в смысле, волнения. – Но прошу меня простить, я вас покину, господа, на одну минуточку!

Проводив взглядами удаляющуюся фигуру, негромко переходим на трезво-серьезный тон, пока есть время.

– По-моему, она в достаточной степени уже заинтригована. – Валерий Антонович довольно потирает руки. – И в качестве жертвы выбрала вас, Денис Анатольевич. Так что нам осталось только чуть-чуть подыграть и удалиться...

Мимо нашего столика проходит давешний складской хомяк, останавливается и начинает пьяно разглагольствовать про единение боевых офицеров и доблестных кладовщиков в погонах, одновременно роняя на стол перед Астафьевым маленькую бумажку. Чирикнув напоследок еще пару ничего не значащих фраз, чинуша удаляется на свое место. Корнет разворачивает записку, затем негромко поясняет:

– Мадам куда-то телефонирует. Абонента узнаем чуть позже... Что вы так улыбаетесь, Денис Анатольевич?

– Да вот вспомнил по подходящему случаю анекдот... Некий господин сидит в ресторане с дамой, и приспичило ему... по малой нужде. Но ведь надо как-то объяснить это спутнице, вот он и говорит: «Простите великодушно, мадам. Я вынужден вас покинуть буквально на минуточку, дабы помочь одному своему другу... С которым надеюсь познакомить вас чуть попозже...»

Кажется, обстановку разрядили, все ржут. Чуть позже возвращается с довольным видом баронесса, и спектакль продолжается. Пока мы с Дольским соревнуемся в армейском красноречии, Валерий Антонович вновь идет терроризировать музыкантов. После недолгих перегово-

воров, где главным аргументом послужила пара «красненьких», капитан с довольным видом возвращается на место, а спустя минуту главный маэстро, тихонько наигрывая модный и популярный романс «Сияла ночь» на слова Фета, неторопливыми шагами приближается к нашему столику, на зависть высокопоставленным зрителям портянок, не догадавшимся или не успевшим заказать что-нибудь из музыки своим фифкам. Старый седой музыкант, обойдя наш столик, останавливается перед баронессой, и его скрипка начинает выдавать красивую импровизацию на мелодию романса. А мне почему-то вспоминается старый скрипач, повесивший сюртук на спинку стула, про которого пел Константин Никольский...

Улучив минутку, под благовидным предлогом покидаю разудалую компанию и спешу в туалет – кое-что дополнить в своем костюме в районе брючного ремня. В коридоре меня останавливает тот самый «хомяк», который пытался клеиться к нашей даме. Совершенно трезвым голосом шепчет:

– Мадам звонила на Старо-Виленскую. Все идет по плану...

Молча киваю в ответ. А с виду и не скажешь, что он из Отдельного корпуса. Ладно, у них своя работа, у нас – своя... В туалетной комнате быстренько произвожу все необходимые манипуляции, затем оглядываю себя в зеркало. Внешне ничего не видно, только полы кителя снизу чуть-чуть раздвинуты. Да оно и понятно. Спокойно сидеть рядом с такой... кх-м... женщиной может только полный импотент. Во всяком случае, она так считает. Вот и не будем ее разочаровывать. Еще раз оглядываю себя в зеркало и иду обратно.

За столом продолжается оживленный разговор, в котором тут же приходится принять самое активное участие. Баронесса с невинным видом подкидывает очень заковыристые вопросы, ответы на которые граничат с разглашением секретных сведений. При условии, что эти сведения правдивы и соответствуют действительности, а не сочинены вчера вечером специально для такого случая. Мое появление встречено ослепительной и очень многообещающей улыбкой, а затем следуют новые проявления простодушного дамского любопытства. Блин, ей что – лекцию о проведении диверсионных действий прямо здесь прочитать?..

Разговор прерывается алкогольной паузой, в смысле – налить, выпить и закусить, затем возобновляется.

– Денис Анатольевич, расскажите еще что-нибудь о своих подвигах! Когда я буду на ближайшем балу у... княгини Оболенской, то обязательно блесну знакомством с такими героическими боевыми офицерами. – Мадам моментально переключается с Валерия Антоновича, которого только что пыталась обаять с целью вызнать ближайшие планы командования армии, на мою скромную персону. – Это же так романтично! Красться в ночной тьме к вражескому бивуаку, замирая при каждом шорохе... Внезапно напасть и захватить в плен какого-нибудь важного штабного офицера с множеством секретных документов... Рискуя жизнью, доставить пленного к своему начальству...

Кажется, дамочка достаточно серьезно информирована. И достаточно самонадеянна, рассчитывая на наше опьянение и невнимание. Очень хочется пристально прищуриться и задать вопрос, традиционный для всех поколений контрразведчиков: «А с какой целью интересуетесь?» Но вместо этого начинаю пьяно-хвастливо рассказывать о том, как в некоей усадьбе некоего аристократа... Пардон, но вы же понимаете, мадам, что это очень секретно и – т-с-с, никому!.. Так вот, в его замке мы захватили в плен целого оберст-лейтенанта, который оказался начальником оперативного отдела какого-то там корпуса... Уже и не помню какого... А, ну да, германского, разумеется, спасибо, Анатоль, что напомнил... Так вот, мы еле ноги унесли от погони... Или погоня от нас?.. Нет, скорее мы, – их было гораздо больше... И выручили как раз драгуны Анатолия Ивановича, рванувшись в контратаку на преследовавших нас рыцарей Тевтонского ордена... Что?.. Их давно уже не существует?.. Пардон, господа, – тогда германских кирасиров... Как, их тоже там не было?.. Ну, тогда...

Мой алкогольный бред прерывается в результате появления нового действующего лица. Молодой щеголеватый поручик, придерживая рукой пашку, останавливается на входе в зал, окидывает взглядом всех сидящих, затем, увидев машущего рукой капитана Бойко, быстренько подходит к нам.

– О, Игорь Николаевич!.. Какими судьбами?.. Вы же, кажется, сегодня дежурным адю... адю... адъютантом?.. Впрочем, неважно!.. Ф-фициант!.. Еще один прибор за стол! Живо!.. Присаживайтесь, га-аспдин поручик, поднимите чару за компанию!.. – В меру сил пытаюсь изображать, что меня понесло, развезло и окосевшую тушку можно брать голыми руками.

Талантливо изобразив на лице мимолетную брезгливую гримасу, дежурный адъютант командующего решает не замечать пьяного в зюзу подпоручика и обращается к капитану Бойко, как старшему по званию, но так, чтобы всем остальным хорошо было слышно:

– Валерий Антонович! Насилу вас разыскал!.. Командующий приказал срочно собрать всех офицеров штаба. Из Ставки получен секретный приказ... Только между нами: его императорское величество отстранил великого князя Николая Николаевича от поста главкома и сам принял Верховное командование... Авто ждет.

Ну, для нас это – не секрет, приказ доведен еще утром, но многозначительно сгустить таинственность можно. В интересах дела...

– Анатолий! Собирайся, нас вызывают в штаб! – господин капитан окликает Дольского, который тем временем буквально раздевает взглядом баронессу. – Мадам, покорнейше прошу простить, – служба.

Дамочка в свою очередь переводит несколько растерянный взгляд с Бойко на меня и обратно. Похоже, находится в роли Буриданова осла, не зная, кого выбрать. С одной стороны – капитан-штабист, прекрасный долгоиграющий источник сведений, с другой – пьяная тушка подпоручика, за которого обещаны очень неплохие деньги. В конце концов Валерий Антонович «помогает» сделать выбор:

– Денис Анатольевич... – В его взгляде явно читается сомнение, что подчиненного в таком виде стоит показывать генералу. – Вы, сударь, вроде как – виновник торжества, посему разрешаю на службу явиться завтра поутру. Сегодня же препоручаю вашим заботам нашу очаровательную баронессу, с которой, несомненно, мы еще встретимся в самое ближайшее время... Мадам, примите еще раз мои глубочайшие извинения, надеюсь, наше знакомство не закончится сегодня вечером...

– Благодарю вас, господин капитан! – Пытаюсь подняться и встать в стойку смирно, что со второй попытки вполне удается.

– Господа, прошу поторопиться, его высокопревосходительство ждать не любит. – Адъютант с Валерием Антоновичем направляются к выходу, за ними, попрощавшись, следуют Дольский с корнетом, которого Анатолий на правах начальства прихватил с собой из вредности и на всякий случай. Ну-с, а мы продолжаем игру в кошки-мышки.

– Скажите, ваше сиятельство... Пардон, милая Аманда Леопольдовна, какая несправедливость судьбы заставила вас осчастливить своей неземной красотой сей прифронтовой городишко? Неужели ваш муж настолько бессердечен, что отпустил такую хрупкую, нежную женщину одну?

А вот не всё вам вопросыки задавать, придумайте чего-нибудь, мадам. И желательно – достаточно правдоподобное. Ага, глазки забежали, на лбу все свои морщинки в кучку собрала, сейчас услышим ненаучную фантастику... Да еще и с примесью пафоса...

– Видите ли, Денис Анатольевич, в такую суровую для Отчизны годину никто не должен оставаться в стороне и сидеть сложа руки. Каждый должен внести свою лепту, свой вклад в общее дело победы над врагом...

Ох, блин, сейчас расплачусь. Интересно, в какой же газетенке она понахваталась таких фразочек?..

– ...С началом этой жуткой войны мы с подругами вместо обыкновенных приемов стали устраивать небольшие дамские посиделки с представительницами общества Красного Креста, нарезали бинты, готовили перевязочные пакеты, компрессы, подарки для раненых. На днях вот пришлось самой сопровождать очередную партию для минских лазаретов – муж очень занят по службе, занимает ответственную должность в Департаменте...

Ну, сейчас расплачусь от умиления. В четыре струи... Актриса, что и говорить!.. И выражение личика – ну прям натурально сострадательное.

– Ах, Денис Анатольевич, если б вы только знали, как иной раз грустно и тоскливо одинокой женщине... – С этими словами баронесса включает завораживающе-обволакивающий взгляд, делая соответствующее выражение лица. – Так иной раз хочется почувствовать рядом крепкую мужскую руку, на которую слабая, беззащитная женщина может доверчиво опереться...

После таких слов ничего не остается, как сломя голову броситься на помощь.

– Бога ради, прекраснейшая Аманда Леопольдовна! Я буду бесконечно счастлив развеять вашу грусть и печаль! Одно только слово – и мы едем в Цну, где квартирует моя рота! Там очень живописные места! Речка, лес, ночная тишина и прохлада...

– Вы разве не в Комаровке квартируете? – удивляется мадам.

– Нет, там у нас только склады и обоз... Нет, право же, едемте прямо сейчас! – Осталось только пустить слюни от переизбытка неприличных желаний. Типа клиент дошел до нужных кондиций...

– Я с огромным удовольствием приму ваше предложение, Денис Анатольевич... Но только не сегодня. – Дамочка вся подобралась, как кошка перед прыжком, так и сверлит взглядом.

Изображаю жуткое недоумение и напряженную работу мыслей в окончательно затуманенных алкоголем извилинах. Как так, мальчика лишают вкусного!.. Наверное, все изобразил правдиво, потому что, немного расслабившись и добавив в голос эротично-бархатные нотки, баронесса продолжает:

– Я обязательно побываю у вас в гостях... Но сегодня уже поздно... – Еще один взгляд, ставящий окончательный диагноз, затем она решает: – Как вы посмотрите на то, чтобы сменить обстановку на более уютную и конфиденциальную? Эта ночь так располагает к любви... Я знаю неподалеку одно местечко...

Она уже даже шифроваться перестает, не считает нужным ломать комедию перед напившимся придурком. А мы что? Мы на все согласные. Почти по Грибоедову:

Сейчас допью стакан,
И я – у ваших ног!

– Мадам, едем! Немедленно! Я прямо сгораю от нетерпения!.. Увидеть это маленькое уютное гнездышко, где нам никто не будет мешать, где мы останемся наедине!.. – Стараюсь выглядеть достаточно пьяным и страшно озабоченным сексуальным маньяком. – Ф-фисиант, счет!..

Очень скоро на столе появляется тарелочка с листком бумаги. Мельком заглядываю в цифры, достаю из бумажника и небрежно кидаю сверху несколько катеринок. Затем, поизучав пару секунд официанта нетрезвым взглядом, добавляю четвертной. Типа чаевые. Сумма зараннее согласована с господами из Отдельного корпуса и, сильно подозреваю, даже с руководством ресторана...

Глава 4

Выйдя в вечернюю прохладу улицы, небрежным жестом подзываю одного из дежурных извозчиков, стоящих неподалеку. Помогаю усестся даме, затем вскарабкиваюсь в пролетку сам, предварительно промахиваясь первый раз мимо подножки. На традиционный вопрос лихача «куда?» звучит очень точный ответ:

– Гони по Подгорной...

Густые сумерки, поднятый кожаный верх «такси» и тусклые фонарики в одну свечу каждый – по бокам – давали прекрасную возможность продолжить общение в более свободном и флигельном стиле. Ну, там за коленку потрогать якобы случайно или попытаться обнять. Сопротивление при этом было насквозь формальным и притворным. Отбиваясь от моих рук, мадам, игриво хихикая, «нечаянно» направляла их на более выпуклые и интересные части своего тела, при этом ее руки тоже не оставались без работы. Обшарила меня на предмет скрытого оружия она достаточно профессионально, только один раз, когда, проводя рукой по бедру, она наткнулась пальчиками на продолговатое утолщение в области ширилки, непроизвольно дернулась, но быстро взяла себя в руки и попыталась отшутиться:

– Ах, Денис Анатольевич!.. Теперь я, кажется, понимаю, насколько тяжело мужчинам на фронте!.. О-о-о!.. Ну, потерпите еще совсем немного... Мы почти приехали...

То, что до «гнездышка» осталось совсем немного, и так было понятно. Также понятно было и то, что на Старо-Виленскую, где нас ожидают остальные участники сегодняшнего банкета, мы, скорее всего, не попадаем. Город знаю хреново, но то, что поехали не туда, – и к бабке не ходи...

Расплатившись «красненькой» с извозчиком, захожу следом за баронессой в подъезд какого-то доходного дома. Насколько сумел рассмотреть – три этажа, не считая полуподвала. Заведение, скорее всего, для достаточно обеспеченной публики. На лестнице горят лампы, ничем антисанитарным не пахнет, чистенько и даже уютненько. Мадам, страстно схватив меня за руку, буквально втаскивает на второй этаж, останавливается перед правой дверью, достает из ридикюля ключи, отпирает замок и, войдя первой, приглашающе манит меня рукой, загадочно улыбаясь в тусклом свете керосинки. А, ну да, я же почти себя не контролирую и обуян только одной мыслью!.. Ломлюсь за дамочкой внутрь, делаю несколько шагов по коротенькому коридорчику, попадаю в небольшую комнату-холл, уже освещенную четырьмя свечами в канделябре, стоящем на комод у стены...

Сзади еле заметным движением воздуха ощущается движение, обернуться не успеваю, что-то твердое и очень похожее на ствол упирается под левую лопатку, два человека крепко подхватывают под локти, лишая свободы маневра...

– Не дергайся, офицерик... Стой смирно... – Судя по голосу, говорящий молод и весьма доволен собой. Особенно тем, как они поймали птичку в клетку.

Кобура расстегнута, наган уже на комод, слева на ремне появляется непривычная легкость, «Аннушка» тоже переселяется поближе к револьверу... Баронесса торжествующе усмежается, с видимым презрением глядя на алкаша в офицерской форме. Немного ей подыграем.

– Эт-та што такое?! Как стоишь перед офицером, мрзавец!.. – Поворачиваюсь влево и неловко пытаюсь закатить оплеуху одному из новых персонажей – то ли мастеровому, то ли приказчику. Его правая рука занята стволом, но стрелять вряд ли будет. Я им нужен живым и относительно здоровым... Ох ты ж, тво-й-ю-ю... Однако «мастеровой» не новичок в драке... С левой без замаха так засадить под дых – опыт нужен, если не талант. Ноги подкашиваются, падаю на пол, скрючиваюсь и громко пытаюсь продышаться. Надеюсь, хрипы и конвульсии позволят остаться незамеченной правой руке, которая уже залезла за брючный ремень и сни-

мает «Апаш» со специальной петельки изнутри ширинки... Все, пальцы вдеты в кастет, рука вытягивается наружу...

– Ты его случайно не убил? – Баронесса подает голос. – Смотри, чтобы пол не заблевал. Мне он нужен живым... Придется переправить его на ту сторону. Поднимите его...

Оба конвоира опять цепляют меня за локти и переводят все еще съезжившуюся, обмякшую тушку в вертикальное положение. На ногах стоять трудно, поэтому меня тянет вперед, делаю судорожный шаг... Потом – толчок ногой, корпус уходит назад, локоть правой влетает под челюсть одному «вертухаю», который тут же ложится отдохнуть возле стены. Скручиваюсь против часовой стрелки, левой отвожу руку второго противника, правая с кастетом прилетает ему в печень. После чего он, сложившись наподобие перочинного ножа, оказывается на полу у другой стены. Легким движением руки кастет превращается в револьвер...

Мадам, очнувшись от ступора, ломится к комоду, где лежит мой наган, заранее, кстати, разряженный, и, наверное, что-то аналогичное в ее сумочке. Ее порыв останавливают сухой щелчок взведенного курка на «Апаше» и прозвучавшая, как шипение взбешенной гадюки, фраза:

– Замри, с-сука!..

Команда выполняется интуитивно, дамочка ошеломленно смотрит, даже не пытаясь заговорить и, к примеру, выдать два тела на полу за посторонних грабителей. Дальше следует вовсе непонятная ей игра:

– Лицом к стене!.. Руки на стену!.. Шаг назад!.. Ноги расставить!.. – Вот теперь мадам в самой подходящей для разговора позе. Только разговаривать будем потом. Сейчас надо найти возможность обездвигнуть три враждебных организма и как-то связаться со своими. О, огромное спасибо тому человеку, который придумал украшать шторы витыми шнурами с кистями на концах!.. Дергаем за веревочку, окошко и открывается, в смысле, портьера вместе с карнизом падает вниз. Отщелкиваем клинок на «Апаше»... Блин, полезнейшая вещь, на все случаи жизни!.. Одно движение, и в руках около двух метров прочной витой бечевы... Делаем скользящую петлю, заводим ручки лежбаронессы за спину, связываем... А теперь – на пол мордочкой вниз. Извините, мадам, за некоторое неудобство, что поделать – война... Разрезаем шнурки, скидываем с дамочки ботинки, связываем щиколотки и внатяг приторачиваем ноги к рукам. Получается этакая «дама-качалка»... Что-то не в тему развеселился. Всё же не в БДСМ играем! Там еще два клиента в очереди дожидаются...

Нет, только один. У которого внезапный приступ печеночной колики начался. Пытается шарить ручками по полу, отыскивая свою пушку... На тебе с другой стороны по ребрам, полежи, отдохни. А я пока твоим напарником займусь... А, собственно, заниматься и нечем. Я, конечно, не хирург, но перелом шейных позвонков диагностировать могу. То ли когда ему локтем в горло засветил, то ли когда он своей башкой о стену тормозить пытался. Голова под тридцать градусов к плечам... Пульс не прощупывается... Значит, повезло, быстро отмучился. И спрашивать никто, кроме апостола Петра, ни о чем не будет. Хотя – нет, у него другой маршрут вырисовывается.

Теперь – последний. Второй шнур используем аналогично первому. Извини, дорогой, понимаю, что очень больно, но тебе тоже придется полежать в достаточно неудобной позе. Так же как и твоей хозяйке... Ага, вот и пистолетик нашелся. Обычный браунинг «номер два». Это мы с собой заберем. Как там в голливудских боевиках в таких случаях говорят?.. «Никуда не уходите, я скоро вернусь...»

Цепляю шашку на португую, возвращаю наган на место. Что тут у мадам в сумочке?.. Пудреница, помада, платочек, всякая дамская ерунда... О, а вот и еще одно изделие старины Джона Мозеса Браунинга, в простонародье – «бэби-ган». Маленький такой пистолетик на четыре мелкашечных патрона. В руке прячется свободно. А на дистанции в пару-тройку шагов

– вполне смертоубийственная штука. Будет теперь моим личным трофеем. Даже знаю, кому его подарю... Так, лирика – потом. Сейчас дело надо делать и работу работать.

Еще раз убеждаюсь, что тушки связаны на совесть и не смогут даже подползти друг к другу, отправляюсь искать единственного человека, который в данный момент может мне помочь, – местного дворника. Спускаюсь вниз, к дворничкой, из полумрака от стены отклеивается фигура и движется навстречу... Третий, которого на стреме оставили?... Нет, успокаивающе подняв руку, ко мне подходит старый знакомый – ресторанный «хомяк».

– Еще раз мое почтение, Денис Анатольевич. Позвольте представиться: Кучумов Василий Иванович, сотрудник Департамента полиции. Вам помощь какая-нибудь требуется?

Ага, не Отдельный корпус, но близко к этому.

– Как вы здесь оказались, Василий Иванович? – Вовремя, однако, очень вовремя господин нарисовался.

– После вашего с мадам отъезда я, отпросившись, за вами помчался. Этот райончик знаю, были здесь дела еще до войны... Это – доходный дом господина Белье. Хозяин давно революционерам помогает. Здесь у него нелегальные сходки были на квартирах. Не удивлюсь, если и наша дама к социалистам отношение имеет самое непосредственное.

– Подождите, она же – германский агент, какие еще социалисты?

– Эх, господин подпоручик, послужили бы в нашем управлении, знали бы, что клубочек этот очень тесно переплетен. В нем все: и тайные агенты, и революционеры, и просто уголовники, и иная, не менее опасная публика. У кого, думаете, те же эсеры учились свои «эксы» проводить, оружие добывали? Сами, что ли, все придумывали?... Квартирка-то, где вы были, на втором этаже справа находится? По нашему ведомству – за социал-демократами числится. Живут тут частенько разные агитаторы, народ мутящие против войны да за германца выступающие... Вот так вот.

– Хорошо, Василий Иванович, давайте делом займемся. Потом поговорим, когда время будет.

– Согласен, Денис Анатольевич. Чем могу помочь?

– Там, наверху, двое пленных и один труп. Нужно их доставить жандармам.

– Сейчас дворника разбужу, он найдет пролетку. – Василий Иванович энергично стучит в дверь, из-за которой доносится громкий храп. – Фомич, проснись, запивашка!.. Вставай, кому сказал!.. Живо найди пролетку аль подводу какую!..

Дверь приоткрывается, из нее показывается всклокоченная голова с бородой, торчащей в разные стороны.

– Ой, Василь Иваныч пожаловали! Милости просим к нам-то!.. А хто ета с вами, Василь Иваныч? Никак ахвицер какой?.. Шо-та случилася?.. Пролетку?.. Эт-та мы мигом сделаем!..

Отправив дворника, поднимаемся наверх, в квартиру. Там все то же. Мадам лежит на полу, тщетно пытаясь отлепить верхние конечности от нижних. Ее помощник уже оклемался, отдышался и смиренно ждет решения своей участи. Кучумов останавливается перед ним.

– Какие люди!.. Яша, ты ли это?.. Господин подпоручик, позвольте представить – Яков Михман, мой старый знакомец. Революционер, пламенный агитатор и член боевой бригады... Яшенька, тебя каким ветром сюда занесло? По камере соскучился? Тебе ж пять лет ссылки дали, чего убежал? В одном месте засвербело?..

– Ты, гнида старая! Погоди, сойдутся наши дорожки, поговорим... – «Мастерового» аж корежит от ненависти. – Найду я еще тебя, ой как пожалеешь!..

– Злобный ты человек, Яша, и крови на тебе много. Вот зачем молодого человека на смерть привел? – Василий Иванович показывает на труп. Только сейчас замечаю, что вторым был молоденький студентик с длинными по-богемному волосами, этакий юноша бледный со взором... недавно горящим, а ныне потухшим.

Пока у них завязывается беседа, пойду – пообщаюсь с лжебаронессой, которая встречает мое появление ну очень злым взглядом.

– Извините, мадам, за некоторое неудобство вашего положения...

– Немедленно развяжите меня!.. Вы – негодяй и мерзавец, подпоручик!.. Как вы посмели сделать со мной такое?..

Возникает ощущение, что еще немного – и она начнет натурально плевать ядом.

– Я буду жаловаться!.. У меня обширные связи в верхах!.. Я этого так не оставлю!..

Присаживаюсь перед ней на корточки.

– Мадам, мы будем разговаривать или ругаться? Советую поберечь силы, они вам еще пригодятся.

– Как вы смеете так обращаться с дамой?!

– С каких пор обычная уличная проститутка Машка Цибульская стала благородной баронессой, а? Да еще и со связями, которые если и есть, то – только порочащие тех аристократических му... идиотов, которые имели неосторожность попользоваться тобой... В общем, расклад такой: либо ты всё рассказываешь сама, либо тебе будет помогать вся моя рота, но это – о-очень долго и о-очень неприятно...

В дверях появляется дворник с радостной вестью, что транспорт подан, можно грузиться и ехать. Перевязываю добычу, освобождая ноги и туго притягивая связанные руки к удавке на шее. Спускаемся по лестнице, впереди Фомич несет труп студента, затем Василий Иванович конвоирует Яшу, и замыкаем шествие мы с мадам.

Дорога заняла не так уж много времени, скоро мы уже появляемся на Старо-Виленской, где нас поджидают Бойко с Дольским и коллеги из Корпуса жандармов и Департамента полиции. К Кучумову здесь все относятся правильно, значит, не подставной и можно больше его не контролировать...

Утром следующего дня нас посетило начальство в лице капитана Бойко в сопровождении ротмистра Колесникова, который и поделился радостными вестями о том, что «баронесса Вэль» всю ночь пела, как соловей, да так, что еле успевали конспектировать.

– Мы, конечно, умеем развязывать языки, но в данном случае мадам была очень красноречива и без нашей помощи. Чем вы могли ее так испугать, Денис Анатольевич? В обмен на свою откровенность она взяла с нас обещание, что вы с ней никогда больше не встретитесь. Даже без зазрения совести сдала свою подругу Елену Невенгловскую, которая осуществляла аналогичную деятельность в Бобруйске. Мы уже отправили депешу тамошним коллегам.

– На прощанье всего лишь шепнул ей на ушко, что если будет врать или молчать, у меня под рукой всегда есть больше сотни парней, готовых с ней пообщаться самым привычным для нее способом. – Делюсь секретом мастерства и тут же понимаю, что немного перегнул палку. – Не смотрите на меня так, Иван Данилович. Для меня она всего лишь источник информации и агент противника, у которой на совести много загубленных жизней наших солдат. И, предвосхищая ваш вопрос, скажу, что если бы дело дошло до этого, своего решения менять бы не стал.

– Да нет, что вы, просто... немного непривычно слышать такую откровенность. – Колесников слегка отыгрывает назад. – Хотя после того, что рассказали ее подручные, удивляться не стоит... Кого же вы расстреляли у отхожего места, если не секрет?

– Одного из своих казаков... Разумеется, понарошку. Если они поверили, значит, спектакль удался.

– Да, более чем. Они поделились с нами своими впечатлениями... – Ротмистр заговорщицки улыбается. – Надеюсь, вы не будете против, если мы будем применять это в своей практике?

– Нет, что вы, лишь бы польза была. Если что – обращайтесь, придумаем еще что-нибудь.

– Ну что ж, от лица нашего ведомства мне поручено поблагодарить вас за помощь. К сожалению, более ничем поощрить не можем...

– Не беспокойтесь, Иван Данилович, я, кажется, знаю, что будет достойной наградой Денису Анатольевичу, – с многозначительной улыбкой прорезается доселе молчавший капитан Бойко. Ох как не нравится мне его тон!.. С таким выражением лица, наверное, объявляют приговоренному к смерти, что ужасный расстрел заменяется гуманным повешением.

– Тогда разрешите откланяться, господа. – Ротмистр пожимает наши руки и спешит дальше бороться со злом и искоренять его огнем и мечом...

Глава 5

Проводив «смежника», вместе с Валерием Антоновичем идем в канцелярию. По пути пытаюсь вспомнить, какие косяки были у нас за последние дни... Вроде все нормально, ну а вдруг?..

Удобно расположившись за столом, Бойко закуривает, демократично разрешает мне последовать его примеру, затем издалека задает вопрос:

– Денис Анатольевич, скажите... Вы когда последний раз писали домой?.. В смысле, в Томск, родителям?..

Блин, вот еще проблема нарисовалась! Писал-то я только один раз, весной. Рассказал, что был контужен, поэтому пусть не обращают внимание на почерк и построение фраз, ну и прочее бла-бла-бла... Да и сам Валерий Антонович помогал упражняться в чистописании.

– Один раз. Да вы были в курсе этого письма... А что такое?

– А то, господин подпоручик, что получено письмо от вашей матушки, в котором она слезно умоляет сообщить ей судьбу сына, от которого нет весточки уже почти три месяца... Я, конечно, отправил официальный ответ, что вы находитесь в длительной командировке и непременно напишете домой, как только вернетесь... Денис Анатольевич, прокалываетесь на мелочах. Я понимаю, что голова постоянно занята другим, но ведь кому-то такое молчание может показаться странным и противоестественным. Не забывайте об этом... Теперь следующий вопрос. На днях у нас был разговор о вооружении вашего отряда. Было высказано много интересных идей, переведена кипа бумаги... А хоть один готовый чертеж вы можете показать начальству, которого снедает простое человеческое любопытство? Или все это осталось приятной беседой под водочку?

Блин, да у меня что, двести рук и двадцать пять часов в сутках, что ли?.. Ну, не до этого было, шпиёнскими делами занимался, причем в компании с господином капитаном. И он это прекрасно знает... Или хочет наехать на моих студентов?.. Зачем?.. Кого-то в городе поймали за nepотребством?..

– Валерий Антонович, вы же знаете, какой в отряде напряженный распорядок дня. Тренировки, тренировки и тренировки, потом господа студиозусы еще и сами занятия проводят с бойцами. Начиная от подрывной подготовки и заканчивая грамматикой с арифметикой. Свободной минутки нет иной раз... Некогда им чертежи рисовать, дайте срок, чуть позже все будет исполнено!..

– Да?.. А у меня тут появилась возможность кого-нибудь из офицеров в командировку отправить на предмет договоренности о мелкосерийном и опытном производстве тех штучек, о которых говорилось. В Гомельские железнодорожные мастерские, туда эвакуировали много оборудования, станков, да и до этого оснащение было неплохим... Ну, раз чертежи не готовы... Что ж, отложим этот вопрос на будущее.

Появляется ощущение, что пропустил хороший такой удар под дых... Гомельские мастерские... Гомель... Гомель!.. ГОМЕЛЬ!! Там же Даша!! Валерий Антонович с ехидненькой такой улыбочкой, наверное, читает все мои мысли... Та-ак!! Где эти оболтусы, тунеядцы, лентяи и лодыри?! Целая вечность прошла после разговора, а у них не то что конь – слон не валялся!.. Сколько можно ждать!.. Сразу же после обмывания-вливания поставил задачу!.. Объяснил, попросил подумать, посоветоваться, проконсультироваться и выдать чертежи!.. До сих пор, наверное, думают, растекаются мыслию по древу мироздания!.. Щаз я им включу турборежим, блин, ошпаренной кошки!..

– Денис Анатольевич, не надо делать такое зверское лицо, а то я начинаю опасаться за здоровье ваших подчиненных. – Капитан Бойко переходит на серьезный тон. – На фронте отно-

сительно тихо, мы строим эшелонированную оборону. Вопросы вызывает только стык с Десятой армией. Хочу послать туда несколько групп в поиск и за «языками». Кого посоветуете?

– Любую «пятерку» можно, все в хорошей форме... И, пользуясь случаем, можно наших новичков обкатать, Бера и Стефанова. Дать в подчинение по три-четыре группы, назначить участок километров в тридцать. Пусть разведанные обобщают и анализируют, заодно один-два раза на ту сторону сходят. Потренируются под присмотром более опытных товарищей. В случае крайней необходимости можно и Сергея Дмитриевича отправить, а на хозяйстве оставить штабс-капитана Волгина.

– Хорошо, я подумаю. Люди в отряде надежные, проверенные, думаю, должны справиться. – Начальство снова улыбается. – Поэтому могу отпустить вас на три-четыре дня. Не считая дороги. Управитесь?

Ну, это даже не вопрос, это – команда к немедленному действию! Полный вперед и аллюр «три креста»!

– Да, Валерий Антонович... И спасибо вам огромное!.. Чертежи будут представлены вечером.

– Ну-с, хорошо, я буду у себя в штабе...

Проводив Валерия Антоновича, несусь обратно в казарму. Оконные стекла еще не прекратили дребезжать от командирского вопля, а дневальный на сверхзвуковой скорости уже умчался разыскивать господ вольноперов, которые нарисовались через очень короткий промежуток времени, я даже папиросу докурить не успел.

– Ну, что, кузнечики, допрыгались?.. На поручения командира можно уже плевать через губу, да?.. Попросил сделать чертежи, и что?.. Где они?.. В ваших забитых неизвестно какими неприличными мыслями головах?..

– Денис Анатольевич, то, что можно было определить точно, мы в черновиках сделали, – спокойно докладывает Илья Буртасов, уже почти штатный адвокат этой троицы. – Два типа взрывателей, болванки под детонаторы, даже хвостовики для мин под ориентировочный диаметр сделали. А остальное – еще додумывать и обсуждать надо. Те же лафеты – их почти придумали, и с минометами вопросы остались.

Набираю сколько могу воздуха, чтобы на повышенной громкости раздраконить студия-зусов, но потом сдуваюсь, как лопнувший шарик, и тихо почти прошу:

– Братцы, мне очень нужны чертежи к пяти вечера. То, что пока неясно, делайте набросками. Освобождаю от всего, ну, естественно, кроме обеда... Справитесь?

Студенты дружно кивают головами и уходят, удивленные внезапной срочностью и неприлично тихим поведением командира. Но теперь есть уверенность, что все будет выполнено в срок...

А нам пора подумать о другом. С пустыми-то руками нельзя!.. Вопрос первый: что купить в подарок? И тут же вопрос второй: сколько это все будет стоить?.. А на сладкое третий вопрос: кто может подсказать и посоветовать?.. Значит, что? Бежим к Дольскому за дружеским советом и помощью!

Анатоль, узнав о цели посещения, расплывается в улыбке, затем прочитывает целую лекцию о том, что прилично дарить барышням, а что – нет.

– Во-первых, Денис, ты должен определиться со статусом. В качестве кого ты собираешься что-то дарить... Насколько я понимаю, к мадемуазель Даше ты испытываешь самые серьезные чувства и намерения. Значит, тут возможны несколько вариантов. Для просто хорошей знакомой вполне могли бы подойти набор каких-нибудь открыток или книга в подарочном издании. В свое время одной барышне подарил «Ботанику для молодых девушек» с изумительными гравюрами Гранвилля. Но нам, то есть тебе, это не подойдет... Идем дальше. Можно сделать полезный подарок. Кстати, у тебя он уже есть – маленький браунинг. Только его нужно отчистить от пудры там или запаха духов...

– Знаю. Разберу, проверю, почищу, смажу. Единственное – не отстреляю. Патронов – всего четыре штуки.

– Ничего, калибр распространенный, найдем... Можно подарить отрез ткани или какие-нибудь модные кружева... По лицу вижу – не хочешь.

– Это как-то... Ну, не знаю, слишком по-купечески, просто и обыденно. Да и где я сейчас это найду?

– Найти-то можно, но вольному – воля... Да, твоя барышня, насколько помню, очень любит кофе. Я недавно видел в одном месте довольно изящный эмалевый ларчик с вложенными коробочками для кофе, заварки, ну и тому подобного. Как тебе такая мысль?

– Мысль хорошая. Расскажешь, где купить?

– Не только расскажу, но и покажу. Сейчас вместе поедem... Подожди, я не закончил. Самый твой главный подарок должен явно подчеркивать твои намерения. – Дольский с важным видом поднимает вверх указательный палец, призывая к вниманию. – Ювелирные украшения. Но не любые. Согласно правилам приличия незамужним девушкам носить что-то с бриллиантами – не комильфо.

– Ага, ты, друг мой, меня успокоил! И где ж я денег на них возьму?..

– Кстати, а у барышни часики есть?.. Не знаешь?

– Насколько я помню – нет, никогда не видел...

– Вот, мы почти добрались до нужного предмета. Маленькие золотые часы на цепочке, носятся как кулончик!

– Только обязательно с секундной стрелкой. Она же у меня – почти доктор. Время засечь, пульс посчитать, ну и так далее.

– Молодец, соображаешь!.. Теперь последний вопрос. У тебя намерения серьезные. Но насколько?

– Ну, ты и вопросы задаешь, господин поручик! Самые-пресамые серьезные! Анатолий, скажу по секрету. Я ни на кого больше смотреть не могу. Никто глаз не цепляет... Так что самые что ни на есть серьезные.

– Тогда остается только одно. Кольцо для помолвки...

«М-дя! Где же мне печатный станок для денег взять? Или пойти ограбить банк?..»

Дольский читает мои мысли.

– Денис, сколько денег у тебя в наличии?

– Двести с хвостиком. Сэкономил в рейдах.

– Тогда беспокоиться нечего. Если ты так непреклонен в своем решении, будет у тебя кольцо. В приличном обществе принято, чтобы его стоимость составляла два-три месячных заработка жениха. Придется выложить где-то около ста пятидесяти целковых.

– А на остальное где денег набрать?

– А друзья у тебя на что? – Дольский удивленно-шутливо поднимает брови. – У меня три сотни в кубышке без дела лежат. Отдашь, когда сможешь... Только вот не надо лезть обниматься! Прибереги свой пыл для мадемуазель Даши!.. Ну, всё, всё, пусть!.. Медведь влюбленный, все ребра переломает!.. Собирайся давай, костолом, поедem к ювелиру...

Не скажу, что извозчик замучился катать нас по городу, – с оплатой обещали не покуситься, но подходящее колечко нашли только в четвертом по счету магазинчике. Тоненькое, изящное, с жемчужинкой в обрамлении двух ладоней, как бы держащих маленький перламутровый шарик. Последние опасения развеял сам хозяин магазина:

– Таки если господин офицер сомневаецца за размер, то пусть он глянет вот сюда. – Ювелир, закономерно гордясь своей сообразительностью, достает из-под прилавка гуттаперчевую женскую кисть и предлагает надеть кольцо на безымянный палец. – Неужели господин офицер не помнит, какие пальчики у евойной дамы?

Помню, конечно, как не помнить. Вроде бы подходит... Но сомнения всё же есть... Смотрю на Анатолия, тот разводит руками, мол, решай сам... Ну, хорошо...

– Хозяин, я его покупаю.

– Господин офицер не будет разочарован за кольцо, это я вам обещаю!..

Ювелир начинает «ездить по ушам», довольный состоявшейся продажей. Забираю бархатный футлярчик с колечком, отдаю деньги. Все, бумажник стал на сто пятьдесят четыре рубля легче... Да хватит кошмарить!.. Все будет хорошо и только хорошо!.. И никак иначе!..

Дальше едем к часовщикам. Там почти сразу нахожу то, что надо. Маленькие, не больше двух с половиной сантиметров в диаметре, золотые часики. На крышечке гравировкой и васильково-голубой эмалью изображена летящая бабочка... Тоненькая фигурная золотая цепочка... В общем, то, что надо! Отдаю деньги, прячу еще одну бархатную коробочку в карман. Часовщик клянется своей мамой и остальным самым дорогим ему в этой жизни, что никаких проблем с механизмом не возникнет.

Через двадцать минут мы стоим уже перед небольшой лавкой с гордой вывеской «Колониальные товары». Несмотря на миниатюрность, заведение больше ассоциируется с магазином. Открытые стеллажи с ровными рядами самых разнообразных коробочек, пакетиков, баночек-жестяночек и прочей мелочи, ненавязчивый запах кофе, пряностей и еще чего-то неопределяемого и от того еще более романтического. Разыгравшаяся фантазия рисует в голове картину солнечного тропического берега, старинного парусника, стоящего на якоре неподалеку, и оживленного торгового обмена между загорелыми аборигенами какой-нибудь Южной Бамбукии и моряками, меняющими простенькие железные ножи и стеклянные бусы на стручки ванили, перца, трубочки корицы и прочие ароматные штучки. Приходится даже помотать головой, чтобы отогнать яркое видение, тем более что приказчик обслужил предыдущего покупателя и готов к общению с нами.

– Любезный, нам нужен вот такой красивый ларчик, как у вас здесь на витрине, с маленькими коробочками для кофе, ну и другой всячины. Вкупе с содержимым. Только все должно быть отличного качества и не поддельным.

По этому поводу беспокоиться не стоит, Анатолию адрес дал Астафьев, а господа жандармы-то уж знают, где затариваться. Но фраза должна быть произнесена.

– А то тут слухи разные ходят.

– Ваше благородие, не извольте сомневаться. – Продавец не лебезит, держится с достоинством. – У нас в продаже только качественный товар. Вот-с, будьте любезны взглянуть. То, что вы просили. Ларец из луженой меди с замочком, в нем полдюжины коробочек того же материала с плотными крышечками. Снаружи расписаны миниатюрами на темы природы-с. Можно хранить самые различные продукты-с. Чай, кофе, сахар, разные пряности. Ежели желаете, можем-с подобрать по вашему вкусу, какой больше нравится.

Еще бы знать свой кофе!.. Самый вкусный и любимый – заваренный Дашей, только вот как она его варила и что добавляла – самый большой ее секрет. Ладно, пойдем другим путем.

– Давайте сделаем так. Две баночки доверху наполняете арабикой в зернах. – Когда-то где-то слышал, что так кофе хранится лучше, чем молотый. – В остальные... Какие пряности для этого напитка у вас есть?

– Позвольте-с порекомендовать ваниль, корицу, гвоздику. Это – самые популярные. Есть еще имбирь, мускатный орех, бадьян и кардамон-с.

– Давайте все. Так, чтобы в остальную тару поместились... А там будем экспериментировать.

Продавец ловко наполняет пакетики из пергаментной бумаги всем вышеперечисленным и раскладывает по коробочкам. Две минуты, и набор готов. Дав время для проверки, по моему кивку закрывает волшебной пахнущую шкатулку и кладет маленький ключик на крышку.

– И сколько просите, милейший?

Тут же начинается игра «ловкость рук против остроты глаз», треск костяшек на счетах напоминает длинную очередь из станкача.

– Вот, извольте-с, господа! Двадцать два рублика семьдесят три копейки.

О как! По цене – как родной наган. В довоенных ценах. Но кофе гораздо вкуснее!..

Пока возвращаемся на базу, Дольский негромко, чтобы не слышал водитель кобылы, продолжает лекцию:

– Вообще-то, ты – везунчик, Денис. Во-первых, нашел такую прекрасную девушку... Не ревнуй, я как друг говорю... А то еще с кулаками сейчас полезешь!.. Во-вторых, еще несколько лет назад, чтобы жениться, ты должен был бы представить «реверс». – Видя мое непонимание тезиса, Анатолий поясняет: – Это – определенная сумма, необходимая для содержания семьи на должном уровне, поскольку считается, что офицер посвятил свою жизнь защите Отечества, а не зарабатыванию денег.

– И сколько же нужно было иметь пенёзов?

– Десять тысяч рублей. Без них – о свадьбе даже и не помышляли. Разве что жили в гражданском браке до двадцативосьмилетнего возраста, но дети только недавно стали считаться законнорожденными... Кроме того, для того, чтобы жениться, годовой доход офицера должен был составлять тысячу двести рублей. А наше жалованье ты сам знаешь. Иные квалифицированные рабочие на заводах примерно так же зарабатывают... Так, о чем это я?.. Да, в-третьих, твоя Дарья Александровна из хорошей семьи, так что за решением офицерского собрания дело не станет.

– Не понял!.. Какое отношение к моей Даше имеет собрание господ офицеров?.. Нет, я уважаю боевых товарищей, но если они сочтут, что невеста недостойна стать моей женой, свадьбы не будет?..

– Угадал! Командир подписывает ходатайство о разрешении брака только на основании решения собрания.

– Так что, если стороны не сойдутся во мнениях...

– То офицер должен уволиться со службы или перевестись в другой полк, но там может произойти то же самое...

* * *

Капитан Бойко, видимо, желая по-садистски поиздеваться над подчиненным, долго и нудно разбирал все представленные чертежи, время от времени требуя пояснений. Хотел, наверное, проверить мою компетентность в предстоящей поездке. Ну, так и мы не дураками здесь работаем. Все, что касалось технической стороны вопроса, было обсуждено еще днем с штабс-капитаном Волгиным, который возглавил «Особое техбюро», и со студентами. Так что в данном вопросе лично у меня неясностей не было.

Закончив, наконец, с бумажной волокитой, Валерий Антонович быстренько провел предвыездной инструктаж:

– По прибытии в Гомель остановитесь в гостинице, в «Савое» например, недавно открывшемся, в газетах пишут – со всеми возможными удобствами. Искать мебелишки времени да, я думаю, и желания у вас не будет. Нанесете визит коменданту гарнизона – и в жандармское управление, оставите там сведения, где вас найти в экстренном случае. – Видя мою гримасу, поясняет: – Вполне возможно, придется срочно вызывать обратно. Днем циркулярно Ставка сообщила неприятные новости. По последним разведанным, германцы накапливают силы против наших северных соседей – Пятой и Десятой армий. Не исключено, решатся наступать. И вы, Денис Анатольевич, будете нужны мне здесь. Обратно отправитесь по броне тех самых господ-смежников, которых недолюбливаете, причем совершенно зря. Кстати, туда поедете тоже не без их помощи и не самым плохим манером. Завтра в восемь с чем-то отправится

поезд на Гомель через Бобруйск и Жлобин. Вы едете в миксте вторым классом. Потом скажете спасибо Астафьеву – его заслуга.

– Валерий Антонович, я их не недолюблю. Просто можно было бы делать свою работу немного эффективней, а они там сопли жуют... Хотя – это взгляд со стороны, могу многого и не знать.

– Вот-вот, господин подпоручик. Лучше займитесь полезной самокритикой, чем, как вы говорите, «наезжать» на других... Далее, постарайтесь толково объяснить все начальнику мастерских, проявите гибкость и дипломатичность... Предписание получите, но для путейцев оно – не более чем бумажка. Особенно сейчас, когда Земгор подминает всех под себя. Поэтому не надо расстреливать, закапывать заживо в землю и ломать руки-ноги за одно неосторожное слово какого-нибудь коллежского регистратора. Пяти дней вам, надеюсь, хватит для решения всех дел?.. И личных – тоже?.. Хорошо, жду вас через неделю здесь с докладом.

Закончив с официальной частью, господин капитан многозначительно и хитро улыбается. Значит, сейчас начнется вторая серия опускания ниже плинтуса... М-да, я не ошибся. К сожалению...

– Кстати, о личных делах, Денис Анатольевич. Заранее прошу извинить, что вмешиваюсь, но... Зная вас и ваше отношение к некоей барышне... могу предположить с большой долей вероятности, что вам предстоит знакомство с ее родителями... Как вы к этому относитесь?

– Валерий Антонович, отношусь к сему положительно и даже с радостью. У вас были сомнения на этот счет? По-моему, я не давал ни малейшего повода заподозрить себя в кобеллизме.

– Вот этого я и опасался! – Капитан Бойко огорченно вздыхает. – Дело не в том, что я подозреваю вас в некоторой легкомысленности по отношению к дамам, совсем нет. Просто есть некоторые правила, писанные и нет, которые необходимо соблюдать воспитанному человеку. И, боюсь, вы их не совсем знаете и понимаете... В этом, собственно, большая часть вины – на мне... Надо было раньше подумать о вашем просвещении в данном вопросе. Так что прошу извинить... Но вопрос сейчас в другом. Само собой, вы уже приготовили подарки вашей барышне. А как с ее родителями?.. Если возникнет ситуация, когда она захочет познакомить вас с папой и мамой?.. Вы откажетесь или пойдете с пустыми руками? А, господин подпоручик?..

М-да, поймал плюху во все ухо... Честно говоря, и не думал об этом. А вот надо было... И у того же Валерия Антоновича самому поспрашивать.

– Разумеется, пойду знакомиться, господин капитан. И перед этим постараюсь узнать у Даши, какие подарки понравятся ее родителям... Что-то опять не так?

– Нет, вы, конечно, можете поступить и таким способом... Но Гомель – все же не губернский город, как Минск с его возможностями... И еще вопрос: что вы знаете о родителях сей барышни?

– Да ничего особенного. Об этом мы как-то не говорили...

– Отец – служащий железнодорожных мастерских... Не надо, господин поручик, на меня такими глазами смотреть... Я вам не предлагаю ничего предосудительного, просто есть одна вещица, которая ему может очень понравиться. Если, конечно, до сих пор он ее не приобрел...

Капитан Бойко открывает сейф и достает оттуда небольшую книгу толщиной в два-три пальца, в красном переплете. Передает ее мне, дабы я ознакомился с ценным раритетом. Берем и читаем: «DES INGENIEURS TASCHENBUCH HERAUSGEGEBEN VOM AKADEMISCHEN VEREIN HÜTTE, E. V.». Что в переводе на великий и могучий означает «Справочная книга для инженера», выпущена «Академическим обществом Хютте», восьмое издание.

– Валерий Антонович, вы считаете это хорошим подарком? Тем более здесь только второй том.

– Денис Анатольевич! – господин капитан говорит с интонацией гувернера, который в тысячу неизвестно какой раз объясняет несмышленишу в подгузнике прописные истины. – Хютте – самый полный и точный справочник по всем существующим разделам физики и механики. Тут собраны абсолютно все формулы, графики, таблицы. Для инженера – незаменимая настольная книга... Так что настоятельно рекомендую для подарка. Даже если у господина путейца уже есть экземпляр, этот лишним не будет.

– Откуда она у вас, Валерий Антонович?

– К ее появлению, между прочим, вы, господин партизан, сами ручку приложили. – Довольный произведенным эффектом, Бойко объясняет: – Сия книжица была в портфеле одного небезызвестного вам оберст-лётанта. Мы ее проверили на предмет тайнописи и принадлежности к шифровальным книгам, но ничего не обнаружили. А сам владелец объяснял ее появление просьбой какого-то инженера Лютвица из штаба, дабы тот мог получше рассчитывать нагрузку на железнодорожное полотно при переброске войск и имущества. Так что берите, не пожалеете... А вот подарок для маман будете искать сами. Единственное, чем могу помочь, сообщу, что дама играет на фортепиано и очень любит романсы. Кстати, очень неплохой букинистический магазинчик находится на Подгорной, в нескольких кварталах от штаба фронта. Учитывая близость фронта, многие уезжают и, возможно, распродают свои библиотеки.

– Господин капитан!..

– Идите, Ромео!.. Потом зайдете за командировочными.

Лечу к двери, но вдруг резко торможу и оборачиваюсь к капитану Бойко.

– Валерий Антонович, разрешите последний вопрос... Откуда вы знаете такие подробности о Дашиных родителях?

– Дело в том, Денис Анатольевич, что после того знаменательного разговора мы с доктором Голубевым решили получше узнать о тех, кто вас окружает. Михаил Николаевич и рассказал все, что знал о родителях Даши с ее слов. Я удовлетворил ваше любопытство?.. Тогда более не задерживаю, поторопитесь...

Глава 6

Пользуясь приказом-рекомендацией поторопиться, быстренько уматываю на лихаче в тот самый букинистический магазинчик, где практически сразу на глаза попадается сборник «Мой костер» за нынешний тысяча девятьсот пятнадцатый год, с тремя десятками романсов и песен. Будем надеяться, что подарок хоть сразу не выкинут. Что-то мне подсказывает, что с будущей вероятной тещей будут некоторые трудности в общении... Ладно, поживем – увидим.

Повидавшись в третий раз с капитаном Бойко, получаю от него командировочные и «подкупные» для господ путейцев вместе с напутствием, что, мол, деньги из фонда разведотдела, строгой отчетности не подлежат, но все равно, Денис Анатольевич, постарайтесь уложиться в указанную сумму и добиться результата. В общем, добравшись до казармы, первым делом добавляю в бумажник к полученным купюрам еще пару тысяч из «секретного» фонда, выуженных из сейфа. Так, на всякий случай. Который, как известно, бывает разным. Затем начинаю собираться в путь-дорогу.

Пакуем чемодан. Хорошо, что он у меня не такой уж и большой, до «мечты оккупанта» не дотянул пока. Так, сначала всякая хурда, типа дорожный набор джентльмена. Ну, там, переодеться-переобуться, помыться-побриться. Сверху – папочку с чертежами, справочник Хютте и сборник романсов... Бархатные коробочки поедут в потайном кармашке, забраться туда всяким посторонним карманникам будет ну очень опасно для жизни и неприятно для здоровья... Что еще?... Ларчик с кофейком и пряностями... Ага, вопрос дня! Что цепляем на ремень: наган или люгер?... Немец, конечно, выглядит солидней, да и рука к нему давно привыкла. Но есть вероятность нарваться на какого-нибудь ура-патриота с большими погонами и потом долго ему объяснять, что удобно, а что патриотично. Тем более что издеваться над различными частями тела оппонента Валерий Антонович запретил... А вот мы возьмем и то, и другое. Парабеллум – на пояс, кобуру с наганом – в чемодан... Форма готова, сапоги надраены, чтобы с утра надеть их на свежую голову, осталось разобраться с пистолетиком. Где он у нас там?..

Отжимаем защелку, достаем магазин... И сразу имеем два сюрприза. Во-первых, он не на четыре, как наивно полагал, а на целых шесть патронов, просто двух не хватает. А во-вторых, не особо патрончики похожи на привычные мне мелкашечные. Чуть потолще будут на ощупь, капсуль центрального боя, и, главное, пульки-то – оболочечные, а не свинцовое литье... Интересненько!..

Далее следует небольшая логическая игра на тему разборки-сборки неизвестного девайса, причем, что особенно порадовало, лишних деталей после окончания цикла не осталось. Да, в принципе, операции – почти как с макарычем, только скобу не оттягивать, затворную раму предохранителем на задержку поставить, ствол повернуть на девяносто, да ударник с пружиной не потерять... Ага, а вот и объяснение патрончикам. Сбоку на ствольнике CAL.6 m/m35 выбито...

Еще раз разбираем, все тщательно чистим, смазываем, собираем... М-да, предыдущая владелица за своей игрушкой особо не следила. Носовой платок весь в черных пятнах после чистки. Ну ничего, теперь у тебя, малыш, появится новая хозяйка, которая будет тебя беречь и содержать в чистоте. А ты будешь ее защищать, если твоих старших братьев люгерыча да наганыча, да и сестрички «Аннушки» рядом не окажется...

Вечером, перед самым отбоем у меня появляются гости, точнее, один гость. В дверь тихонько скребутся, затем появляется хитрая мордашка Данилки, который, появившись полнотью, вытягивается по строевой стойке и звенит своим голоском на полказармы:

– Дзяденьку камандзир, дазвольце абратицца!

– Тише ты, не шуми, не на плацу... Что случилось?

– Тут гэта... Цётка Ганна прасила перадаць... – Мелкий исчезает за дверью и тут же вновь появляется, держа в руках корзинку, накрытую рушником. – Тут пиражки... 3 капустай... У дарогу...

Ох и хитрая эта «цётка Ганна», знает, на чем меня подловить. Только куда я корзинку запахну? В чемодан, что ли?..

– Ну, давай сюда, ставь на стол.

Снимаю полотенчику и с некоторым замешательством смотрю на чуть ли не три десятка румяных пирожков. Еще горячих, исходящих одуряющим запахом домашнего печева. Только вот с количеством что-то не то. Мне за глаза хватит... ну, максимум, десять. Больше не влезет!.. И что делать?.. Кажется, знаю!

– Данилка, иди сюда! Бери половину пирожков, беги к себе и на пару с Алесей лакомясь.

– Не, не можна, дзядечку камандзир! Мы сваи уже зъели! Цётка Ганна не велела браць!..

– Не понял, воспитанник Данилка Адамкевич, кто отрядом командуешь? Я или она?.. Считай, что это – приказ...

Мелкий мнется в нерешительности, потом тянет два пирожка и собирается убежать. Мда, главный все-таки не я, а повариха... Тогда сделаем по-другому.

– Данилка, беги на кухню, попроси самовар принести, он еще горячий, наверное. Сейчас сюда офицеры придут, заодно чаю попьем. И сам с сестренкой приходи.

Пацан рвет почти с низкого старта, в дверях чуть не сталкивается с Митяевым, ловко от него уворачивается, успевая даже козырнуть, и с затихающим топотом уносится выполнять распоряжение... Так, а что это мой подхорунжий какой-то непривычно задумчивый?..

– Заходи, Михалыч, скоро чаевничать будем под пирожки. Ты по делу или так, на огонек заскочил?

– Тут такое дело... Значицца вот... – Что-то казак мнется в нерешительности, мне аж страшно становится по поводу причины такого поведения. – Помнишь, мы в первой рейд ходили, еропланы пожгли... Ну так вот на-кась, держи, командир...

Беру протянутый сверток, разворачиваю и слегка охреневаю. Несколько увесистых пачек денег, причем не столько рубли, сколько марки и кроны не самых маленьких номиналов.

– Михалыч, а это богатство откуда? Ну-ка, расскажи, друг любезный, где разжился-то, а?

– Ну, дык, ешо когда у графа етова были, мы ж его в конюшню потащили, а Митяй в кабине трофеи собирал, вот ящик-то железный и почистил... По старому правильному казацкому обычаю... Потом продуванить промеж наших хотел.

– А ты знаешь, как это официально называется, а? Слово есть такое – «мародерство». И за него, между прочим, судят!..

– Не, ето не мародерство, а... как ево... слово-то такое... контрабация... аль контратрибуция... – Митяев испытующе смотрит мне в глаза, затем отвечает: – Командир, а ежели б мы енти деньги не взяли, думаешь, они бы тама так и лежали? Холуй графские тут же бы стащили, а все одно – нас бы повинили. А так – на дело пойдут. Тута слышал, што ты едешь новые оружия заказывать, дык возьми, пригодятся... Я станичникам сказал, што на благое дело пойдут, мож, кому и жисть спасут когда-нить.

– «Контрибуция» называется слово... А сразу сказать не мог? Теперь твои же станичники знают, что я могу разрешить мародерку... Спасибо, Михалыч, удружил!

– Да не, командир! Я им сказал, что ты по должности своей не маешь правов разрешать такое, мол, надо делать так, что ты вроде и не знаешь ни о чем. Есть, мол, такое, што ты не можешь в громкую сказать.

Ну, в принципе, доля правды в его словах есть. Во всём в любом случае крайними сделали бы нас. Или уже давно сделали... А и хрен с ним!.. Обратно по-любому не побежим отдавать...

– Ладно, проехали... Только ты, Григорий Михалыч, на будущее предупреждай меня сразу, что твои хлопцы натворят, чтобы неприятных сюрпризов не было...

* * *

Рано утром пробираюсь через толпу, штурмующую вагоны всех поездов во всех направлениях, пытаюсь отыскать свой «экспресс» на Гомель. После недолгих мучений нахожу, старый дядька-проводник с вежливым достоинством подтверждает, что его желто-синий вагон следует именно в Гомель, и проявляет непривычную мне либеральность:

– Так что, вашбродь, по коридорчику пойдете, в седьмом купе любое место займите. Тама ешо никто не едет, окромя вас. Трогаемся по графику, у восемь часов четырнадцать минуток. Как отъедем от Минска, я вам чайку принесу. Папироской побаловаться, ежели пожелаете, можно свободно, пока других пассажиров нету, в окошке фрамуга аккурат для еного открывается и пепельница имеется в наличии.

– Скажи-ка мне, любезный, до Гомеля сколько ехать?

– Ну, часиков восемь будет, коль литерные ешелоны пути не займут. Но в последние рейсы свободно доезжали...

В невысоком коридоре неярко горят лампы, окошки задернуты шторами, считаю седьмую по ходу дверь, которая открывается наружу, а не привычно съезжает вбок. Купе выглядит почти так же, как и в будущем, только откинутых верхних полок не наблюдается, и материалы – не пластик с кожаном, а довольно приличный бархат на диванах и дубовые панели на стенах. Так, закидываем чемодан на антресоли и с трепетом ждем отправления... Сквозь шум толпы доносится перезвон станционного колокола, несильный рывок вперед, сопровождающийся лязгом буферов, в окошке перрон с вокзалом потихоньку проплывают мимо...

Минут через сорок, после ароматного горячего и очень вкусного чая с припасенными пирожками и утренней папиросы, достаю папку с чертежами и, чтобы убить время, начинаю в очередной раз просматривать и продумывать нарисованные на бумаге мысли и фантазии. Не хочется перед господами путейцами, если, конечно, договоримся, выглядеть неучем, неспособным ответить на простые вопросы. И очень скоро в голову приходит очень занимательная и интересная по своему содержанию мысль... Ёжик ушастый, как можно было такое забыть!.. Ворона, блин, брезентовая!.. Выклянчивал у Валерия Антоновича гранаты Миллза, а что сделать с французскими лимонками, только сейчас дотумкал!.. Их же, по достоверным данным, на складах – как у дурака махорки! Никто не берет из-за сложностей с активацией. Союзнички тоже молодцы, придумать такое! Снять колпачок с запала, стукнуть по какому-нибудь твердому предмету, типа камню, прикладу, доске, и кидать. А если рядом этих предметов не наблюдается, что делать? О свой лоб колотить?.. Сама граната – нормальная, а вот взрыватель... А взрыватель ты, Денис Анатольевич, сам в прошлом будущем сколько раз переснаряжал? Тот самый, который УЗРГМ называется. И устройство его знаешь, так почему только сейчас в голову гениальная мысль залетела? По ошибке или просто заблудилась? Берем чистый лист бумаги и начинаем срочно вспоминать и рисовать... Металлическая трубка, толстый короткий гвоздь, две шайбы, пружинка, прижимная скоба, чека... Вот вроде и все, что надо. Запал можно оставить родной, или озадачить своих студентов на изобретение нового, а вдруг да получится...

В Бобруйске в купе подсели две дамочки бальзаковского возраста, одна – в платье сестры милосердия, другая – в цивильном, но с синим крестиком знака Императорского женского патриотического общества, оказавшиеся попутчицами до самого Гомеля, поскольку работали в одном из госпиталей. Озадачив проводника на предмет чая, они вывалили на стол кучу всяких вкусняшек, как фабричной, так и явно домашней выделки, после чего пришлось поддерживать компанию, внося в качестве своей доли оставшиеся пирожки, каковые, несмотря на вчерашний срок изготовления, получили высочайшую оценку. Кокетливо постреливая глазками,

дамочки «восхитились» мастерством моей жены, умеющей готовить такие шедевры. Тайные мотивы были насквозь видны, поскольку перед этим в прицел попала моя рука без какого-либо намека на кольцо. Когда подтвердил их подозрения в своей холостяцкой сущности, милые улыбки вызвали ассоциацию с торжествующим оскалом хищника перед решающим броском. Наверное, на примете у каждой из них есть племянница, младшая сестра, золовка или какая-нибудь другая родственница, готовая осчастливить в качестве законной супруги еще неженатого, но уже геройского подпоручика.

Почему-то очень неудобно чувствовать себя жертвой, поэтому меняю тему и развлекаю собеседниц байками из «мемуаров» широко известного в узких кругах полководца и военачальника Анатолия Ивановича Дольского до самого Жлобина, оставляя на потом свои мозговые штурмы. Иногда возникает хулиганистая мысль протравить пару «горяченьких» анекдотов про поручика Ржевского, но в последний момент еле сдерживаюсь. Воспользовавшись остановкой, выскакиваю на перрон размять ноги и перекурить, а когда возвращаюсь, в нашем купе уже сидит четвертый пассажир. Достаточно объемный, бородатый а-ля Александр III и громогласный представитель Корпуса инженеров путей сообщения в черной тужурке с двумя рядами серебряных пуговиц, всю забалтывающий дам, которые внимают ему чуть ли не с благоговением. Вот умеет же человек светскую беседу поддержать. Дамочки хихикают, не переставая. Мне до него со своими казарменными шутками как до генерала. От инфантерии. Завидев нового попутчика, путеец из вежливости привстает и, не чинясь, рокошет басом:

– Михаил Семенович Прозоров... С кем имею честь?..

– Денис Анатольевич Гуров. Очень приятно!..

Ого, а лапа у него тоже в Царя-Миротворца, чувствуется силушка немереная.

– К нам в Гомель по какой надобности, если не секрет? Или вы проездом?.. – Какой, однако, любознательный дядечка.

– Да нет, Михаил Семенович, в Гомель по казенной надобности, в командировку... И вполне возможно, именно к вам, если, конечно, имеете отношение к железнодорожным мастерским.

Какая-то веселая искорка вспыхивает в глазах инженера и тут же моментально гаснет.

– Имею, и самое непосредственное. Заведую котельным отделением. – Уловив непонимание, расплывается в улыбке и поясняет: – Не путать с флотскими кочегарами! Мы ремонтируем паровозные котлы, да и вообще, делаем все, что связано с котельным железом и рессорами. А в чем ваша нужда будет?

– Да мы тут с товарищами кое-какие усовершенствования понапридумывали. – Пытаюсь поделikatней, без конкретики, съехать с опасной темы. – Хотим воплотить их в железе, а у вас, по слухам, очень хорошая база.

– Это – да, к нам эвакуировали завод Варшавского округа путей сообщения, да и мастерские из других городов тоже. Так что тут не обманули. Можем почти все! Но лично я вряд ли буду вам полезен, скорее всего, это – к Николаю Ефремовичу, он за механическую мастерскую отвечает, или к Александру Михайловичу, инструменталка – его епархия. Но все работы только с личного разрешения начальника Либаво-Роменских мастерских. Завтра утром подъезжайте в контору, поговорим. – Михаил Семенович хитро подмигивает. – А сейчас давайте развлекать наших дам, а то обидятся за невнимание к их прекрасным персонам...

Глава 7

В Гомель, как и было обещано, поезд прибывает в начале шестого. Михаил Семенович в ответ на мой наивный вопрос, как добраться до «Савоя», громогласно отвечает, что личным людям вовсе незачем появляться в рассаднике пошлости и разврата, где вольготно чувствуют себя только коммерсанты, жулики и гешефтмахеры, хотя, конечно, эти слова обозначают одно и то же. К услугам же нормальных homo sapiens есть множество хороших гостиниц, первую из которых – под названием «Золотой якорь» – я увижу, как только обернусь и посмотрю на противоположную сторону привокзальной площади. Затем, еще раз повторив для не совсем понятливых приезжих, как добраться до мастерских, и напомним, что завтра утром непременно будет ждать, отбывает на извозчике домой.

Так, оформляемся в гостинице, сдаем наган в сейф управляющему на всякий случай, малыша-браунинга берем с собой и возвращаемся на вокзал к скучающему дежурному в отделении транспортной жандармерии. Там оставляем подробные инструкции на случай... ну, если не конца света, то срочного желания отыскать мою персону в этом «огромном» городе. Визит к коменданту гарнизона оставляем на завтра, а пока, с дрожью в коленках и бешено бьющимся сердцем, иду совершать прогулку по городу, в котором я появлюсь на свет через хрен его знает сколько лет. И в тщетной надежде совершенно случайно встретить на улице Самую Прекрасную Девушку На Свете. Которую Зовут Даша...

Вот что означает армейское мышление, если, конечно, таковое существует, как понятие, а не как следствие прикола про единственную извилину, да и ту – от фуражки. Пока занимался конкретными делами, типа добраться, расположиться, встать на учет, все было нормально. Но как только все сделано, логика отключается и верх берут эмоции...

Мама моя родная!.. Если меня слышишь!.. Куда я попал и что мне делать?! Привокзальная площадь, до боли знакомая по прошлым воспоминаниям из будущего... Блин, хорошо звучит, почти, как в английской грамматике «future in past», или наоборот... Площадь выглядит почти незнакомой. Здание вокзала – в один этаж, крыша по центру совсем другая, без купола... А ведь водили когда-то сопливаю малышня по местам революционной славы, ездили по ушам, мол, в здании этого вокзала сам товарищ Калинин выступал перед народом, почему и не перестраивают... Слева должен быть монументальный Дом культуры железнодорожников, справа – высотка отеля «Гомель», сейчас же тут какие-то халупообразные постройки... На месте магазина «Старт» – гостиница «Золотой якорь», где некий подпоручик Гуров снял номер на несколько дней...

Так, Денис Анатольевич, даем себе мысленно пару оплеух, чтобы прийти в чувство, глубоко дышим, чтобы провентилировать легкие и насытить кровь кислородом, а еще лучше... Вот, правильное решение!.. Достаем из портсигара папироску и закуриваем, может быть, никотин перебьет этот адреналиновый, или какой там еще, шок... Вот, хорошо... Панические мысли куда-то порскнули, как мыши, увидавшие кота, вышедшего на тропу войны. Руки уже не заходятся в мелкой и противной нервной дрожи. В голове прояснилось... И сидит там только одна ехидная мысль – имеем то, что имеем на данный момент. Одна тысяча девятьсот пятнадцатый год от Рождества Христова, город Гомель Гомельского же уезда Могилевской губернии. Вот отсюда и будем плясать... Двигаемся очень старым, испытанным еще в детстве, маршрутом. От вокзала по проспекту Ленина к одноименной площади. В смысле, по улице Замковой к... Как сейчас называется кусочек земли, примыкающий к дворцово-парковому ансамблю Паскевичей, не знаю. Но горю желанием это узнать...

Битым стеклом режет глаза несоответствие между детскими воспоминаниями, проснувшимися вдруг, и тем, что вижу наяву. Нет, если бы это был бы какой-нибудь другой город, наверняка все было бы иначе. Воспринималось бы как должное. В конце концов, в Минске

освоился и не кошмарил ни секунды. Но ведь это – Гомель... Мой Гомель, мой самый зеленый город Беларуси, место, где я вырос, где восторженным первоклашкой потопал в школу, где были изведаны-истоптаны все дорожки и тропинки и на крутом правом берегу, и за мостом вплоть до самого поворота Сожа у Мельникова Луга... И откуда в восемьдесят шестом пришлось срочно уезжать из-за ублюдков от науки, которые доэкспериментировались и рванули четвертый энергоблок Чернобыля, с-суки!..

Не торопясь шагаю по тротуару, огражденному от булыжной мостовой невысокими деревьями, мимо нарядных, в большинстве своем двухэтажных зданий с высокими стрельчатыми окнами и красивой лепниной на фасадах, украшенных различными вывесками. Из головы не идет ощущение того, что бреду по какому-то сказочному Зазеркалью, где все одновременно и знакомо, и неузнаваемо. Люди тоже кажутся какими-то нереальными, сказочными персонажами. Вот тот то ли хозяин магазинчика, то ли приказчик, закрывший дверь на массивный замок и с чувством выполненного долга пошлепавший домой... И этот пожилой капитан с «осиной» талией пятьдесят, наверное, восьмого размера и мясистым носом, цвет которого выдает принадлежность владельца к Всепланетному сообществу уничтожителей крепких спиртных напитков. Вяло отвечает на мое козыряние и провожает меня неприязненным взглядом, думая, что не замечу... И идущая навстречу семейная пара очень интеллигентной наружности в возрасте элегантности, совершающая променад перед вечерним чаем, с вежливыми улыбками кивающая подпоручику приятной, надеюсь, наружности. Улыбаюсь в ответ и снова бросаю руку к козырьку... Хотя они-то и есть настоящие обитатели этого мира, а вот я – точно пришелец неизвестно откуда и когда...

Так, а вот здесь что-то новенькое, в смысле – старенькое... Которого на моей «будущей» памяти не было... Там, где по моим прикидкам должен находиться Вечный огонь и неизвестно чего строительный техникум, стоит большое каменное здание. Высокие окна, вход с колоннами и огромный могоновид сверху арки. Наверное, синагога. Несколько колоритных фигур в традиционных длиннополых пальто и шляпах радикального черного цвета спорят о чем-то у входа, подтверждая мои догадки...

Впереди из-за крыш домов виднеется верх непонятного сооружения. Какая-то красная труба, что ли, со смотровой площадкой под крышей, чуть поодаль – еще одно культовое сооружение почти кубической формы. Виден красный купол и вроде как звонница рядом – какой-нибудь собор или церковь.

Площадь открывается неожиданно... Привычного ориентира в виде «свечки» Дома связи нет. Как раз на этом месте и стоит загадочная постройка, скорее всего, являющаяся пожарным депо. Красивое двухэтажное здание красного кирпича, внизу – гараж, судя по воротам, на шесть экипажей. А труба – не что иное как каланча. Для своевременного углядывания дыма в городе.

Собор так собором и являлся, правда, – католическим. С двумя звонницами, лицом обращенными на Советс... нет, сейчас она называется по-другому... А вообще, площадь узнать можно с большим трудом. И с помощью гида, роль которого выполняет усатый, в летах, городской. Почуввав во мне приезжего, на вопросы отвечает не торопясь, с уважением к офицеру и с ревнивой гордостью за свой город. Я б тебе, старина, тоже мог бы такого про него рассказать, только б ахал!.. Если бы до этого не сдал меня в психушку...

Вместо драмтеатра стоит Гостиный двор с торговыми рядами, чем-то напоминающий древнюю крепость. Добротные каменные стены, выбеленные известкой, арочные ворота, закрывающиеся наглухо. Если бы не лавки и магазинчики в стенах – вылитый детинец какого-нибудь князя или воеводы.

А вот примерно на месте памятника самому хитрому из коммунистов сейчас красуется часовня Александра II, из-за деревьев виднеются купола собора Петра и Павла в дворцовом парке, их золотые кресты сверкают в начинающем садиться солнце... Страж правопорядка

советует прогуляться налево по Румянцевской улице. Ага, вот как Советская называлась... Называется... Тьфу, совсем запутался!.. Действуем по-военному. Сказано что?.. Румянцевская?.. Вот так и есть, и никаких больше глупых сомнений!.. Типа, командир сказал – хорек, значит, – никаких сусликов!.. А вот вправо, дальше за костел, со слов блюстителя порядка, ходить приличной публике не нужно. Грязь, нищета, да и Кагальный ров с его уголовной шпаной неподалеку...

Благодарю старого служаку, который принимает маленький бумажный полтинник без малейшего признака подобострастия и желает удачно провести время. Иду по самой главной и самой родной улице города, оставляя справа здание Городской Думы, в которое потом сдуру запихнут типографию. Еще один квартал... Сапоги как будто прирастают к тротуару... Перекресток Румянцевской с улицей барона Нолькена, слева – тот самый знаменитый «Савой» с небольшим столпотворением у входа, справа – очень-очень знакомое здание Русско-Азиатского банка. А через улицу – трехэтажный красивый дом... Предшественник того, в который через каких-то шестьдесят лет меня привезут из роддома, что напротив Пионерского сквера, и поднимут на четвертый уже этаж... Дом, который я вижу сейчас, не переживет этих лет, вместо него пленные немцы в сорок седьмом отстроят новый... Да, черт возьми, что же это такое?! Какая-то дикая фантазмагория и дежавю в одном флаконе, то бишь голове!.. Хватит!..

Стараясь убежать от сводящих с ума видений, проскакиваю вниз к теперь уже городскому бульвару, прохожу еще немного, и меня вместо тридцатьчетверки на постаменте встречает небольшой парк. Благоустроенный, аккуратный, имеющий в наличии даже велотрек и летний театр, где сейчас идет какой-то спектакль, естественно, на патриотическую тему. Впечатлений – выше крыши, пора двигать обратно... Добравшись до своего номера, для более адекватного и полного восприятия полученных впечатлений принимаю из незаменимой фляжки сто граммов противошокового и вскоре заваливаюсь спать...

Утром, как ни странно, от вчерашнего настроения не осталось и следа. Проснувшись, как-то сразу почувствовал себя дома. Гомель принял меня, узнал во мне своего. И даже не стал замечать нестыковку во времени, а может, подобная мелочь на фоне его собственного возраста кажется ему смешной и незначительной. А то, что пропали уродливые хрущобы и безликие, портящие весь вид однотипно бетонные девятиэтажки, так это еще и лучше. Как будто красавица смыла с лица дешевую вульгарную косметику и от этого стала еще прекрасней...

Так, лирика – это, конечно, хорошо! Но надо и делами заниматься... Подъем, пять минут на мини-разминку, затем мыться-бриться и в небольшую кафешку при гостинице на завтрак. А затем, собрав всю силу воли в кулак, – быстренько в мастерские. Вчера, хоть и бродил в расстроенных чувствах, никого, подпадающего под определение «стройная, рыжеволосая, очень-очень красивая», не наблюдал. Невзирая на то, что на автопилоте следил за всеми, кто находился в пределах досягаемости. И с утра было огромное желание кинуть все к общеизвестной матери и сломя голову лететь на поиски своего ненаглядного медноволосого чуда. Тем более что адрес я запомнил навсегда, и найти Павловскую улицу никакого труда не составит...

Но, как говорят, *poblesse oblige*. А это значит, что господин подпоручик сейчас же берет свою суперсекретную папочку с чертежами и уматывает к начальнику аж всех Либаво-Роменских мастерских, имея цель не только добиться аудиенции, но и получить добро на производство работ. Блин, кажется, легче пару десятков гансов в одиночку покрошить, чем убедить расейского чиновника сделать что-нибудь полезное... Ладно, будем посмотреть!..

Михаил Семенович уже ожидает у входа в контору, дымя папиросой и чему-то улыбаясь в свою роскошную бороду.

– Ну-с, молодой человек, пойдете, коль не передумали. Сначала покажите свои придумки Николаю Ефремовичу, чтобы он со своими механиками оценил, так сказать, реальность замысла. Ежели он возражать не будет, тогда, считайте, дело сделано.

Главмех, в смысле начальник механических мастерских, оказался тощим и долговязым брюнетом лет тридцати. В чертежи врубился быстро, позвал пару своих мастеров и после недолгой дискуссии, взяв в руки первый лист, вынес вердикт:

– Здесь задача несложная, справимся. Только вот ума не приложу, зачем вам, Денис Анатольевич, эти трубки с крылышками?

– Мы каждую такую трубку будем приклепывать к снаряду... в смысле – к обрезанной юбкой гильзе. И получим мину, которую можно выстреливать из... специального устройства.

Механик копается в чертежах, затем достает нужный лист.

– А это и есть ваше «специальное устройство»? – Карандаш в руке указывает на эскиз стержневого миномета. – Интересная задумка... Кстати, как вы его себе представляете?

– Самое простое – обрез охотничьего ружья, только без приклада и рукоятки. Угол наведения фиксируется на вот этих секторах с помощью винта и барашковой гайки...

– Скажите, все это вы сами придумали?... У вас, простите великодушно, какое образование?

Ну вы и вопросыки задаете, господин хороший!.. Рассказать тебе про третий факультет Можайки или отделаться общими фразами?

– По образованию – инженер-технолог, закончил прямо перед войной. Придумывал не один, у нас сложился... творческий коллектив: несколько офицеров и три студента-вольноопределяющихся. Вот, вместе и сподобились.

– Коллега, значит, в некотором роде. Ну, хорошо... А вот это что, не подскажете?..

– А это – взрыватели к этим же минам. Снарядные не подходят, на них усилие должно быть гораздо больше.

– Тут – точная работа потребует. Это скорее не ко мне, а к Александру Михайловичу. Он инструментальной мастерской заведует, со всякими прецизионными механизмами имеет дело.

Михаил Семенович выглядывает за дверь, отлавливает кого-то в коридоре и командует:

– Васька, смотайся живенько к Александру Михалычу, скажи, что я с Николаем Ефремовичем его в контору зовем. Срочно!..

Вскоре в дверях появляется невысокий, крепенький, как боровичок, дядька лет сорока пяти – пятидесяти с рыжей шевелюрой, уже тронутый сединой.

– Вот, Александр Михалыч, знакомься. Денис Анатольевич Гуров. Оч-чень интересный молодой человек! – Михаил Семенович широким жестом обводит мою персону, затем объявляет уже мне. – Александр Михайлович Филатов, заведующий инструментальной мастерской.

Обмениваемся рукопожатиями и дежурными фразами о том, что нам всем «очень приятно». Затем просмотр чертежей и задавание вопросов начинается по второму кругу. Чуть позже к любознательной парочке присоединяется Михаил Семенович, и мне приходится отбиваться уже от троих. Возникает чувство, что дипломный проект защищаю, блин!.. Но тема интересная, и заканчиваем научный диспут на тему «На фига оно нам надо и можем ли мы это сделать» уже ближе к обеду. И то только потому, что господам путейцам нужно проверить работы, порученные с утра.

Все технические вопросы оговорены с теми или иными поправками, режим секретности, насколько мог, не нарушил. Во весь рост встает вопрос об оплате. Сначала идем к бухгалтеру, который со слов инженеров считает объем работ по пробным образцам. Затем мне предлагаются два варианта: либо платить с коэффициентом за сверхурочные, так как основную работу с мастерских никто не снимет, либо брать штурмом Гомельское отделение Земгора и принуждать его к безоговорочному изменению своих планов в мою пользу. Можно и поштурмовать, но дал ведь Валерию Антоновичу слово, что никого трогать не буду. Поэтому выбираем первый и, судя по довольным лицам собеседников, наиболее для них и для меня удачный.

Сделку закрепляем абсолютно трезвым дружеским обедом в той же гостиничной кафешке, где, как узнал по дороге, путейцы обычно и питаются. Едем туда на извозчике, по пути Александр Михайлович с сожалением сетует на реквизицию для нужд армии своего «Бенчика», в котором души не чаял и на котором домчались бы гораздо быстрее. Ага, оказывается, товарищ принадлежит к первому поколению стритрейсеров. Продолжая разговор, нечаянно хвастаясь, что «одолжил» у гансов в вечное пользование грузовичок, затевается оживленный разговор двух фанатов-автоманьяков, на который остальные смотрят со снисхождением, а господин Прозоров еще и многозначительно улыбается.

После обеда едем обратно, веселая троица представляет меня самому большому начальнику, который, накоротке выслушав своих подчиненных, дает зеленый свет моим проектам. Не забыв, между делом, напомнить об оплате. Наверное, ему тоже хорошая копеечка накапает со сверхурочных работ. Ну да ладно. В сумму, обозначенную Валерием Антоновичем, укладываемся, остальное – мелочи жизни. Договариваемся о встрече завтра утром, чтобы обсудить кое-какие детали, а затем мчусь в гостиницу, очень быстро и судорожно привожу себя в еще больший порядок и лечу искать извозчика, знающего все госпитали и лазареты Гомеля...

* * *

Ближайший, по мнению «таксиста», госпиталь находился на углу Замковой и Ирининской – в здании глазной лечебницы. Красивое двухэтажное здание, обнесенное невысоким заборчиком, массивная двустворчатая дверь, за которой меня ждет... «Большой Облом» в виде старого солдата-отставника, служащего здесь привратником, сторожем, дворником и, по совместительству, справочным бюро. Ни по внешнему виду, ни по имени-отчеству такой сестры милосердия здесь не наблюдается. Провожаемый его снисходительным взглядом, я возвращаюсь к пролетке. Хозяин транспортного средства, пытаясь меня утешить, выдает глубокомысленную тираду о том, что осталось объехать еще целых восемь госпиталей... Ему-то хорошо, копейки капают, так бы возил и возил пассажира, а мне каково?..

Ну что ж, восемь – не восемьдесят, двигаем дальше. Добираемся до базарной площади, поворачиваем направо, на Фельдмаршальскую. Проезжаем тот самый Кагальный ров, представляющий собой овраг, до отказа забитый лачугами, построенными по принципу «я его слепила из того, что было». Возница опасливо поглядывает направо, но ничего криминального не происходит. К счастью для обитателей здешних мест. Поворачиваем налево к реке и останавливаемся возле красивого здания, напоминающего боковыми флигелями-«башнями» сказочный замок. Здание по старому русскому обычаю огорожено забором. На воротах стоит почти такой же «секьюрити», как и тот, с которым недавно распрощались. Но вот информацией делиться не желает ни в какую. Максимум, чего от него добиваюсь, – разрешения нанести визит дежурному доктору. Шагаю к корпусу, краем глаза замечаю нескольких солдат в больничных халатах, спрятавшихся в укромном уголке и курящих исподтишка в кулак. Один из них, глядя на меня, улыбается, как будто суперприз в лотерею выиграл или клад нашел. Да и мордочка знакомая, только пока не припомню, где я его видел. Да и не важно сейчас это... Сейчас абсолютно ничего не важно!.. Потому что из бокового входа появляется тоненькая фигурка сестры милосердия, которая задерживается на секунду, ожидая чуть отставшую подругу, затем обе быстро исчезают среди кустарника, окружающего узенькую тропинку... Волосы закрыты белыми платками, но движения, походка!.. В голове появляется ниоткуда какое-то потаенное знание, что первая барышня – именно ОНА!..

Ноги моментально становятся ватными, сердце выдает, наверное, под сто двадцать ударов в минуту... Иду вслед, до холодящего ужаса боясь ошибиться... Мало ли что почудилось... Возле самого здания встречаю очень пожилую даму в черном платье и белом платке сестры милосердия. Вопросительно смотрит на меня через толстые стекла очков, держится спокойно

и величественно, ни дать ни взять хозяйка этого «замка»... Блин, придется нарушить все правила приличия!.. Но другого выхода нет!

– Добрый вечер, сударыня! Прошу простить великодушно!.. Не могли бы вы подсказать, есть ли у вас в госпитале... Сестра милосердия, ее зовут... Дарья Александровна... – Чувствую, что начиная с ушей покрываюсь свекольно-бордовым цветом. – Она к вам должна была недавно перевестись...

Дама, щурясь сквозь очки, оглядывает меня с ног до головы достаточно суровым взглядом, затем требует:

– Подойдите ближе! Представьтесь, молодой человек!

Блин, тормоз стояночный!.. Обращаться к незнакомой даме и не назваться?.. Ужас!..

– Подпоручик Гуров, мадам... Денис Анатольевич... К вашим услугам... Простите еще раз мое невежество...

Дама по-прежнему пронзительно смотрит на меня, затем вдруг улыбается:

– Дарья Александровна?.. Есть у нас такая. Только что, кажется, в Девичью беседку побежала... – Пытаясь как-то вывести меня из ступора, объясняет: – Тут недалеко беседка построена, где сестры в свободную минутку отдыхают... Хотите ее увидеть?..

В горле ком, который абсолютно не хочет проглатываться, не могу выдавить из себя ни звука, поэтому, стораю от неловкости, только и могу, что утвердительно кивнуть. Дама подзывает пожилую санитарку, что-то шепчет ей на ухо, та семенит по тропинке и исчезает в зеленых ветвях. Тем временем, насилу прокашлявшись, сипло выдаю:

– Премного благодарю вас, сударыня!..

Слышатся легкие торопливые шажки по утоптанной земле, поворачиваюсь... Даша!.. Моя Дашенька стоит на тропке и огромными глазищами, не отрываясь, смотрит на меня... Делает два нетвердых шага вперед, бросаюсь ей навстречу... Ее руки уже на моих плечах, глаза совсем-совсем близко, светятся радостью, обнимаю ее, отрываю легкую, как пушинку, от земли... Самые вкусные в мире губы касаются моих... И время останавливается!.. Чтобы возобновить свой ход после негромкого нарочитого покашливания старой дамы... Окружающая действительность врывается в сознание, опускаю свою милую на землю. Смущенная и застеснявшаяся, в сверкающем медью ореоле рассыпавшихся из-под упавшей косынки непослушных локонов, она кажется еще прекраснее!..

– Извините, ваша светлость! – Виновато и счастливо звучит ее голос...

И только потом до меня доходит!.. Ваша светлость!.. Обращение к светлейшему князю или княгине!.. Которых в городе может быть... только одна! Княгиня Паскевич!.. Вот это влип!.. Надо как-то выкручиваться...

– Еще раз приношу свои глубочайшие извинения, ваша светлость! – Теперь уже я, не знаю в какой раз покраснев, спешу извиниться. – Я не предполагал...

– Дашенька, ты выглядишь восхитительно, но, пожалуйста, приведи в порядок прическу... А вам, молодой человек, следует запомнить, что русскому офицеру не пристало краснеть по таким пустякам. Хотя... Вы напоминаете мне одного персонажа романа господина Готье «Капитан Фракасс», барона де Сигоньяка, про которого говорили, что он был храбр с мужчинами и робок с женщинами, как все отважные люди.

Светлейшая княгиня улыбается, глядя на нас, затем выдает окончательный вердикт:

– Дарья Александровна, будьте добры, передайте доктору, что я попросила отпустить вас на сегодня. – Ага, такая просьба равносильна приказу главнокомандующего, попробуй не выполнить. Княгиня тем временем обращается ко мне. – Ваши извинения приняты, молодой человек. Более того, я благодарна за то, что вы меня позабавили. Не каждый день увидишь георгиевского кавалера, смущенного как гимназистка... Простите, мне пора.

Кивнув на прощанье, светлейшая княгиня Ирина Ивановна Паскевич-Эриванская удаляется по своим делам, оставляя нас вдвоем. И снова мое сокровище в моих объятиях, и я забываю обо всем на свете... Потом маленькие ладошки упираются в грудь.

– Милый, подожди... Ну, Денис... Ну... Денис!.. Ну, подожди минуточку! – Даша выскальзывает из рук, глядя на меня сияющими от радости глазами, быстро убирает волосы под косынку. – Я только скажу Петру Никодимовичу, что ее светлость меня отпустила!.. Я – быстро! Я – сейчас!..

Совершенно по-детски чмокнув меня в щеку, она скрывается за дверью... Ну что ж, стоим, ждем! А проснувшаяся наблюдательность замечает как минимум две пары любопытных глаз в кустах и столько же – в окне второго этажа. Им что, заняться больше нечем? Страдают тут, блин, вуайеризмом. Типа сопереживают... Разогнать вас всех, что ли?..

Видимо, поняв, что ничего интересного больше не подсмотрится, на тропинке появляются две медсестрички. Ха, а одну я уже знаю! Дашина неразлучная подруга...

– Здравствуйте, Мария Егоровна!

– Добрый день, Денис Анатольевич! – «Мадемуазель Мари» одновременно со мной замечает появившуюся Дашу и начинает работать на публику. – Как хорошо, что вы к нам пожаловали! А то одна барышня тут у нас постоянно пребывает в меланхолии, все плачет у подружки на плече, мол, и когда ж это я милого увижу?.. Весь запас валерьянки извела!..

– Маша!.. Что ты говоришь?! Перестань сейчас же!..

– Она своим мрачным видом всех женихов тут перепугала, к нам-то они теперь и не заходят...

– Маша!!!

– Что – Маша?.. У тебя вон какой замечательный георгиевский кавалер, аж завидки берут!.. Кстати, Денис Анатольевич, расскажите, за что получили орден! Ну прям жутко интересно!..

Нет, понятно, что тут комедию всюю ломают. Типа – театр одного актера. Вот мы вам и подыграем маленько.

– Да, был тут случай... Иду я со своими станичниками как-то по германскому тылу. Иду, значит, иду, и вдруг чувствую, из кустов за мной кто-то наблюдает. Ну почти как только что две любопытные барышни... Запрыгиваю в кусты, хват колбасника, в мешок его, дай, думаю, в ближайшем болоте утоплю. Там же речки поблизости, как здесь, не было. Да только он как заверещит на немецком, мол, не убивайте, сдаюсь, лопочет еще что-то. Тут мои казаки и говорят, надо, мол, его начальству показать, может, сгодится на что-нибудь. Вот и потащили мы его обратно. А потом уже оказалось, что это – б-а-алышой кайзеровский генерал с целым портфелем секретов. Вот так все и было...

Девушки хихикают, Даша награждает смешливым взглядом и почетным прозвищем:

– Скоморох!

– Ну да, есть немного. Хорошо, хоть не клоун. – Подыгрываю в меру сил, затем обращаюсь к зрительницам: – Покорнейше прошу простить, барышни, но мы с Дарьей Александровной сейчас совершим небольшую прогулку, во время которой она, надеюсь, объяснит, что именно в моем поведении ей не понравилось. А то только из окопов вылез, уже в работники кафешантанов записывают... Прошу вас, мадемуазель!..

Даша берет меня под руку, и мы чинно, с чувством собственного достоинства, удаляемся к выходу, но на полпути не выдерживаем и почти одновременно прыскаем со смеху. Только за воротами вспоминаю об извозчике, который сидит, погрузившись в мечты о крупном заработке.

– Дашенька, мы пойдем или поедем?

Она раздумывает долю секунды и объявляет:

– Конечно, пойдем. Я покажу тебе такие замечательные места, ты же ведь совсем не знаешь моего города.

А, ну да, конечно же не знаю, но горю желанием ликвидировать досадный пробел в своем образовании. Особенно если там будут укромные уголки, где никто нам не помешает... Подхожу к пролетке, водила с мрачным видом уже понимает, что дальше никто никуда не поедет. А хрен с тобой, золотая рыбка!.. Достаю синенькую, расплачиваюсь, говоря традиционное «Сдачи не надо», и мы не торопясь идем вдоль парковой ограды. Подходя к оврагу, чувствую, как напрягается ее ладошка на моем локте.

– Что-то случилось, любимая?

– Нет, просто... Просто здесь – опасное место. – Даша кивает на тропинку, ведущую в овраг. – Там живут всякие... темные личности. Мы здесь всегда вместе ходим и в сопровождении доктора или кого-нибудь из мужчин...

– Не бойся, моя хорошая... Ты теперь под защитой русской армии. – Применительно к обстоятельствам корректируем знаменитую фразу из «Небесных ласточек». – Никто тебя никогда не обидит, пока я жив. А жить я собираюсь вечно... К тому же в помощь к Дэнио Гуро прибыл еще один боец, теперь уже из Европы.

– Денис, пожалуйста, не шути так легкомысленно о смерти. – Ее взгляд становится испуганно-серьезным. – Этим ты можешь притянуть ее... И я останусь без тебя...

– Дашенька, не может такого случиться! И не случится никогда! Я всегда буду рядом с тобой... Пока не надоем своими глупыми шутками.

– Скоморох и болтун! Которого я готова слушать всю жизнь... – Она прижимается щекой к моему плечу, затем в голосе появляются веселые нотки. – Пойдемте, сударь, я буду показывать вам наши достопримечательности...

Вход в дворцовый парк, оказывается, стоит двенадцать копеек с души, которые, по заверению билетера, идут на содержание вольно-пожарного общества города. Препятствие очень легко устраняется, и мы, немного пройдя влево, стоим перед собором Петра и Павла. Даша осеняет себя знамением и с некоторым удивлением смотрит на меня. Спихватившись, стягиваю фуражку и обмахиваюсь крестом, делая вид, что просто дожидался своей очереди.

– Красиво, правда? Его строили около ста лет назад. А как замечательно он смотрится с того берега, особенно когда ясная погода, ты не представляешь! – Моя барышня мечтательно прикрывает глаза.

Нет, ну почему же? Очень даже хорошо представляю, благо есть, что вспомнить из детства... И чуть не прокалываюсь, желая сообщить, что сам постоянно бегал сюда в планетарий в основном для того, чтобы посмотреть электрифицированный «рассвет над Гомелем»!.. Вместо этого задаю первый пришедший на ум вопрос:

– А что там, на том берегу?

– Одно из предместий, называется Новая Белица. Там есть лазареты, мы иногда помогаем раненым, которые в них лежат. А еще по этой дороге мы ездим на дачу, в Чёнки. Это такая небольшая деревенька на берегу Сожа. Места очень красивые! Папа с дядей Мишей любят там охотиться. Ты моему папе обязательно понравится, он – такой же любитель оружия, как и ты. У нас дома даже коллекция ружей есть. Правда, небольшая... Чему ты улыбаешься?

– Да я просто опасаюсь, что как только он узнает, что у его доченьки появился какой-то там ухажер, будет гонять меня по городу солью из обоих стволов своего любимого ружья.

– Нет, что ты! Папа у меня очень хороший! И мама – тоже. Только... Нет, не будем сейчас об этом!.. Пойдем, я покажу тебе часовню. Она стоит возле усыпальницы на самом-самом краю...

Полюбовавшись красотами, открывавшимися с того места, идем по дорожке вдоль высокого берега-обрыва, проходим мимо громадины дворца, огромные окна которого отражают вечернее небо стеклами своих витражей. И, огибая башню с часами, внезапно зависаем в

пространстве, точнее, я торможу, после чего и Даше приходится остановиться. Загораживая добрую треть прохода, на массивном постаменте обнаруживается статуя. Бронзовый мужик в прикиде римского всадника, в два, а то и в три раза больше нормального человека, сидит на таком же здоровом Буцефале и гордо смотрит вперед. Моя медсестричка рассказывает мне, что данный персонаж – не кто иной, как князь Юзеф Понятовский, родственник польского короля. И что он, интересно, здесь делает? Заблудился, что ли?

– Мадемуазель, вы, случайно, не знаете, каким ветром его сюда надуло? Или он во дворце жильё снимает?

Даша звонко смеется, но потом серьезнеет и посвящает меня в «дела давно минувших лет и преданья старины глубокой»:

– Эту статую создал датский скульптор Торвальдсен по заказу польских магнатов Браницких еще в тысяча восемьсот двадцать шестом году. Но после польского восстания ее конфисковали, а потом, спустя несколько лет, император Николай Первый приказал было ее разбить и переплавить, но генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич упросил царя отдать скульптуру ему и поставил здесь, в парке, у дворца.

– Они что, были друзьями? Насколько я помню историю, какой-то Понятовский собрал в Польше аж целый кавалерийский корпус и вместе с Наполеоном пошел на Русь.

– Да, и они не раз сражались друг с другом в Отечественную войну. Но, уважая достойного противника, князь Паскевич сохранил его скульптуру от уничтожения, что было, несомненно, благородным поступком... А вот те две пушки позади статуи были привезены из самого Карса после турецкой войны...

Осматривая старинные орудия, замечаю внизу небольшую беседку, куда вскоре и направляемся. Типа отдохнуть...

– Даша, помнишь, я тебе говорил, что твоему самураю кое-кто прибыл на помощь? – Достаяю из кармана трофейный пистолетик. – Вот, зовут его Джон Мозес Браунинг, можно просто Джонни. И, несмотря на свой маленький размер, он способен защитить в самых неприятных ситуациях. Нужно только вот эту пимпочку сдвинуть вниз и нажать вот сюда. Предварительно направив ствол на того, кто тебе не нравится. Ну, потом я тебя научу, как им пользоваться...

– Денис, спасибо!.. Но я не могу принять его. – Моя милая, краснея от смущения, торопливо поясняет: – У нас в семье всем оружием заведует папа. Если он разрешит мне, только тогда...

– Хорошо, тогда я отдам пистолет ему, и как он решит, так и будет... Но вот это ты можешь принять без разрешения родителей? – Из кармана появляется бархатный футлярчик с часиками.

Даша открывает коробочку, в восхищении, совсем по-девчоночьи, ойкает, двумя пальчиками берет маленький золотой медальончик и подносит к ушку.

– Тикают! – произносит восторженным полупшепотом, будто боясь заглушить это самое тиканье.

– Ага, и даже показывают точное время. Можете, мадемуазель, сравнить с башенными часами.

– Но ведь они очень дорогие!

– Ну, не дороже денег... Пару банков ограбил, вот и набралась сумма...

– Болтун!.. Болтун и врун!..

Моя медсестричка свободным кулачком попадает по плечу, и я тут же молю о пощаде:

– Дарья Александровна, смилуйтесь, бога ради! Мне ж еще с германцами воевать, а вы из меня инвалида вон делаете!.. Даша, можно я помогу надеть?..

Аккуратно застегиваю крохотный замочек на шее... Дашенька в знак благодарности чмокает меня, но моими стараниями это действие перетекает в очень длинный поцелуй...

Потом мы продолжаем прогулку – обходим сам дворец, в котором, по рассказам, оказывается, аж целых шестьдесят четыре комнаты, спускаемся по до боли знакомой мне дорожке к Лебединому озеру и идем смотреть его обитателей. Даша, исполняя роль радушного экскурсовода, щебечет без умолку, рассказывая мне о местных красотах и достопримечательностях. А мне в голову приходит и никак не хочет уходить дикая мысль. О том, что ей тоже обязательно нужно рассказать, кто я есть на самом деле... Но ведь, блин, страшно!.. Если бы мне не поверили доктор, Бойко, Дольский, я пережил бы это без особых эмоций. Но с Дашей... Если она мне не поверит, сочтет обманщиком, прогонит... Я же просто умру. Но и обманывать ее не хочу.

– Денис! Ты меня совсем не слушаешь?.. – Она капризно надувает губки. – Я тут рассказываю ему обо всем, а он и не думает на меня внимание обращать! Что с тобой?..

Все! Если самурай не знает, что делать, он делает шаг вперед. С места в пропасть! Вниз головой! На камни!.. Делаю глубокий вдох, будто действительно собрался куда-то прыгать...

– Даша, прости!.. Скажи мне, пожалуйста, тут есть где-нибудь такое место... Ну, чтобы никто не помешал разговору?.. Я должен сказать тебе что-то очень важное и серьезное.

Через несколько минут мы стоим на берегу Сожа возле самой кромки воды рядом с большой плакучей ивой. Один ствол лежит на песке почти горизонтально, другой образует как бы навес из длинных веток с листьями. Тихо... Тепло... Ни малейшего дуновения ветерка... Небольшие вытянутые облачка в небе и кустарник на той стороне окрашены нежно-розовым цветом.

– Я здесь всегда сижу, когда хочется побыть одной или нужно принять какое-то важное решение. – Моя ненаглядная серьезно смотрит мне прямо в глаза. – Для меня здесь – особое место...

Мандраж бьет не по-детски. С чего начать?.. Что говорить?.. Поверит ли?.. Блин! Вдох-выдох.

– Даша!.. Не знаю, согласишься ты мне или нет... Я люблю тебя!.. Очень люблю, больше жизни!.. Ты для меня – все!.. И именно поэтому ты должна кое-что, очень важное, про меня узнать... И, молю тебя, поверь мне... Каким бы невероятным это ни казалось...

Ее глаза становятся очень пронзительными, прожигают насквозь. Все тело напряжено, натянуто, как тетива... Начинаю в который уже раз...

– Я, Журов Денис Анатольевич, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения, до недавнего времени был старшим лейтенантом Военно-Космических Сил России...

Когда исповедь заканчивается, Даша еще полминуты смотрит на меня или сквозь меня. Затем тихим спокойным голосом утверждает:

– Ты не обманываешь. Я умею различать, когда мне врут, а когда – нет... Но и то, что ты мне рассказал, настолько не укладывается в... Такого вообще не может быть... Но я еще в госпитале, когда тебя привезли... Ты в бреду шептал какие-то очень непонятные слова, я их даже записала и передала Михаилу Николаевичу... И еще... Я могу... В общем, меня научили видеть душу человека...

– Старик Мартьяныч?.. – Не совсем кстати вспоминаю лесного отшельника.

– Откуда ты знаешь?! – Ее глаза изумленно распахнуты. – Кто тебе рассказал?..

– Сам он и рассказал. Мы у него были, когда от Ново-Георгиевска шли к своим. Раненого там оставили и сестру милосердия, она вызвалась присматривать за ним.

– И что, Целитель с тобой разговаривал?!

– Не только... Увел в святилище, там, наверное, загипнотизировал... Короче, он про меня все знает...

– ...Тебе повезло... Так вот, в госпитале я видела в тебе две души... Одна хотела умереть, другая – наоборот... Теперь я понимаю, почему так было... Денис, пожалуйста, отойди немного в сторону, мне нужно побыть одной...

Даша поворачивается лицом к воде, прикладывает ладошки к вискам и замирает. Очень тихо, чтобы не потревожить, отхожу к тропинке, дрожащими руками достаю папиросу из портсигара, прикуриваю. Внутри головы какое-то натянуто-сосущее ощущение незаконченности, недоговоренности. Жду приговора... Папироса быстро заканчивается, окурок летит на песок, возвращаюсь обратно, спустя пару секунд слышу легкие шаги по песку... Даша подходит вплотную, обнимает за шею и, глядя прямо в глаза, негромко произносит:

– Я люблю тебя, и мне все равно, кто ты и откуда...

Губы встречаются с губами, и все звезды Вселенной начинают кружиться вокруг нас... Через какое-то время легкие сумерки достаточно внятно намекают, что нужно соблюсти правила приличия и проводить мое солнышко домой. Даша быстренько поправляет пришедшее в некоторый беспорядок платье, и мы двигаемся обратно. На тропинке вспоминаю, что не сделал главного на сегодня. Достаю из кармана бархатную коробочку с колечком, встаю перед самой прекрасной девушкой на одно колено...

– Дашенька! Ты выйдешь за меня замуж?..

Впадаю в ступор от того, что слышу... Даша весело смеется. Затем, видя мое состояние, объясняет:

– Денис, встань!.. Милый, вот теперь я точно верю в то... что ты мне рассказал!.. Да будет вам известно, сударь, что просить руки барышни молодой человек должен у ее родителей!.. – И, заставляя меня нагнуться, почти по-кошачьи мурлычет на ухо: – Что же касается самой барышни, то по секрету скажу, что она ничуть не возражает...

Очередной долгий поцелуй, надеюсь, не последний на сегодня, как печать, скрепляет сказанные слова.

Глава 8

Утром я снова в мастерских, и снова смотрим чертежи, разбираемся в деталях, спорим и дискутируем. В конце концов, господа путейцы, которым надоело мое упрямство, заявляют, что они лучше знают, что и как можно сделать в их мастерских. И будет правильней, если я перестану темнить и недоговаривать, а, как заказчик, скажу, что мне нужно от того или другого девайса. После чего они уже сами сообразят технологическую цепочку без вмешательства некоторых подпоручиков с... немного своеобразными для инженера-технолога взглядами на металлообработку и слесарное дело.

Вскоре Николай Ефремович убегает по своим делам, разговаривать становится немного легче. Тем более что объявляется перекур, и мы с господином Филатовым идем в курилку, уважая право остальных на глоток чистого воздуха. Александр Михайлович снова цепляется любопытным взглядом за кобуру с люгером и наконец-то решается задать вопрос, не совсем, по его мнению, уместный.

– Денис Анатольевич, все хотел спросить, да не решался. Пистолет у вас, насколько понимаю, трофейный, не покупной?

– Да, Александр Михайлович. Достался, так сказать, в наследство от одного колбасника.

– Не откажите в любезности, разрешите глянуть... Видите ли, молодой человек, являюсь страстным любителем оружия. А вот парабеллум толком и не довелось видеть.

Да не вопрос, почему бы не сделать приятное хорошему человеку. Достая пистолет, нажимаю на кнопку, ловлю обойму. Я и так знаю, что патрон не досылал, но правила обращения с оружием вбиты на уровне подсознания. Снимаю с предохранителя, передергиваю рычаги затвора, нажимаю на спуск. Затем протягиваю люгер рукоятью вперед, положив сверху магазин. Инженер с загоревшимися глазами не осматривает, а прямо ощупывает пистолет.

– Нет, ну надо же!.. Интересное решение!... А обработка-то какова!.. – С виду пятидесятилетний солидный дядя сейчас немного похож на мальчишку, заполучившего в свои руки долгожданную игрушку. – И как в руке лежит – прямо-таки шедевр искусства!.. Бой точный?

– Да пока никто не жаловался, да и в будущем, думаю, никто не будет... Кстати, не подскажете, Александр Михайлович, где в городе оружейный магазин? Надо немного патронами разжиться. – Совсем из головы вылетело, что Дашин пистолет надо отстрелять. – Калибр шесть и тридцать пять.

– Это под жилетный браунинг? У вас и такой есть?

– Да, только патронов – всего четыре штуки...

– Магазин есть, и даже не один. Позже расскажу, как до них добраться... А пистолетик неплохой. Только маловат он для мужской руки. – Александр Михайлович лукаво улыбается. – Не иначе для «ля бэлль фам»?.. Ох, молодежь-молодежь... Ну-с, пойдёмте, будем дальше разбираться с вашим взрывателем.

– Да там и разбираться особо нечего. Шляпка гвоздя удерживается вилочкой на конце прижимной скобы, которая в свою очередь фиксируется проволоочной шпилькой с кольцом...

После обеда в той же кафешке с теми же лицами, что и вчера, наношу визит в охотничий магазин по указанному адресу. И понимаю, что должен проставиться Александру Михайловичу по самое-самое! Нужные патрончики были в неограниченном количестве – бери, сколько унесешь. Под это определение вполне вписалась цифра «сто». А дальше, игнорируя слова хозяйина про патроны «девять мэ мэ пара», стою и пытаюсь смотреть сразу в двух направлениях. На прилавке с короткостволом видны очертания маузера, того самого, который «ка девяносто шесть». С кобурой-прикладом. А правее его в стойке для ружей с самого краешка стоит дробовик! Американский!.. Помповый!..

– Любезный, покажи-ка мне вот это ружье.

– Господина офицера интересует ружье Винчестера?.. Пожалте-с. Модель тысяча восемьсот девяносто седьмого года. Магазин на пять патронов, двенадцатый калибр. Легкое перезаряжание, все детали изготовлены-с из закаленной стали. Благодаря открытому курку можно носить заряженное ружье без предохранителя-с... – Чувствуя мою заинтересованность, хозяин частит привычной для него скороговоркой, нахваливая товар, который, собственно, в рекламе и не нуждается. Я сильно подозреваю, что у этого ружья будет только один недостаток – это его стоимость. Цену продавец, естественно, попытается взвинтить до облаков.

– И сколько просишь за него?

– Совсем недорого, ваше высокоблагородие! Всего-то сто тридцать шесть рубликов...

Вот ведь прохиндей! Я уже у него высокоблагородием стал, еще немного поторгуюсь, до превосходительства дотяну. Только цена уж больно кусачая. Насколько помню наши с Валерием Антоновичем разговоры, до войны такой ствол стоил сорок пять – пятьдесят рублей. Значит, будем торговаться! И зайдем с другой стороны.

– Нет, дорого... А вон тот пистолет Маузера покажи мне.

«Торговец смертью» быстренько притаскивает «девяносто шестой» и начинает тарыхтеть как по-писаному:

– Очень точный и мощный пистолет образца тысяча девятьсот восьмого года. Позволяет-с вести огонь с дистанции до тысячи шагов-с. Имеет неотъемный магазин на десять патронов. Калибр 7,63 миллиметра. Прошу обратить особое внимание-с на предохранитель от случайных выстрелов, работающий и во взведенном, и в спущенном положении. Кобуру можно использовать как приклад-с. Вы сделаете очень удачную покупку, господин офицер.

– И за сколько я могу ее сделать, уважаемый?

– Всего лишь за сто пять рублей. Но есть одна неувязочка... Я не могу продать его вашему благородию без разрешения вашего полкового командира-с.

Опять коэффициент «два с хвостиком»!.. Зеленое земноводное начинает потихоньку сдавливать горло, но ведь хочется! Да и надо!.. В конце концов, для отряда беру, а не играть-с... А насчет разрешения – это еще раз Валерию Антоновичу в ножки поклониться надо. Состряпал «на всякий случай» – да еще за подписью начальника штаба армии.

– Не волнуйся, любезный, бумага имеется. Сколько у тебя маузеров?.. Только два?.. Жаль. Мне больше надо... Да и дорого просишь. Придется в другом месте поискать...

После получасовых торгов все-таки становлюсь обладателем целой кучи оружия. Два пистолета и дробовик. По компромиссной цене. Я отдал немного больше, чем рассчитывал, а хозяин получил меньше, чем ожидал. Но сделал скидку за оптовую покупку и обещание заглянуть к нему еще раз, когда найдет такие же стволы в больших количествах. Почувствовав себя поставщиком Императорской армии, хозяин магазина от щедрот душевных даже презентовал брезентовый чехол для ружья и такую же охотничью сумку, чтобы сложить ящичек с приспособами для снаряжения патронов, банки с порохом и убойные элементы. Для эксперимента взял поровну картечи и самой крупной дроби, посмотрим, что эффективнее. Сверху поместились и оба маузера в кобурах.

Нагруженный всем этим богатством, я несусь обратно в мастерские – тюнинговать, в смысле – укорачивать, винчестер. Но по прибытии натываюсь на полное непонимание момента со стороны инженеров-путейцев.

– Денис Анатольевич! Для чего вы покупали такое дорогостоящее ружье, а теперь хотите его тут же испортить? – Александр Михайлович в полном недоумении. – Если укоротить ствол... Вы представляете, какой разброс картечи получится? Невозможно же будет сделать прицельный выстрел!..

– Мне это как раз и нужно!..

– Но для чего? Объясните мне, будьте так любезны!.. Конструкторы бьются над тем, чтобы повесить кучность, а вы хотите свести их усилия к нулю! Да еще на таком шикарном образце!..

– Саша, подожди, не горячись. – Михаил Семенович пытается успокоить своего коллегу. – Насколько я понимаю, наш юный друг имеет для этого веские причины, но почему-то не хочет нам говорить об этом.

– Простите, господа, но это долго объяснять. Просто мне нужен некий ручной аналог секретной гаубицы Шувалова.

– ...Ага... Вы, молодой человек, хотите... как это говорят артиллеристы?.. Бить по площадям? – Прозоров начинает врубаться. – Кстати, Сашенька, почему бы тебе не пригласить Дениса Анатольевича съездить с нами на дачу? Ведь и так, и так собирались. Пусть возьмет с собой ружье и там, на месте, покажет, что к чему... Ба, а что у вас в сумке, господин хороший? Судя по очертаниям – не иначе маузеры!

– Да, Михаил Семенович, именно они. Прикупил для, так сказать, казенных нужд. – Пока объясняю, в голову приходит еще одна «гениальная» мысль. – Кстати, насчет них тоже есть задумка...

– Стоп! Стоп! Стоп!.. Денис Анатольевич, ради бога, остановитесь! У меня скоро голова пойдет кругом от ваших идей и задумок! – Александр Михайлович пытается воззвать к моему разуму. – Давайте делать все по порядку...

– Саша, ты – как хочешь, а я приглашаю молодого человека в субботу с нами. – Михаил Семенович, улыбаясь, смотрит на своего друга. – Ты же, надеюсь, не откажешься пострелять из маузера, парабеллума и других занятных штуковин... Патроны, разумеется, за наш счет, Денис Анатольевич!

– Конечно, Михаил Семенович, к вашим услугам. И благодарю за приглашение.

– Ну, раз ты уже все решил диктаторским способом, Миша, мне не остается ничего, кроме как согласиться. – Филатов тоже улыбается. – Ну что ж, пойдемте, господин хороший, портить новое ружье неизвестно ради чего. А потом, как старые охотники, поучим вас снаряжать патроны.

После «ампутации» винчестер превратился в достаточно компактную игрушку длиной чуть больше метра. Учитывая, что ствол с магазином отделяются «легким движением руки», имеем агрегат даже для скрытого ношения в городе. Заодно и лишний ствол пойдет на стержневой миномет, и для хвостовиков диаметр уже будет известен. Поглядывая на часы, под руководством господ инженеров потренировался в релоадинге, накрутил два десятка патронов для дробовика. Затем, в очередной раз глянув на часы, быстренько попрощался с путейцами и усвистал в госпиталь через транзитный пит-стоп в гостинице. Управляющий снова немного охренел от того, что ему предстояло хранить в сейфе, но принцип «клиент всегда прав» уже вовсю действовал, и я, избавившись от всякого смертоубийственного железа, мчусь на лихаче на улицу князя Паскевича.

Прибываю вовремя, как и договаривались, к шести. То есть с зазором в десять минут. Охранник на КПП после вчерашнего узнает в лицо, свободно прохожу к корпусу и включаю режим ожидания. Не выпуская из поля зрения входные двери, нахожу курилку, машу рукой, мол, сидите, бойцам в госпитальных халатах, поднявшимся при моем приближении. Закуриваю и слышу сзади:

– Дозвольте обратиться, вашбродь!

Оборачиваюсь и вижу давешнего раненого бойца, который вчера очень радостно мне улыбался. Вроде где-то я его видел... Только сразу вот и не припомню.

– Что хотел, служивый?

– Прощеньца просим, вашбродь, не узнаете меня?.. Вы к нам приезжали, в разведку ходили, там у вас ешо казака в плен взяли, так вы его отбивать ползали...

Точно!.. Тот самый ефрейтор, которому по ушам ездил насчет земли и у которого потом лопатки брал!..

– Ефрейтор Пашкин, кажется?

– Так точно, вашбродь, он самый... Тока уже младшой унтер-офицер.

– Ну, молодец, растешь, скоро, наверное, фельдфебелем станешь... или прапорщиком. Жетонов-то много насобирал?

– Десятка с два будет, за то лычки и получил. Мы ж опосля вашего разговору с мужиками переговорили, да и стали ползать к колбасникам за всяким хабаром. Винтовки, патроны, гранаты... ну и так, по мелочи... – Видя удивленный взгляд, спешит оправдаться, дабы не обвинили в мародерке. – Один раз для смеху ентот, как же его... пантенфон притарабанили с пластинками, ротному отдали. Дык потом к нам господа офицеры стали приходить, деньгу предлагать, мол, кому биноклю надо, кому вон пистоль, как у вас, кому ешо чаво... Даже богачи некоторые стали. А германцам, видать, надоела ента канитель, оне наши окопы из пушек среди бела дня поровняли. Вот я сюда-то и попал...

– Ну, живой, с руками-ногами, – значит, счастливчик ты, унтер.

– Я... Эта, вашбродь... хотел по выписке к вам попроситься... Ежели дозволите... Ой, звиняйте, вашбродь, тама ваша барышня появилась...

– Добро, завтра договорим. –хлопаю бойца по плечу и на всех парах несусь к моей милой медсестричке.

* * *

Мы с Дашенькой идем по городу и играем в только что придуманную нами игру. Началось все с того, что мне удалось уговорить ее зайти в бывшую турецкую, а ныне на волне патриотизма переименованную в восточную, кондитерскую. Пока ожидали кофе с пирожными, моя милая хитрым полупшепотом поинтересовалась, что на этом месте будет, в смысле, было в мое время. Фраза «Детский мир» вызвала легкое недоумение, пришлось объяснять, что это такой магазин только для детей, где можно купить все, начиная от пеленок и подгузников и заканчивая набором первоклассника.

Расправившись со сладостями, мы прошли немного по Миллионной, и, не дойдя совсем чуть-чуть до «Русского трактира», моя милая показала двухэтажное здание женской гимназии, в которой училась. На что пришлось возразить, что это совсем не гимназия, а политехнический техникум имени Галины Докутович, и стоит он не на Миллионной, а на улице Билецкого. Потом мы постояли пару минут перед «дедушкой» моего родного дома, затем полюбовались Троицкой церковью, на месте которой позже должна вырасти гостиница «Сож». Потом неспешным шагом гуляем еще квартал и начинаем спорить, как правильней назвать место, куда мы попали: Городской бульвар или Пионерский скверик. Придя к выводу, что сейчас еще даже и пионеров-то нет, решаем остановиться на традиционном названии, а заодно присесть на скамеечку в укромном уголке, где нас никто не видит. Для важного, как очень серьезно было сказано, разговора.

– Денис, послушай меня, пожалуйста... Дело в том, что... – Моя красавица замирает на половине фразы, долго собирается с духом и, наконец, выпаливает. – У меня есть жених... Подожди, послушай меня, мой хороший! Это – не мое решение, я не хочу! Это мама пытается устроить мою жизнь так, как ей кажется лучше, и меня абсолютно не слушает... Но люблю я тебя!.. Мне никто, кроме тебя, не нужен!

Медленно прихожу в себя после такого известия... Даша, прижав руки к груди, смотрит на меня своими огромными глазами, в которых плещется отчаяние пополам с испугом... И что-то еще... Немой вопрос... Вдох-выдох, медленно считаем до десяти.

– Солнышко мое... Я люблю тебя, и я очень хочу, чтобы ты стала моей женой... И чтобы у нас была целая куча ребятишек, таких же красивых, как их мама. И с такими же рыженькими кудряшками...

– И таких же смешных хулиганов и проказников, как их папа! – Дашенька расслабленно прижимается ко мне, пряча радостное и залитое смущенным румянцем лицо. – Я... Я боялась, что ты мне не поверишь.

– Любимая, мне достаточно видеть твои глаза... – Нежно целую зажмуренные веки. – В них я всегда найду ответ на любой вопрос. Ой, а что это за слезки?.. Кстати, а ты не знаешь поблизости укромное местечко с легким, желательно песочным, грунтом?

– Нет... А зачем? – Даша недоуменно смотрит на меня.

– Ну, как... Порежу этого жениха на кусочки и прикопаю где-нибудь...

Несколько секунд ступора, за время которых пытаюсь перейти к активным действиям, затем следует вполне ожидаемый ответ:

– Скоморох!.. Болтун!.. И... И... Денис!.. Ну, перестань!.. Ну, люди же вокруг!

– Где? – Нарочито кровожадно оглядываюсь по сторонам.

– Шут гороховый!.. Милый, ну давай поговорим серьезно!

– Я весь – внимание, мадемуазель!.. Ну, всё, всё... Молчу и слушаю... Моя повелительница...

Моей ненаглядной нужно несколько секунд, чтобы поправить прическу и собраться с мыслями.

– Завтра у нас дома состоится что-то вроде званого вечера, мама очень любит музыку и устраивает такие посиделки довольно часто. Гостей будет немного, кроме того, наша семья, мои крестные, Маша, ну ее ты знаешь... Но мама обязательно притащит его... Ну, жениха... Вольдемара... Чтобы он меня завоевывал... В общем, я хочу завтра познакомить тебя со своими родителями. Ты не против?

– Дашенька, нет, конечно, я и сам собирался попросить тебя об этом. И даже приготовил небольшие подарки по случаю знакомства. И тебе, кстати, тоже...

– Какие? Скажи, если не секрет!

М-да, любопытство – это основная черта всех женщин без исключения. Начиная с Пандоры.

– Скажу. Твоему папе – инженерный справочник, там всякие формулы и таблицы на все случаи жизни, маме – последний сборник модных романсов с нотами и стихами.

– Это хорошо, вполне подойдет для завтрашнего вечера. – Даша вдруг смотрит на меня изумленным взглядом, который тут же немедленно превращается в подозрительный. – Подожди!.. А откуда ты знаешь, что папа – инженер? Ну, с романами еще понятно, такое внимание будет приятно любой даме, но про папу я тебе, кажется, ничего не говорила!.. Ты кого-то расспрашивал про меня?! Денис, скажи мне, пожалуйста! Откуда ты это знаешь?..

Вот ведь влип! Блин, и что теперь делать? Правду, только правду и ничего, кроме правды? Придется, однако.

– Михаил Николаевич рассказал капитану Бойко, а тот, в свою очередь, мне.

– Но зачем?! Нельзя было у меня самой спросить?

– Во-первых, ты тогда уже уехала, а во-вторых, Валерий Антонович – мой начальник, и по долгу службы он должен знать, с кем общаются его подчиненные. Тем более что рапорт с просьбой о разрешении на женитьбу предстоит нести ему.

– Как это глупо! Чтобы людям пожениться, нужно подписанное кем-то разрешение! Да еще и, как я слышала, одобрение офицерского собрания. А если оно такого не даст?..

– Солнышко мое, дадут, и с превеликим удовольствием. И никуда не денутся...

– Нет, ну а вдруг?! – Даша снова собирается испугаться.

– Тогда мы с тобой тайно обвенчаемся. Хоть завтра...

– Денис, ну подожди!.. Ну, мы же не договорили!.. Ну, что ты делаешь?..

– Как что?! Репетирую свадебный поцелуй!.. Ай!..

– Будешь хулиганить, еще раз получишь!.. Ну всё, милый, давай поговорим серьезно!..

Я хочу, чтобы ты завтра спел несколько романсов, которые еще никто не знает. – Дашенька заговорщицки хитро улыбается. – Ну примерно как те стихи, которые ты читал в госпитале. Из того же неизвестного альманаха.

– Хорошо, только нужен аккомпанемент. У тебя же дома наверняка фортепиано, да?.. А за сутки я всяко не смогу научиться играть на нем. Нужна гитара.

– А я уже знаю, где ее взять! – Довольная своей придумкой, гордо объявляет моя милая. – Сейчас мы пойдем в Максимовский парк, это – рядышком, и там я... вернее Маша познакомит тебя со своим кавалером. Только сначала ты исполнишь свое обещание!.. И не делай удивленное лицо, ты не рассказывал еще про один подарок!

– Но если я сейчас расскажу, никакого сюрприза уже не будет!

– Рассказывай немедленно, или я обижусь! – Даша отворачивается и надувает губки, затем звонко хохочет. – Видел бы ты себя сейчас со стороны!.. Ну, Денис, расскажи!.. Я же умру от любопытства.

– Хорошо! В большой красивой коробочке лежат маленькие красивые коробочки, а в них – кофе в зернах и разные пряности... Я очень соскучился по твоему кофе...

– Завтра я сварю тебе самый-самый лучший кофе! А сейчас пойдем искать Машу и ее кавалера...

Глава 9

Парк находился на месте будущего стадиона «Центральный», и мы доходим до него очень быстро. Дашенька тянет меня по аллеям, густо обсаженным деревьями, к условленному месту на краю крутого склона с прекрасной панорамой на реку. Там, на скамейке, накрытой кровнями двух деревьев, как крышей беседки, сидят и болтают Мария Егоровна и ну очень худощавый молодой человек в форме с серебристыми узенькими погончиками. Представляемся друг другу, доходягу зовут Павлом Игнатовичем, с его слов можно просто Павлом, и является он зауряд-врачом в госпитале, где работают барышни. В ответ тоже разрешаю именовать себя без отчества, тем более что почти ровесники. Быстренько проходим первую фазу светского разговора ни о чем, затем Даша излагает просьбу одолжить гитару на несколько дней для одного очень важного дела. Дашина просьба подкрепляется достаточно красноречивым Машинным взглядом, после чего доктор моментально капитулирует и предлагает отправиться за инструментом к нему на квартиру прямо сейчас. Что всеми принимается «на ура».

На полпути навстречу попадает веселая, скорее всего только что из кафешантана, компания земгусаров, с которыми, как оказывается, все, кроме меня, знакомы. Идущая впереди тройка весело ржет, завидев нас, затем с явной насмешкой здороваются:

– Здравствуйте, Мария Егоровна! Здравствуйте, доктор! Как здоровьице ваше? Что-то вы рановато домой собираетесь. Или доктору пора в постельку, а, Мария Егоровна? Снова неможется?

Последние фразы сопровождаются недвусмысленными улыбками. Затем внимание переключается на нас с Дашей.

– О, и Дарья Александровна здесь?.. Вольдемар! Иди сюда быстрее!..

К ним присоединяются еще три человека. Вольдемаром оказывается достаточно крупный детинушка, с уже наметившимся пузиком. Замечаю у него погоны подпоручика от Земгора, то бишь губернского секретаря. Детинушка тут же вступает в разговор:

– Добрый вечер, милейшая Дарья Александровна! Как я счастлив этой случайной встрече!.. А кто это тут с вами?..

Дашенька, зардевшись от волнения, тревожно смотрит на меня. Чуть заметно киваю ей, мол, всё понял, кто это и что это... Блин, а это чучело слишком уж нагло лыбится во все свои тридцать два зуба. Я б тебе сейчас прикус откорректировал так, что потом никакой стоматолог не поможет! Но пока нельзя... Добро, тогда поступим маленько по-другому.

– А вы кто такие, чтобы я вам представлялся?

– Вольдемар Аристархович Трунович. С кем имею честь? – Чинуша протягивает руку.

Ну откуда я знаю, с кем и в какой извращенной форме ты свою честь имеешь, придурок?

– А эти людишки тоже с вами?

– Как вы смеете?! Мы – служащие Гомельского отделения Союза городов!

– А-а! Извините, господа, я просто смотрю, тут ряженных много... На карнавал спешите, да? – Наверное, хватит над ними прикалываться, а то еще обидятся, плакать будут. – Денис Анатольевич Гуров. Подпоручик Русской армии.

Земгусар так и стоит до сих пор с протянутой рукой... А ничего такая грабля, внушительная. И сам по себе он, наверное, из тех, про которых говорят, что «Бог силушкой не оби-дел», а также еще «сила есть – ума не надо». Похож на медведя. Только не на грозного Хозяина Леса, а на Михал Потапыча, который на ярмарках за кружку пива и рыбку танцует публике на потеху. Не оброс еще хищной воинской статью, не умеет, мгновенно сконцентрировавшись из расслабленного состояния, нанести неотвратимый удар, силой своей привык больше бахвалиться, чем по делу использовать.

Протягиваю свою руку для рукопожатия. Судя по встревоженным взглядам барышень и доктора, а также довольным ухмылкам «гусарства», предстоит игра в «Кто сильнее»... Ну что ж, посмотрим. Может, и получится у него что-то, хотя он за всю жизнь раз пять, наверное, отжался – против моих ежеутренних четырех подходов по пятьдесят – семьдесят – и самодельный эспандер из трофейной авторезины на автопилоте не тискает целый день...

Так, молодец, хорошо жмешь, мощно. Только вот незадача-то – не жметесь рука. А все потому, что пальцы сложены по-особому, лодочкой. Давай, давай, тужься – я подожду. В глазах предвкушение победы сменяется озадаченным выражением. Хватка начинает ослабевать... Пора!.. Коротким движением нажимаю на точку под основанием большого пальца противника, рука чуть дергается, моментально выгибаю его ладонь наружу и сжимаю!.. Вот, сейчас будет больно... Теперь – БОЛЬНО!.. А теперь – ОЧЕНЬ БОЛЬНО!!!

Вольдемар начинает кривить рот, глазки совсем-совсем грустные и почему-то удивленные... Ладно, как там? Не загоняйте крысу в угол?.. Не будем...

Отпускаю руку, вежливо улыбаюсь всей компании:

– Счастливо оставаться, господа! Нам пора... Всего наилучшего, берегите себя!

* * *

До нужного дома добрались за полчаса прогулочного шага. Пока наши барышни колдовали над приготовлением чая, вышел покурить на крылечко, где меня и догнал Павел. Неизвестно в чем оправдываясь и смущаясь, объяснил, что только месяц назад у него закончился карантин по тифу, и попросил не принимать во внимание некоторую скудость угощения... Тиф? Понятное дело, больных выхаживал, да сам и подхватил... Ха, чудак-человек! Как будто я сюда его обжирать пришел! Мы же все равно в лавку по пути заскочили, за неимением кондитерской, сушек-баранок прикупили, чтобы зубы ломать удобней было.

А так в жизни часто бывает, встретишь человека и сразу понимаешь, что он – свой. А то, что хилый, очкарик и «ботаник», так это ни ему, ни Маше, которая смотрит на него влюбленной кошкой, не мешает. А остальным – что за дело?..

Заполучив в процессе чаепития гитару в руки, быстренько настроил и... стал тормозить. Что же такого им спеть?.. Ладно, начнем с Малинина...

В общем, к концу второго часа, несмотря на несколько чашек горячего чая, голос начал садиться. Посему жюри выбрало из всего прозвучавшего самые лучшие, по их мнению, романсы и дало добро на исполнение. Разумеется, для Паши и Маши была озвучена версия о поэте и музыканте-самоучке, который в перерывах между боями пишет вот такие шедевры. Один из романсов пришлось даже сразу перенести на бумагу и разбить на мужскую и женскую партии.

Дашенька пообещала выучить слова к завтрашнему вечеру, и, попрощавшись с гостеприимным хозяином, а также, судя по всему, почти хозяйкой, мы отправились восвояси. Подойдя почти к самому дому, останавливаемся рядом с раскидистой липой, чтобы как следует попрощаться, но как только пытаюсь обнять мою красавицу, сверху наподобие гласа Божьего раздаётся любимая дразнилка всех времен и народов: «Тили-тили-тесто, жених да невеста! Поехали купаться, стали целоваться!» – в исполнении ехидного, не совсем взрослого голоса. Резко разворачиваюсь навстречу звуку, Даша, испуганно ахнув, хочет спрятаться у меня за спиной. Но тут же останавливается и сердито требует у потемневшей в сумерках листвы:

– Сашка, негодный мальчишка! А ну-ка, слезай сейчас же!.. Ну, я тебе задам!..

Ветви раздвигаются, на землю с высоты полутора человеческих ростов лихо спрыгивает парнишка лет тринадцати в гимназической форме, но без фуражки. Отскакивая от нас на пару метров, он здоровается: «Здравствуйте, господин офицер!», потом показывает моей милой язык.

– Это мой младший брат Саша, – Дашенька смущенно шепчет мне на ухо. Оно видно и без пояснений. Даже в тусклом свете ближайших окон, разбавленном густыми сумерками, видны такие же рыжие волосы, да и лица очень похожи.

– Александр Александрович! – важно представляется отрок.

– Денис Анатольевич, – соблюдая в ответ правила вежливости, стараясь не рассмеяться. – Очень приятно, сударь. А не подскажете, молодой человек, с каких это пор у настоящих мужчин принято вот так подшучивать над барышнями?

– Так она же – моя сестра, – с непонятной мне логикой уверенным тоном парирует юное создание. – Между прочим, Даша, я тебя уже полчаса, наверное, жду здесь. – Он стреляет глазами в мою сторону и продолжает: – К нам заезжал... Этот... Воль-де-мар Арис-тар-хович. Разговаривал с мамой. Вот я и побежал тебя предупредить... Ладно, прощайтесь. – Он демонстративно отворачивается.

Дашенька привстает на цыпочки, шепчет мне на ухо: «Завтра – как договаривались» – и тихонько касается моих губ своими. Еле успеваю ей ответить и потом провожаю взглядом стройную фигурку, идущую рядом с братом, до самой калитки. Затем, неизвестно чему улыбаясь, шагаю в гостиницу. Готовиться к завтрашнему. Тем более что в мастерских я пока не нужен...

Глава 10

В назначенное время подкатил на извозчике к госпиталю, забрал обеих барышень, и мы уехали на известную уже квартиру. «Наш доктор» Паша не смог уйти раньше, но обещал появиться через часок. По приезде происходит торжественное вручение подарка. Барышни открывают коробочки, охают, ахают, принимают с блаженствующим видом к пакетикам, затем начинают колдовать над всем этим богатством с применением кофейной мельнички и небольшой бульотки – этакого мини-самоварчика на три-четыре персоны. Смакуем первую чашечку кофе и принимаемся за репетицию, перманентно продолжающуюся всё время, пока не наступает пора ехать...

Стоя на крыльце, последний раз оглядываю себя на предмет соответствия. Дашенька рядом, немного волнуется, но старается не показывать вида. Маша за компанию тоже немного на взводе. Заходим, сзади хлопает дверь, обратного пути нет...

Оставляю на вешалке фуражку, шашку отстегиваю и вешаю рядом. И в этот момент в прихожую с шумом влетает черный пудель и, замерев, начинает очень внимательно изучать меня. Блестящий влажный нос так и впитывает новые для него и одному ему понятные запахи, в глазах ясно читается сомнение, насколько безобиден чужак. Потом вдруг, словно учуяв что-то важное и понятное только ему, принимает решение и, виляя хвостом, пробует облизать подставленную ладонь. Затем так же быстро исчезает, как бы приглашая за собой.

Вместе с Дашей прохожу по темному коридору, перед входом она находит мою руку и сжимает ее. Еще шаг, и попадаю в комнату, посередине которой стоит большой овальный стол, за которым сидят... Ой же, дурень!.. Вот же ж тормоз в погонах!.. В какое место засунул свою хваленую чуйку и забыл потом вытащить?! Ведь всё же с самого начала было видно, как на ладони!.. Вот это вляпался!

Половина сидящих людей за столом мне знакомы! Господа Филатов и Прозоров, как я понимаю, с супругами! Первый пребывает в таком же ступоре, что и я, второй уже громко хохочет над всеми нами. Их спутницы пока не понимают, в чем дело, и не знают, как себя вести, но вот чуть полноватая дама с пышной прической, сидящая рядом с Александром Михайловичем, уже неприязненно поджала губы. И проснувшаяся наконец интуиция подсказывает мне, что именно она – Дашина мама и моя будущая теща!

– Вот это анекдот!.. Ну, здравствуй, крестница! Ну, учудила!.. – Михаил Семенович уже обнимает немного растерявшуюся Дашу, затем протягивает мне руку. – Здравствуйте, Денис Анатольевич! Нет, ну, расскажи кому – не поверят!.. Ха-ха-ха!!

– Добрый вечер! – Пожимаю руки ему и подошедшему Александру Михайловичу, делаю короткий поклон дамам, шелкая каблуками.

– Разрешите вам представить Дениса Анатольевича Гурова! – Хозяин дома, весело улыбаясь, обращается к дамам, затем происходит обратный процесс: – Моя супруга, Полина Артемьевна...

– И моя дражайшая половина, Ольга Петровна! – подхватывает эстафету Михаил Семенович. – И позвольте представить вам... э... нашего общего знакомого, Вольдемара Аристарховича.

Ёперный театр! И как я его сразу не заметил?! Земгоровец, сидя за столом, пытается прожечь во мне дырку испепеляющим взглядом.

– А мы с Вольдемаром Описторх... пardon, Аристарховичем уже знакомы! – Улыбаюсь как можно вежливей, подхожу и протягиваю руку этой куче мяса. – Здравствуйте, уважаемый!

Ненависть в глазах конкурента смешивается со страхом, лапу свою тянет как-то неохотно, робко. Ты что же, думаешь, я тебя сейчас прилюдно унижать буду? Не бойсь, солдат ребенка не обидит. Хоть этот ребенок и весит чуть ли не в полтора раза больше его...

Даша с подругой решают заняться приготовлением кофе, а я еле успеваю закончить официальную часть, преподнеся приготовленные подарки. И справочник, и нотный сборник принимаются благосклонно, к явно видимому неудовольствию земгусара. Но получить удовольствие от этого зрелища мне не удастся потому, что Полина Артемьевна начинает допрос с пристрастием, имея Ольгу Петровну в качестве сменного следователя, да и господа путейцы с интересом слушают мою автобиографию...

Родился и вырос в Томске... Папа – смотритель гимназий... Нет, братьев и сестер нет, единственное чадо у родителей... Да, образование высшее, инженер-технолог, так сказать, широкого профиля... Почти год назад закончил школу прапорщиков, после чего попал на фронт... Да, был контужен и в госпитале познакомился с вашей замечательной дочерью, Полина Артемьевна... Командую пехотной ротой, которая в данный момент прикомандирована к штабу 2-й армии... Сейчас в Гомеле в командировке, выполняю специальное задание командования...

Тут меня прерывает Александр Михайлович и рассказывает интересующимся о плодотворном сотрудничестве мастерских с этим, несомненно, толковым молодым человеком. Михаил Семенович с важным видом сообщает, что если бы была возможность, немедленно забрал бы данного господина в свою епархию и сделал его своей правой рукой... Насколько я понимаю, против женской солидарности начинает работать мужская. То, что оба папы – и родной, и крестный – за меня, придает уверенности. Осталось мамам понравиться... И не только!..

Внезапно чувствую чей-то пристальный взгляд. Ага, а самую главную даму я и не заметил. На диване, вальяжно развалившись, лежит пепельно-серая, с едва заметными темными полосками, очень пушистая кошка. И оценивающе смотрит огромными янтарными глазищами на новое существо в помещении, прикидывая: то ли признать в нем индивидуума, то ли счесть частью интерьера. Заметив мой взгляд, презрительно прищуривается и начинает демонстративно вылизывать свой «лисий» воротничок. Затем грациозно спрыгивает со своего места и, подняв трубой неимоверно пышный хвост, идет по своим кошачьим делам, но маршрут выбирает так, чтобы оказаться возле моего стула. Протягиваю навстречу ей руку, не обращая внимания на предостерегающий возглас хозяйки, проговариваю в уме кодовую фразу из Киплинга: «Мы с тобой одной крови, ты и я...» Шевеля длинными усами, кошка обнюхивает пальцы, затем «бодает» мою руку и, мурлыча, подставляет спинку – погладить.

– Да где ж это видано?! – Полина Артемьевна не скрывает своего удивления и разочарования. – Муня! Муничка!.. Ну, ладно, Бой не лает из мужской солидарности, но ты-то!..

Её Пушистое Величество невозмутимо выслушивает старшую подругу и идет дальше, грациозно виляя «штанишками» на задних лапах.

В словесной баталии наступает перерыв, моя милая зовет всех ознакомиться «с новым рецептом», нарочито демонстрируя подаренный ларчик. После чашечки очень вкусного и ароматного кофейку противник меняет тактику. Наступает концертно-музыкальная часть вечера. На столе появляется большая ваза, в которой сложены конвертики – в них фанты с заданиями. По давно установившимся, как было объяснено новичку, условиям вытащивший фант должен продекламировать, сыграть или спеть на заданную тему. Первыми начинают дамы старшего поколения и под фортепиано красиво и с чувством выдают «Отцвели уж давно хризантемы в саду», заполучив фант про цветы. Потом настает очередь господ инженеров, которые, ничтоже сумняшеся, подгоняют «Хас-Булат удалой», исполненный а-капелла, под тему Кавказа. Вольдемар стартует третьим, вытаскивает «Цыган» и сочным, хорошо поставленным баритоном выдает сначала «Очи черные», затем после минутного перерыва новомодный романс «Вы меня пленили». Выслушав непродолжительные вежливые аплодисменты, он победно смотрит на меня. Типа – твоя очередь. Все остальные с интересом следят за моими действиями. Достая из конвертика листок бумаги, на котором написано «Божественное»...

Ну, это мы запросто. Михаил Семенович передает мне гитару, ловлю Дашин ободряющий взгляд.

– Песня, которая прозвучит, еще неизвестна широкой публике. Прошу не судить строго... – Пальцы, разминаясь, пробегают по струнам, звенит перебор...

Дай Бог слепцам глаза вернуть и спины выпрямить горбатым,
Дай Бог быть Богом хоть чуть-чуть, но быть нельзя чуть-чуть
распятым.
Дай Бог не вляпаться во власть и не геройствовать подложно
И быть богатым, но не красть... Конечно, если так возможно.

Я, безусловно, ни разу не Калинин, но стараюсь изо всех сил. И, похоже, получается. Александр Михайлович беззвучно отбивает такт ладонью по столу, дамы перестали шушукаться с Михаилом Семеновичем и внимательно вслушиваются в слова, Даша неотрывно смотрит на меня, крепко сжимая руку подруги. Только Вольдемар зыркает сычом со своего места, лелея во взгляде ревность и ненависть к наглому выскочке...

Дай Бог лжецам замкнуть уста, глас Божий слыша в детском крике.
Дай Бог найти живым Христа – пусть не в мужском, так в женском
лице.
Не крест – бескрестье мы несем, а как сгибаемся убого,
Чтоб не развернуться во всем – дай Бог ну хоть немного Бога.
Дай Бог всего-всего-всего и сразу всем, чтоб не обидно.
Дай Бог всего, но лишь того, за что потом не будет стыдно...

Последние аккорды, первые аплодисменты, причем больше всех стараются барышни Даша и Маша. Полина Артемьевна удивленно смотрит на меня, затем задает недоуменный вопрос:

– Денис... э... Анатолевич, откуда сие?! Я до сих пор не слышала этого романса! Подскажите, будьте любезны, автора данного чуда!..

Я, конечно, могу назвать Раймонда Паулса и Евгения Евтушенко, но эти имена никому ничего не скажут. Придется брать на себя грех плагиата.

– Простите великодушно, но это – не моя тайна, я дал слово. Единственное, что могу сказать – кроме вас ее слышал только еще один человек.

– Но... Но вы можете записать мне слова и ноты? – В голосе звучит надежда на благоприятный ответ. – А что-нибудь еще можете исполнить?

– Конечно, всегда к вашим услугам... – Быстренько перебираю в уме наиболее подходящий вариант. – Пожалуйста, на ту же заданную тему...

Где взять мне силы разлюбить
И никогда уж не влюбляться,
Объяты наши разлепить,
Окаменевшими расстаться?

О, как вернуться не успеть,
О, как прощенья не увидеть,
То, нестерпимое, стерпеть,
Простить и не возненавидеть?

А Бог молчит. За тяжкий грех,
За то, что в Боге усомнились,
Он наказал любовью всех,
Чтоб в муках верить научились...

Кажется, нравится!.. Во всяком случае, слушают очень внимательно. И одобрительно...

Но ты божественна была,
До исступленья совершенна. <...>

Пусть крест мой вечный – тень ее —
Меня преследует до тленья.
О, дай мне ночью воронье,
Пусть исключает мои сомненья...

На этот раз аплодисменты слились с грохотом в прихожей, откуда вскоре появляется Александр-младший, только что вернувшийся с прогулки. С пылающими ушами и примерно таким же румянцем на хитрой физиономии.

– Там... На вешалке шашка... Она упала... Нечаянно... Я обратно повесил...

Ага, как же, как же! Скорее всего, выюнош захотел посмотреть «Аннушку» и устроил тарарам.

– Саша, как можно быть таким неуклюжим?! – Хозяйка все же не рискует устраивать разнос на людях и продолжает уже в более спокойном тоне: – Познакомься с нашим гостем, Денисом Анатольевичем...

– А мы... х-р-м-х... – Парень вовремя соображает, что не стоит иногда говорить всего, что знаешь. – Здравствуйте, позвольте представиться: Александр Александрович Филатов, гимназист.

– Денис Анатольевич Гуров, подпоручик. – Знакомлюсь с ним по второму разу. – Не пострадали, Александр Александрович, ничего не ушибли, не порезались? Шашка у меня как бритва заточена.

– Да, я трогал – острая... – Собеседник сконфуженно умолкает под общий смех.

– Александр! Это же не только оружие, но и награда! Ты же видел темляк! – Это уже папа начинает сеанс воспитания. – Нельзя же без дозволения!..

– Ничего страшного, не ругайте молодого человека! – Вступаюсь за парня. – Тяга к оружию почетна для мужчины... Но запомните, Саша, немного чести носить его и не уметь пользоваться. И тем более щеголять напоказ.

– Пока вы там болтаете о всякой ерунде, будьте любезны, передайте гитару. – Вольдемар решает обратить на себя внимание и начинает вполголоса, но так, чтобы все слышали, мурлыкать какие-то залихватские куплеты...

Объясненья бурные,
И слова амурные,
И признанья нежные до самого утра.
Сборы кончаются,
Парочки прощаются,
Ох, до чего короткая военная любовь...

– Вольдемар Аристархович, если уж взяли в руки инструмент, спойте что-нибудь поприличней! – Михаил Семенович досадливо морщится от этого шедевра. – Вы еще мужицкие частушки тут бренькать надумаете!..

Земгусар с недовольным видом замолкает, затем заводит «Белой акации гроздь душистые». Первый раз, еще в госпитале услышав этот романс, я чуть не выпал в осадок. И сейчас певун выводит про то, что:

Помнишь ли ночью средь белых акаций,
Трели неслись соловья.
Нежно прильнув, ты шептала мне, томная:
«Верь, навсегда я твоя».

А в мозгу по ассоциации с мелодией всплывает слышанное в каком-то кино:

Слушай, товарищ, война началась.
Бросай свое дело, в поход собирайся.
Смело мы в бой пойдем за власть Советов!
И как один умрем в борьбе за это.

А вообще, гениальный прием – на старую, известную всем музыку положить новые слова...

Просто и доходчиво... Ага, пару раз хлопаю в ладоши, из вежливости. А затем забираю гитару и начинаю свой вариант...

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума...

Последние две строчки подхватывают Дашенька с подругой, и дальше мы импровизируем на два голоса...

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были счастливыми,
Как же мы молоды были тогда...

– Боже, какая прелесть! Стихи, мелодия!.. – Полина Артемьевна в восторге. – Доченька... Денис Анатольевич, вы чудесно спели! Bravo!.. Прошу вас, еще!..

Обмениваемся с Дашей хитрыми взглядами, самое время выдать «домашнюю» заготовку. Ну, с Богом!..

– Эта история произошла более ста лет назад. Русский граф Николай Резанов, руководитель кругосветной экспедиции, и дочь губернатора Сан-Франциско Кончита Аргуэльо влюбились друг в друга. Но им суждено было расстаться, граф должен вернуться в Россию и просить разрешения на брак с католичкой. В дороге он умирает, а она тридцать пять лет хранит ему верность и не верит в его смерть. А потом дает обет молчания и постригается в монашество... Это не совсем романс... Не судите строго...

Ты меня на рассвете разбудишь,

Проводить, необутая, выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь...

Даша негромко, как эхо, повторяет каждое слово последней строчки...

Не мигают, слезятся от ветра
Безнадежные карие вишни.
Возвращаться – плохая примета.
Я тебя никогда не увижу...

Дальше – Дашины слова. В них – испуг, страх, отчаяние, горесть предстоящей разлуки...

Заслонивши тебя от простуды,
Я подумая: Боже Всевышний!..
Я тебя никогда не забуду!
И уже никогда не увижу!..

А дальше – на форсаж, на нерв, на надрыв!!!

И качнутся бессмысленной высью
Пара фраз, долетевших отсюда:
Я тебя никогда не увижу!
Я тебя никогда не забуду!..

И Дашин голос снова негромким эхом повторяет за мной...

Я тебя никогда не увижу!
Я тебя никогда не забуду!..

На этот раз никто не хлопает, все сидят молча. Полина Артемьевна с Ольгой Петровной тискают в руках вдруг понадобившиеся платочки, Александр Михайлович, тяжело вздыхая, хлопает себя по коленям, будто решаясь на что-то.

– Нет, положительно, сегодняшний вечер – особенный. И я предлагаю это отметить!.. Дашенька, достань, пожалуйста, рюмочки, мы сейчас немного согреемся... – Он подходит к буфету. – Где там мой заветный графинчик?.. Вольдемар Аристархович, куда же вы?

– Прошу простить!.. Дела-с! – Голос звучит глухо и бесцветно. – Благодарю за... приятный вечер, всего хорошего!.. Не провожайте, прошу вас!..

– Саша! – Полина Артемьевна наконец-то справилась с эмоциями. – Я хочу, чтобы ты пригласил Дениса Анатольевича завтра с нами на дачу... Миша, что ты смеешься? Что смешного я сказала?..

Глава 11

В назначенное время был в точке сбора, в смысле в саду Дашиного дома, нагруженный как ослик. Дробовик с накрученным боекомплектom в чехле, охотничья сумка, в которой ждут своего часа оба маузера, малыш браунинг и наган, а также по сотне патронов к каждому стволу. С утра успел заскочить в знакомый уже магазинчик, где обрадованный хозяин быстренько отпустил и 9 мм пара, и 7,63 маузер. Неохота в гости идти «с пустыми руками».

Даша, наверное, поджидала возле окна, потому, как едва я вошел в калитку, она уже выбегает из дома. Кинув рядом с крыльцом ношу, заворачиваю вместе с ней за угол дома, мы прячемся за старую толстую яблоню, склонившую ветви под тяжестью плодов, где нас никто не видит, и крепко, долго и горячо целу... здороваемся после долгой разлуки. До тех пор, пока через пару минут нас не обнаруживает Сашка, вышедший посмотреть, куда это сестрица так быстренько убежала. Увидев нас и поздоровавшись, хитрый вьюнош выражает недоумение, как можно заниматься такими глупостями, когда во-о-н там лежит очень много интересных желе-зок. Намек понимается с полуслова, моя милая убегает дальше – помогать маме собираться в дальний путь, а я иду показывать этому любопытному созданию содержимое сумки и даже даю в руки один из маузеров... М-да, как мало нужно человеку для счастья! Подержать в руках незаряженный, но очень brutальный ствол, прицелиться куда-то примерно в забор и вхолостую понажимать на спусковой крючок, представляя себя великим героем своих мечтаний...

Дав понаслаждаться минутку, обламываю парня, складывая все обратно и обещая, что когда приедем на место – вот тогда-а!.. Захожу, наконец, в дом, здороваюсь, помогаю Полине Артемьевне вытащить две достаточно объемные корзины с «небольшим перекусом» на кры-лечко. К дому на извозчике уже подъезжает Михаил Семенович со своей женой, следом порож-няком следует еще один экипаж. Господин инженер очень напоминает одного из персонажей фильма о Шерлоке Холмсе. Пиджак и бриджи в крупную клетку, такая же кепка, ботинки с гетрами на пуговичках – вылитый английский джентльмен. Вышедший Александр Михайло-вич тоже сменил свою форменную тужурку путейца на темно-серую венгерку с бренденбурами и широкие черные шаровары, заправленные в хромовые сапоги.

И почти тут же рисуется Вольдемар. Видок у него – не очень, похоже, после ухода с концерта очень тесно пообщался с крепкими спиртосодержащими жидкостями. Не совсем твердая походка, мешки под глазами, да и взгляд мутноватый. Надеется взять реванш? Нью-ню, посмотрим...

Ага, посмотрел!.. Пока помогал распахивать корзинки, этот козлик, улучив момент, занимает место рядом с Дашенькой на откидном сиденье и торжествующе наслаждается моим растерянным видом. Ну, не затевать же скандал с дракой! Мне остается только сесть на ана-логичное место в коляску к Прозоровым рядом с Сашкой... Помощь приходит неожиданно. Пуделёшка Бой, сидящий, несмотря на поводок, на руках у Полины Артемьевны, сначала угро-жающе ворчит, потом даже твякает пару раз. Наверное, что-нибудь очень обидное и нецензур-ное в адрес нежданного соседа, в чем целиком и полностью его поддерживаю. Затем, улучив момент, выпрыгивает из хозяйкиных рук и несется обратно во двор. Мадам остается только ахнуть и горестно всплеснуть руками. Моя лисичка-медсестричка тут же смекает, что нужно делать, и спешит за домашним любимцем.

Тут же поворачиваюсь к ее младшему брату и быстрым шепотом осведомляюсь, не хочет ли он поменяться местами с сестрой. Юный шантажист тут же выторговывает себе допол-нительные десять выстрелов из люгера, на что безоговорочно соглашаюсь, и он быстренько занимает освободившееся место. Возвратившаяся Даша сразу понимает причину перемеще-ний и садится рядышком под раздосадованный взгляд земгусара и понимающе лукавые улыбки Михаила Семеновича и Ольги Петровны. И всю дорогу, периодически поглаживая выручив-

шего в трудную минуту песика, я развлекаю компанию рассказами и приличными анекдотами, помимо воли краснея, когда коляску на ухабах качает и Дашенька прижимается ко мне плечиком или бедром...

* * *

На место приезжаем достаточно быстро. Дачей называется огромный бревенчатый дом с мансардой, снимаемый, как мне объяснили, у какого-то богатого еврея. Вплотную к забору примыкает бор с высокими стройными сосенками, как близняшки, похожими друг на друга. Боя тут же отпускают погулять-побегать, и его звонкий, как колокольчик, лай слышится уже вдалеке. На мои опасения улыбаются, мол, всегда возвращается, никто и ничего ему здесь не сделает. Александр Михайлович с Михаилом Семеновичем расчехляют свои двустволки, одевают патронташи. Собираю дробовик и поручаю нести его Александру-младшему, чуть не лопающемуся от восторга и осознания важности порученного, сам навьючиваюсь брезентовой сумкой с короткостволом через плечо. Дамы остаются давать указания двум пришедшим местным теткам – то ли кухаркам, то ли горничным, но Дашенька появляется на крыльце. Мое солнышко тут же вручает мне небольшую корзинку и берет под руку. Народ двигается по широкой тропинке в лес, мы замыкаем шествие, пропустив вперед всех, включая очень недовольного этим Вольдемарчика. Чтобы никто не оглядывался и не подглядывал за нами.

Идти пришлось недолго, через пару минут выходим на небольшую вытянутую поляну-просеку, в конце которой, шагов через пятьдесят, стоит бревенчатый частокол. Располагаемся под навесом, где есть сбитый из толстых досок стол, накрытый брезентом, и импровизированная скамейка из большого бревна, подтесанного сверху, чтобы было удобно сидеть. Старшее поколение укладывает на стол свои ружья и выжидательно смотрит на меня. Ладно, начнем...

– Александр Михайлович, разрешите преподнести в подарок вашей дочери вот этот пистолет. – Достаяю «малыша Джонни» и протягиваю главе семьи. – Я думаю, в наше неспокойное время он лишним не будет, но последнее слово – за вами.

Инженер весело смотрит на Дашу, затем выносит свой вердикт:

– Хорошо, я – не против. Только, прошу вас, Денис Анатольевич, научите ее стрелять из него. А то ничего сложнее кофейной мельницы она в руках не держала...

– Папа!.. – возмущается мое медноволосое чудо. – Как ты можешь?!

– Дашенька, я помню, как ты стреляла из Сашиного «Монте-Кристо» и как мы потом искали в мишени дырочки от пуль... – Александр Михайлович с шутиливой укоризной смотрит на дочь. – Я при всем старании не смог научить тебя меткости, пусть вон господин подпоручик попробует. Надеюсь, к его словам ты будешь прислушиваться больше, чем к моим.

– Папа! Пап! А можно я тоже? – Александр-младший аж переминается от нетерпения с ноги на ногу. – Можно?..

– Неужели вы думаете, Александр Михайлович, что только военные умеют метко стрелять? – Взбодрившийся Вольдемар, язвительно усмехаясь, вклинивается в разговор, якобы невзначай потирая рукавом значок, висящий на груди. Вроде как Южно-Русского стрелкового общества. – Предлагаю подпоручику пари. Шесть выстрелов с десяти шагов. Выигравший и будет учить стрелять мадемуазель Дашу.

Ожил, блин, птенчик. Опохмелятором по дороге разжился? И видно, в достаточной степени рассчитывает на свои силы, чтобы предлагать такое. А может, слишком самонадеян. Вот мы сейчас это и проверим, только сначала понты слегка пообламываем.

– Я так думаю, что Дарья Александровна сама выберет себе учителя, и не надо навязывать ей какие-то условия. Что же касается пари – извольте. Из чего стрелять будете?

Земгоровец, усмехаясь, вытаскивает из кармана небольшой револьвер, «Веблей-Скотт» – судя по характерной форме ствола, прокручивает барабан. М-да, у дурного соловья и песни

придурковатые, тратить калибр.455 на дырки в заборах? Вашу бы энергию, господин хороший, да в мирных целях...

Добро, достаю любимый люгер, выщелкиваю обойму, два патрона долой, чтобы в горячке лишнего выстрела не сделать, снова заряжаю. Идем к частоколу, где вездесущий Сашка уже повесил две бумажные мишени, захваченные с собой из дома. Михаил Семенович отсчитывает десять шагов, проводит веткой по песку линию.

– Какие-то особые условия? – Хочу сразу выяснить все тонкости, чтобы потом не спорить по пустякам. – Скорость, стойка, руки?

– Нервничаете, подпоручик? – Торжествующе усмехается земгусар. – Все просто. Шесть выстрелов с десяти шагов, за черту не заступать, стреляйте, как вам заблагорассудится, лишь бы в мишень попали... Начнете?..

– Нет, чтобы уравнивать шансы, давайте по монетке, орел или решка...

Вольдемар стреляет первым, становится в классическую стойку. Тщательно целится перед каждым выстрелом, никуда не спешит. Это все, конечно, красиво, особенно учитывая, что я предпочитаю не целевую, а практическую стрельбу. Хотя в последнее время и по мишеням вроде натаскался...

Шесть выстрелов прозвучали, распугав привыкших к тишине ворон, галок и прочих пернатых. Теперь мой черед, выхожу на линию, люгер в руке, вдох-выдох... В голову приходит где-то услышанная фраза: «Настоящий стрелок – не тот, кто умеет целиться, а тот, кто знает, где должны встретиться пуля и цель...» Вдруг приходит ощущение какой-то воздушности, легкости, уверенности, что промахов не будет... Вскидываю пистолет, левая рука привычно поддерживает правую снизу, грохочут три ба-баха, как обычно на тренировках... Идем к мишеням...

Вольдемар уже подсчитывает очки и объявляет результат – пятьдесят три: десятка, три девятки и две восьмерки. И по иронии судьбы у меня – столько же... Блин, и что теперь? Второй тур?.. Или сделаем немного по-другому...

– Саша, будь другом, повесь еще шесть мишеней! – Смотрю, как парнишка уносится, затем поворачиваюсь к конкуренту. – Вольдемар Аристархович, а давайте сыграем по моим правилам. Три мишени, шесть выстрелов, шесть секунд. Считаем количество попаданий в малый круг. Идет?..

Тот и рад бы отказаться, но рядом уже Даша, подошедшая узнать результаты пари. Услышав мои слова, она демонстративно отщелкивает крышечку своих часов, готовясь отсчитывать секунды...

Снова грохот выстрелов, Вольдемару на этот раз не повезло – одну мишень только в молоко прострелил, даже двойку не выбил. Ну, а теперь – наш выход, отработанное до автоматизма упражнение. Есть три противника, их нужно поразить в кратчайшее время. У нас под этим термином обычно понимаются четыре, максимум пять секунд. При условии отсутствия промахов. Саша приносит вновь заряженный магазин, плюс запасной в кобуре...

Три двойных выстрела сливаются в единую очередь, две секунды на смену магазина, еще восемь выстрелов по пустой вольдемаровой мишени, и идем смотреть результаты. На моих мишенях по две дырки в каждом малом круге, у «соседа» – веселая рожица: две дырочки – глаза, ниже еще две – нос, и еще ниже дугой четыре – ротик улыбается. Проигравший покрывается от досады красными пятнами и, ничего не сказав, идет прочь, желая, очевидно, снова поднять свою самооценку с помощью жидкостей на основе этанола. Ну, не будем мешать, баба с возу – кобыла в курсе, с наступающим вас опьянением! Есть дело поважней. Решение приходит спонтанно, когда снова украдкой замечаю, как Дашин папа смотрит на люгер. Точно – идея-фикс, блин, влюбился в железяку...

– Позвольте сделать вам еще один подарок. – Снимаю с ремня кобуру с парабеллумом и протягиваю инженеру. – Держите!..

– Нет, что вы, Денис Анатольевич! Я не могу его принять! Это же ваш трофей! Нет, никак не могу!..

– Александр Михайлович, я вас прошу!.. Неужели вы думаете, что у германцев такие пистолеты кончились и я себе еще не добуду?

– Да, но...

– Александр Михайлович, он – ваш!.. Берите...

– Папа, а можно я из него постреляю? – Сашка влезает во взрослый разговор, к счастью, вовремя и в тему. – Мне Денис Анатольевич обещал!..

– Саша, а мне дашь пострелять из СВОЕГО парабеллума? – Михаил Семенович, широко улыбаясь, занимает очередь.

– Ну, черти!.. Извините, Денис Анатольевич!.. Спасибо, царский подарок!.. – Первый раз вижу такого взрослого дядьку в смущении.

– Ну, пап, ну, дай пострелять!.. – Сашкино терпение на исходе.

– Не гунди, сейчас дам... Только попрошу Дениса Анатольевича объяснить, как это он стрелял. Держать пистолет двумя руками – что-то новенькое, никогда такого не видел.

– Все очень просто. Одна рука обхватывает снизу другую с пистолетом, работает этакой подставкой. Руки должны быть полусогнуты, плечи опущены. Получается достаточно прочная механическая конструкция, ствол меньше уводит с линии прицеливания, легче сделать повторный выстрел по цели... Да, Саша, когда будешь стрелять, – осторожней. Отдачей может выбить кисть. Если хочешь, давай заменим люгер на маузер с прикладом...

Юный упрямец наотрез отказывается, но после выпущенной обоймы приходит к выводу, что к старшим иногда полезно прислушиваться. Отдает парабеллум отцу, который тут же вместе с Михаилом Семеновичем начинает осваивать новый девайс, и приносит «ка девяносто шестой». Пристегиваю кобуру, патроны с легкими щелчками утапливаются в магазине, снимаю с предохранителя, взвожу курок и отдаю внимательно смотревшему за всеми действиями отроку. А сам перехожу к наиболее интересному занятию. Обучению стрельбе одной очень красивой барышни, которая уже пообвыкла и не морщится от частых выстрелов, как поначалу.

– Даша, смотри. В магазин входит шесть патронов, видишь? Вставляешь его в рукоятку до упора, пока не щелкнет кнопка. Дальше поворачиваешь вниз вот эту пимпочку, она называется «предохранитель», и тянешь затворную раму на себя до конца, а потом просто отпускаешь. При этом первый патрон попадет в ствол. После этого можешь снова поставить на предохранитель, а можешь сразу стрелять... Как целиться – знаешь?

– Нет, конечно, господин учитель, расскажите, пожалуйста, окажите милость! – Моя милая озорно улыбается. – Денис, мне это все папа уже сколько раз рассказывал! Я даже из Сашкиного ружья стреляла.

– И сколько раз попала? Я имею в виду в мишень, а не в забор... Ай!.. И чего это мы деремся, мадемуазель?

– А того, что вы, сударь, задаете неприличные вопросы! Вот... И вообще, взялся учить наивную барышню, так учи! Как там надо пистолет держать?

Сначала показываю сам, потом отдаю браунинг и, поправляя Дашины руки, невольно ее обнимаю. А потом, не в силах удержаться, легонько трогаю губами ее маленькое розовое ушко. Она поворачивается ко мне, в глазах озорные смешинки, нежно целует, затем отстраняется и тихонько шепчет:

– Денис, тебе не кажется, что ради приличия мне нужно хотя бы пару раз выстрелить?.. Потерпи немножко, милый...

Во время перекура, пока Александр-младший увлеченно заряжал оба маузера и парабеллум, господа путейцы вспомнили про дробовик.

– Ну, теперь мы от вас, Денис Анатольевич, не отстанем. – Александр Михайлович весело улыбается. – Показывайте, ради чего испортили ружье!

– Одну минуту! Саша, поможешь?..

Вместе с парнем перевешиваем использованные мишени чуть поближе друг к другу и идем на исходную позицию.

– Вот, смотрите. Навстречу мне двигается группа солдат противника. – Показываю стволом на мишени. – Мне нужно пройти через них. Делается это примерно вот так...

Выстрел, перезарядка, одновременно два быстрых шага вперед, снова выстрел, перезарядка, еще несколько шагов навстречу «противнику», выстрел, перезарядка...

– Вот, собственно, и все. – Возвращаюсь к зрителям. – Если бумажные ключья вас не убедили, можем сходить и посчитать количество попаданий в каждую мишень. А израсходовано всего пять выстрелов.

Сашка в восторге, оно и понятно, молодой еще, глупенький. А вот господа инженеры призадумались.

– Да, Денис Анатольевич, оказывается, это – страшное оружие. – Михаил Семенович как-то по-особому смотрит на меня. – Я бы даже сказал – излишне жестокое... Хотя само это словосочетание лишено всякого смысла...

– Миша, ты забываешь, что сама война – жестокое занятие. И не мы напали, а на нас. – Александр Михайлович принимает мою сторону. – Вспомни хотя бы, что Даша рассказывала про солдата, который брата в госпиталь привез. Это не жестокость?..

– Помнишь того солдата, Денис? – Вступает в разговор моя ненаглядная. – Его Федором, кажется, звали. Он еще к тебе просился, ты обещал отомстить...

– И как, отомстили, Денис Анатольевич? – интересуется Михаил Семенович. – Если не секрет, каким образом?

– Отомстили. Ночью проползли в окопы, где находился германский взвод, который... Не важно... Закидали гранатами землянки, добили оставшихся в живых и уползли обратно. На прощанье оставили записку, в которой все объяснили. А через несколько дней наши авиаторы листовки-предупреждения над германцами раскидали.

– И что, помогло?

– Ну, с тех пор я про издевательства над ранеными не слышал... А Котяра, в смысле Федор, до сих пор у меня в роте.

– А почему Котяра? – удивляется Дашенька.

– Да был потом случай... Нам надо было через дорогу перескочить, а там как раз германский патруль остановился, заподозрил что-то. Федор тогда камень неподалеку в кусты кинул и разозленным котом как заверещит! – Пережидаю дружный смех и продолжаю: – Немцы так лихо костерили этого кота, я столько новых слов услышал!.. А к Федору потом это прозвище прилипло...

Глава 12

Наш разговор прерывает появление Полины Артемьевны и Ольги Петровны, которые очень подозрительно нас оглядывают со всех сторон.

– Ну-ка, рассказывайте, господа, что за попойку вы тут решили устроить? – Прокурорские взгляды по очереди задерживаются на каждом. Блин. Такое ощущение, что в прицел снайпера попал. – Даша, а ты-то куда смотрела, а?

Спустя минуту выясняется причина волнения. Вольдемар свет Аристархович заявился в дом пьянее водки, ничего не сказал, ничего не объяснил и завалился спать в отведенной комнате. Что, собственно, и послужило причиной волнения дам. Их мужья чуть ли не хором рассказывают о проигранном пари и о том, что они не настолько глупы, чтобы совмещать спиртное и стрельбу. Чтобы не мешать выяснению отношений, отхожу на пару шагов в сторону. Заодно решил перекурить. Но и тут меня достает неугомонный тинейджер Сашка.

– Денис Анатольевич, а бывало так, что патроны кончались или нельзя было стрелять? Что делали тогда?..

Какие-то каверзные вопросы задает юноша, да и во взгляде чертики так и прыгают... А, кажется, знаю, откуда ветер дует.

– Тогда, молодой человек, рубились шашками.

– А можете показать? Я тоже хочу научиться!

– Ну, тащи ее сюда...

Сорванец испаряется и через несколько секунд появляется с «Аннушкой», которая лежала на столе рядом с охотничьими ружьями. Цепляюсь взглядом за зачехленную невысокую елку, которую закрыли от солнца более сильные деревья. Для примера пойдет. Достая шашку из ножен...

– Вот смотри. Раскручиваем клинок, так легче выйти на удар. Потом – вот так...

Теперь от елки остался только ствол с зачатками веток. Немножко неровно, но – не беда... Только теперь замечаю, что все с интересом наблюдают за новыми изысками в ландшафтном дизайне.

– Где вы так научились, Денис Анатольевич? – выражает общую мысль Михаил Семенович.

– У своих казаков. Они каждый день по полчаса как минимум машут... Да еще и поют при этом.

– Поют? А что именно? – М-да, Полину Артемьевну хлебом не корми, дай новую песню. Хотя тут как раз песня-то старая.

– Они то ли у кубанцев, то ли у терских казаков переняли песню «На Шамиля». На мотив лезгинки, только слова сами сочинили. И под нее во фланкировке, то есть умении владеть шашкой, упражняются.

– А показать сможете? – Вопрос с подвохом уже от Александра Михайловича. – Мы подпоем или похлопаем.

Блин, отказываться как-то неудобно... Ну, ладно, где наша не пропадала? Наша пропадала везде, как в том анекдоте...

На горе стоял казак,
Он Богу молился.
За свободу, за народ
Низко поклонился...
Ой-ся ты, ой-ся! Ты меня не бойся!
Я тебя не трону, ты не беспокойся...

Вхожу в ритм, раскручиваю клинок нижней восьмеркой, поехали дальше...

Базар большой,
Турка очень много.
Русска девка хорошо —
Уступай дорога.
Ой-ся ты, ой-ся! Ты меня не бойся!
Я тебя не трону, ты не беспокойся...

Мужские голоса, среди которых теряется Сашкин дискант, подхватывают припев, дамы задают ритм, хлопая в ладоши, Михаил Семенович помогает им, постукивая ладонью по столешнице. «Аннушка» блестит на солнце, вьется, как живая, вокруг руки. Перехват, верхняя восьмерка, теперь вниз, прямой крут, петля, еще восьмерка...

Турка молодой
В озере купался.
Руки-ноги утонули,
А пупок остался.
Ой-ся ты, ой-ся! Ты меня не бойся!..

Мне, конечно, до Михалыча с его станичниками далеко, они и не такое вытворяют со своими клинками, но народу нравится. Теперь поют все, вон, у Дашиной мамы аж щеки румянцем расцвели и улыбка от удовольствия...

Турка молодой
Купил поросенка.
Всю дорогу целовал,
Думал, что девчонка...

Так, румянец еще гуще, дамы еле сдерживаются, Дашенька звонко смеется... Пора заканчивать... Петля, обратный крут, перехват, восьмерка... Все!.. На одно колено, руки в разные стороны, поклон... Теперь аплодируют все... Даже прибежавший Бой звонким лаем выражает восхищение. В общем, как в цирке...

Минут через пять, только достаю папиросу, как меня снова атакует мелкий, но очень настырный будущий шурин:

— Денис Анатольевич, а вы просто, без оружия, драться умеете?..

Судя по его виду, вопрос абсолютно риторический. И ответа не требуется... После секундной задержки юный нахаленок продолжает:

— Научите меня!.. Ну, драться... — Поясняет, видя мое нарочитое недоумение. — А то мальчишки... дразнятся иногда...

Ага, скорее всего, рыжим-бесстыжим...

— Драться я тебя учить не буду, а вот за себя постоять, когда к тебе лезут, — пожалуйста... Но не сейчас. Давай завтра?

Парнишка собирается совсем по-детски огорчиться, но положение спасает Даша.

— Саш, хочешь пострелять из моего пистолета?.. Иди к дяде Мише, он за тобой присмотрит, а мы с Денисом Анатольевичем немножко прогуляемся.

— Ага, опять целоваться будете?.. — Младший брат на всякий случай отодвигается от сестры на безопасную дистанцию.

– Сашка!..

Не дожидаясь продолжения, сорванец ехидно улыбается, посылает нам воздушный поцелуй и улепетывает подалее со всех ног.

– Ну, мысль не так уж плоха... – Вместо продолжения фразы приходится срочно уворачиваться от маленького кулачка. – Я же чисто теоретически рассуждаю...

– Все вы, мужчины, только об одном и думаете!.. Ай!.. Денис!.. Прекрати!..

Пользуясь тем, что мы уже вне зоны видимости, подхватываю Дашу на руки и кружу по поляне. Потом притормаживаю, тихонько и очень аккуратно ставлю мою ненаглядную на землю, тут же получаю несильный подзатыльник, а затем ее руки обвивают мою шею, ее бездонные и немного шальные глаза смотрят на меня, ее губы совсем близко, как магнитом притягивают мои, меня бросает в жар от одного их прикосновения, время опять останавливается...

С трудом отрываемся друг от друга. Отдышавшись после столь трудного упражнения, Дашенька выскальзывает из моих объятий и сообщает интересную новость:

– Милый, ты сделал почти невозможное! Я разговаривала с мамой, ты ей очень понравился.

– А Александру Михайловичу?

– Папа составил о тебе мнение, еще когда ты спорил с ним в мастерских по поводу своих хитрых железок... – Моя медсестричка тянет паузу, лукаво улыбаясь, затем продолжает: – И оно целиком положительное. Так что сегодня, возможно, предстоит серьезный разговор с моими родителями... Если, конечно, ты не боишься и по-прежнему хочешь, чтобы я стала твоей женой... И не смотри на меня, как кот на миску со сметаной!

– Да я!.. Да мне!.. Да только об этом и мечтаю!.. – Пытаюсь изо всех сил уверить ее в искренности своих намерений. – А вы, сударыня, хотите выйти за меня замуж?..

Даша делает серьезное лицо, подняв голову, смотрит на небо, затем томно прикрывает глаза и пытается рассуждать нарочито безразличным тоном, грассируя во французском прононсе:

– Ну-у... я не знаю... Мне, навегное, еще гано замуж. Но вы не тегяйте надежды, Денис Анатольевич... Догоняй!..

Она весело хохочет и убегает от меня, петляя, как зайчишка, между редкими сосенками. Жду полминуты, потомдвигаюсь следом. И вскоре подхожу к большой поляне, посреди которой стоит стожок сена... Ну-ка, давайте попытаемся угадать с трех раз, где же это могла спрятаться одна очень красивая и абсолютно городская барышня... Рефлексы включаются сами собой, беззвучно обхожу опушку по краю, пока не замечаю спрятавшуюся за сеном «лисичку-сестричку», пытающуюся высмотреть меня с той стороны, откуда она сама прибежала... Детский сад!.. Тихонько подкрадываюсь, стараясь не шелохнуть ни травинки, ни веточки, обнимаю сзади за плечи и негромко мяукаю ей на ушко. Даша от неожиданности взвизгивает, пытается освободиться, затем разворачивается ко мне:

– Негодный мальчишка!.. Как ты мог!.. Я испугалась!.. – Каждая фраза сопровождается тумаком, от очередного падаю в сено, увлекая ее за собой. – Ну, я сейчас тебе!..

И снова очень-очень близко самые вкусные в мире губы, и снова мы проваливаемся в Безвременье...

А потом, тесно обнявшись, долго-долго смотрим в пронзительно-синее небо, по которому уже начинают плыть осенние паутинки-облака... И приходим в себя от доносящихся криков:

– Даша!.. Денис Анатольевич!.. Вы где?.. Мы уже уходим!..

Быстренько вскакиваю, помогаю подняться Даше и под ее веселое хихиканье пытаюсь привести себя в порядок.

– Милый, ты сейчас похож на напроказившего мальчишку, который не знает, где спрятаться!.. А еще – весь в соломе!.. Ха-ха-ха!..

– Во-первых, не в соломе, а в сене, это – огромная разница! А во-вторых, мадемуазель, на вас тоже порядочно травы, а еще вон четыре пуговики на платье расстегнуты!

– Ах ты!.. А кто меня в это сено уронил? – Моя ненаглядная усердно пытается отряхнуть платье. – И кто, скажите-ка мне, эти пуговики расстегнул, а? Ну-ка, быстренько возвращай все в прежний вид!..

– Я-то не против, но сей процесс может затянуться на неопределенное время...

– Нахал! Сейчас ты у меня получишь!..

– Все-все-все! Сдаюсь на милость победителя! Ну подожди, моя хорошая, не крутись, сейчас застегну...

– Что значит – подожди?! Мне еще волосы поправить надо!..

М-да, женская логика иногда бывает непостижима...

* * *

Под навесом нас встречают всепонимающими улыбками. Полина Артемьевна отзывает Дашу в сторонку и начинает ей что-то выговаривать, что моя милая обиженно парирует, правда, покрываясь смущенным румянцем. Я тем временем собираю все свое вооружение, пристегиваю «Аннушку», вешаю через левое плечо деревянную колодку с маузером, другой беру в руку, милостиво разрешаю Сашке нести обратно винчестер. Старшие мужчины уже стоят со своими ружьями, из которых хорошо если по паре выстрелов сделали. У Александра Михайловича на ремне гордо висит люгер, Дашин браунинг он держит в руках, видимо, ожидая окончания разговора, потом, не выдержав, подходит к жене и дочери. До ушей доносится его голос:

– Поленька, хватит... Вот сегодня... Ты же знаешь... Нет, не прямо сейчас, а после обеда...

За обедом «по-охотничьи», то есть состоявшим в основном из мясных холодных закусок, привезенных с собой, и сочной поздней зелени с местных огородов, разговор велся на нейтральные темы, не портящие ни настроения, ни аппетита. Но, судя по взглядам, бросаемым друг на друга всеми без исключения, это было затишье перед бурей, которая не преминула разразиться сразу после того, как младшее поколение в лице Сашки было отправлено помогать раздувать самовар с последующей настоятельной рекомендацией немного погулять поблизости с собачкой. Вольдемар так и не появился. Наверное, находился на полпути к своей алкогольной нирване.

– Денис Анатольевич, мы бы хотели серьезно поговорить с вами, – торжественно-прокурорским тоном начинает беседу будущая теща. – Вопрос касается ваших взаимоотношений с нашей дочерью. Мы, как родители, очень обеспокоены за ее судьбу. Поэтому хотелось бы узнать, насколько серьезны ваши намерения, дабы уберечь наивную девушку от ошибок...

– Мама!.. – возмущается Дашенька. – Я уже не маленькая и сама могу решить, что мне нужно, а что – нет!..

– Для меня ты – еще маленькая наивная девочка, – парирует Полина Артемьевна, у которой все мысли написаны на лице, как в открытой книге. – Даже Саша заметил, как ты смотришь на Дениса Анатольевича!..

– Как?!

– Как кошка на сметану! Разве что не мурлыкаешь!

Несмотря на серьезность разговора, непроизвольно улыбаюсь. Это у них что, семейная присказка такая про кошку? Насмотрелись на Муничку?..

Даша вспыхивает румянцем и в смущении закрывает лицо руками. Ничего, маленькая, прорвемся!..

– Денис Анатольевич, мы видим, вы – порядочный и воспитанный молодой человек. Хотя... некоторые персоны пытались нас в этом разубедить.

Группа мужской поддержки непроизвольно смотрит на потолок, там, в одной из мансардных комнат, без памяти дрыхнет тушка земгусара, которому не мешало бы укоротить его паскудный язычок.

– Более того, ваши песни поразили меня, так может петь только человек если не талантливый, то уж во всяком случае тонко чувствующий... Но, к сожалению, в нашей жизни, хотим мы того или нет, многое зависит от гораздо более грубых и приземленных вещей... Сейчас идет война, вы – офицер, причем, как я понимаю, непосредственно участвуете в боях... Поймите меня правильно, я ни в коем случае не желаю вам зла, но... Дашенька ведь может остаться недождавшейся невестой или молодой вдовой...

– Мама, как ты можешь говорить такое?! – Даша возмущенно смотрит на мать, прижав кулачки к груди.

Так, это уже по-взрослому!.. Ну, что ж, мадам, в этом вопросе придется вам поверить мне на слово.

– Полина Артемьевна!.. Дело в том, что пока ваша дочь любит и ждет меня, я не умру... Обещаю!.. И даю вам в этом слово офицера!.. Можете назвать это Божьим провидением, интуицией... да чем угодно, но я ЗНАЮ... ЧТО... ТАК... БУДЕТ!..

Каждое слово вонзается в воздух, как будто гвоздь вбивается в доску... Мужчины одобрительно улыбаются, хозяйка же опустила глаза и сидит молча... Неужели слишком сильно надавил на дамочку?

– Простите, если это прозвучало грубо, я не хотел никого обидеть!.. И убить меня будет не так уж и просто. Надеюсь, я сегодня это вполне доказал...

– Хорошо... Оставим это... Прошу правильно понять мой следующий вопрос... М-да, было бы гораздо проще обсуждать это с вашими родителями, но... Война рано или поздно закончится... Вы останетесь на военной службе?.. Насколько я знаю, офицеры не очень богаты... И далеко не все занимают высокие чины... Я еще раз прошу понять меня правильно!.. Если вы оставите службу, чем будете заниматься?.. Поверьте, я озабочена только судьбой дочери... – Хорошо видно, как трудно Полине Артемовне даются эти слова. Ну что ж, поможем ей немного...

– Что же касается моего финансового положения, то... Я в любой момент могу распорядиться суммой примерно в пятнадцать тысяч рублей, ни перед кем не отчитываясь. – Ага, кроме своей совести. Но сейчас им об этом знать не обязательно...

– Что ж, это – хорошая сумма. – Александр Михайлович вступает в разговор. – Достаточная на первое время, чтобы содержать семью... Но, Денис Анатольевич, у меня есть к вам один щекотливый вопрос, также касающийся материального благополучия... То, что делается сейчас в мастерских, – это ваши личные придумки или действительно плод коллективной работы? Вы же можете подать бумаги на оформление привилегии, я помогу правильно все оформить.

– Почти все – наша общая работа... За исключением, пожалуй, взрывателя, о котором мы с вами так много спорили, это – лично мое... Причем далеко не единственное, что есть у меня в голове...

– Вот видишь, Поленька. Я же говорил, что у молодого человека голова работает как надо!

А это – идея! Будет времени побольше, я вам такого наизобретаю, такого напрогрессорствую! Из проверенного временем того моего будущего!..

– Скажите, Денис Анатольевич, а ваши родители?.. Вы поставили их в известность о...

– Мои родители, Полина Артемьевна, примут и одобряют любое мое решение!.. – И пусть только попробуют этого не сделать, костями лягу, но будет по-моему!

В хозяйкиных глазах еще видно сомнение, но, похоже, сопротивление сломлено... Наша взяла! Теперь закрепляем успех!.. Встаю, одергиваю гимнастерку, сгоняю назад складки под ремнем... Сердце колотится, как бешеное, в висках молотки стучат, ноги ватные.

– Александр Михайлович! Полина Артемьевна! В присутствии всех, находящихся здесь, прошу у вас руки вашей дочери!.. – Голос почему-то хриплый, но звучит, надеюсь, решительно.

Все в комнате, улыбаясь, поднимаются со своих мест, даже на лице Полины Артемьевны слабая, неуверенная улыбка. Поворачиваюсь к Дашеньке, зардевшейся густым румянцем. Два шага вперед, вниз на левое колено, протягиваю любимой открытый футлярчик с кольцом...

– Дарья Александровна! Прошу вас, сделайте меня самым счастливым человеком на этой планете! Будьте моей женой!..

Осторожным движением она берет из моих рук бархатную коробочку, смущенно и счастливо улыбается и тихо произносит:

– Я согласна...

Тишина взрывается громогласным, радостным «Ура!» в исполнении Михаила Семеновича, Александр Михайлович широко улыбается, Ольга Петровна обнимает Полину Артемьевну, вздумавшую слегка всплакнуть. Вместе с Дашей рука об руку поворачиваемся к ним, нас осеняют крестным знамением, и звучит традиционное и долгожданное «Будьте счастливы, дети!».

– Что ж вы стоите, целуйтесь! – радостный возглас Прозорова оживляет торжественную атмосферу. – Теперь уж можно!

– Миша! Да что ты такое говоришь?! – Ольга Петровна пытается урезонить мужа. Дальше ничего не слышу, Дашенька смотрит на меня сияющими глазницами, ее лицо совсем близко... Наш первый «официальный» поцелуй, после которого она смущается еще больше и прячет лицо у меня на груди. Наклоняюсь к ней и тихонько, чтобы слышала только она, шепчу на ушко:

– Счастье мое, радость моя, я люблю тебя...

Затем нас разделяют, мужчины по очереди жмут мне руку, хлопают по плечу, дамы, обнявшись теперь уже вдвоем, льют радостные слезы. Привлеченный шумом, появляется Сашка и тут же высыпает на нас кучу вопросов:

– А что у вас случилось?.. Мама, тетя Оля, Даша, почему вы плачете?.. Вас кто-то обидел?.. Папа, дядя Миша... Денис Анатольевич...

Полина Артемьевна, вытирая щеки платочком, обнимает сына и объясняет чуть дрожащим голосом:

– Сашенька, Денис Анатольевич сделал Даше предложение. Они скоро поженятся...

– Вот здорово!.. Он гораздо лучше, чем... – Поняв, что может сболтнуть что-нибудь не то, меняет тему. – А кем я буду ему приходиться? И он мне?..

– Ты ему будешь шурином, – объясняет Александр Михайлович. – А он тебе – зятем.

– А еще другом, старшим товарищем и, может быть, учителем, – вставляю свои пять копеек в разговор.

– Вот так вот, сестрица! – Мелкий хитро смотрит на Дашу. – У тебя будет только муж, а у меня – вон сколько всего...

Последние слова тонут в громком хохоте...

Глава 13

Все остальные вопросы заняли совсем немного времени, как раз чтобы самовар дошел до нужной кондиции. Старшее поколение, в основном в лице будущей тещи, в конце концов согласилось с нашей очень настойчивой просьбой провести обручение немедленно, ну, в крайнем случае, завтра, когда приедем в город. Поначалу были сомнения насчет того, что кто-нибудь из священников сможет осчастливить нас своим присутствием, но моя милая утверждала, что с этим проблем не будет, настоятель дворцового собора Петра и Павла ей не откажет, в крайнем случае, она попросит помочь светлейшую княгиню Ирину Ивановну. Мол, уж ее-то он точно послушается. Потом настал мой черед, и пришлось торжественно пообещать, что либо завтра я найду подходящие кольца, либо все гомельские ювелиры исчезнут с лица земли как биологически вымирающий вид. Ничего личного, всё согласно теории мистера Дарвина. На этой оптимистичной ноте высокие договаривающиеся стороны закончили прения и решили перейти к торжественному чаепитию, оставив мечты о шампанском и других более вкусных напитках на завтра...

После чаепития на свежем воздухе, под тяжелыми ветвями старых яблонь, народ стал расплзаться на послеобеденную сиесту. Пользуясь случаем, хотел умыкнуть Дашеньку погулять по лесу, но Полина Артемьевна, будто предчувствуя мои действия, позвала дочь на очень серьезный разговор, а меня тут же атаковал Александр-младший, заявивший, что коль выпало свободное время, нечего откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, и было бы неплохо, если бы будущий родственник сдержал слово и научил нескольким приемам.

Пришлось искать местечко почище и помягче, которое вскоре нашлось возле наполовину смётанного стога неподалеку, и показывать мелкому нахаленку азы самостраховки, а также простейшие удары и захваты. И сам настолько увлекся, что не заметил, как прошло почти два часа. За время тренировки и я, и Сашка порядком взмокли, поэтому перед тем, как появиться на людях, сгоняли к колодцу и, раздевшись по пояс, окатились холодной водичкой, причем парень героически заставил себя не издать ни звука, хотя терпеть такое ему, как я понимаю, пришлось впервой.

По возвращении застаем всех на веранде обсуждающими очень важную новость. Оказывается, пока я с почти шурином кувыркались в сене, Вольдемарчик пришел в себя, сквозь зубы попрощался и отбыл в Гомель на попутной телеге. В принципе, мне лично это было абсолютно по барабану, но оказалось, что Земгор дает мастерским заказы и гадёныш имеет какие-то рычаги давления на Александра Михайловича и Михаила Семеновича. Женщины обсуждали, каким образом последние события скажутся на благосостоянии их семей, а мужья, в свою очередь, успокаивали их тем, что у них есть связи и повыше, чем какой-то губернский секретаришка. Наше появление воспринимается как сигнал к смене темы, Михаил Семенович уходит в дом и через пару минут появляется с гитарой в руках.

– Денис Анатольевич, порадуйте нас чем-нибудь. – На этот раз дружелюбно обращается ко мне Полина Артемьевна. – Смотрите, вечер-то какой чудесный...

Вечер действительно был красивым. Темная кромка леса, сиреневеющее небо, по которому медленно плывут редкие, розовые от лучей закатного солнышка облака. Тихо, спокойно, даже как-то благостно...

– Только сначала, если позволите... – подает голос Александр Михайлович. – Денис Анатольевич, я прошу вас, впредь будьте поосторожней с исполнением. Не хотелось бы, чтобы вам пришлось повторить судьбу своего знаменитого тезки, Дениса Давыдова, достаточно пострадавшего за исполнение своих стихотворных и музыкальных произведений. Помните вчерашний романс... «Дай Бог», кажется... Мы все, конечно, понимаем смысл, но при определенном желании его можно расценить чуть ли не как революционную песню, порочащую власть, пра-

вославие... Вот, одна из строчек: «Дай Бог не вляпаться во власть, и не геройствовать подложно, и быть богатым, но не красть, конечно, если так возможно»... Тот же Вольдемар может преподнести господам жандармам ее совсем по-другому...

Ага, а местные жандармы отправят донос по месту службы, в Минск. А там, в конце концов, придут знакомый уже ротмистр Колесников с корнетом Астафьевым и будут мне чем-то грозить? Ха-ха три раза! Скорее попросят записать им слова и ноты...

– Спасибо, Александр Михайлович, я учту этот нюанс и постараюсь быть максимально осторожным. Не потому, что кого-то опасаюсь, а просто не хочу подставлять под удар близких мне людей. Нейтральное так нейтральное...

Чуть подстраиваю гитару, пробегаю пальцами по струнам, и – поехали...

Лесной прохладой полон вечер,
Затихла в озере вода.
Зажгите на веранде свечи,
Как покойно здесь, господа...

Да простит меня Александр Розенбаум, таким перебором, как он, я не умею. Но публике нравится...

Горят сердца в огне печали.
Откройте окна, чтоб вдали
Внимали отзвукам гитары
В синем небе журавли.

Даша сидит за столом, подперев ладошкой щеку, и не сводит с меня своих блестящих глазниц. Обе дамы уже приготовили платочки и ждут подходящего момента, чтобы пустить их в дело...

Ну что ж молчите вы, ей-богу...
Я, как тогда, опять влюблен.
Прошу, побудь со мной немного —
Как жаль, что это только сон... <...>

Даже очередные аплодисменты звучали тихо, чтобы действительно не нарушить какой-то особенно спокойный вечер. По какому-то наитию вспоминается очень красивое стихотворение Марии Семеновой.

– Извините меня, когда-то давно, в каком-то литературном альманахе попались стихи, как мне кажется, очень подходящие именно к сегодняшнему вечеру... – Теперь уже я, не отрываясь, смотрю на многозначительно улыбающуюся Дашеньку...

Неслышные тени придут к твоему изголовью
И станут решать, наделённые правом суда:
Кого на широкой земле ты одаришь любовью?
Какая над этой любовью родится звезда?

А ты, убаюкана тихим дыханием ночи,
По-детски легко улыбнёшься хорошему сну,
Не зная, не ведая, что там тебе напророчат
Пришедшие властно судить молодую весну.

И так беззащитно-доверчива будет улыбка,
А сон – так хорош, что никто не посмеет мешать,
И, дрогнув в смущенье, хозяйки полуночи зыбкой
Судьбы приговор погодят над тобой оглашать. <...>

И что-то овеет от века бесстрастные лица,
И в мягком сиянии чуда расступится тьма,
И самая мудрая скажет: «Идёмте, сестрицы.
Пушай выбирает сама и решает сама».

– Денис Анатольевич, вы не перестаете меня удивлять!.. – Полина Артемьевна в очередной раз промокает глаза платочком.

– Мама, хочешь, я тоже тебя удивлю? – Моя ненаглядная поднимается и подходит ко мне.

Кажется, я уже понял, что она задумала... «Эхо любви» – самая любимая песня моей мамы. Из того, еще не наступившего будущего. Мама была одной из поколения последних лириков шестидесятых, которых в благополучные годы застоя называли белыми воронами и бардами. Собственно, через девять месяцев после одного лесного бардовского фестиваля я и родился. А она потом вместо колыбельных пела мне свои любимые романсы и баллады...

Эту песню мы еще у доктора Паши разучили и оставили запасной, на всякий случай. Похоже, он наступил...

Покроется небо пылинками звёзд.
И выгнутся ветви упруго,
Тебя я услышу за тысячу вёрст:
Мы – эхо, мы – эхо,
Мы долгое эхо друг друга...

Дашин голосок звучит негромко и немного грустно, тихонько подыгрываю ей, опасаясь взять слишком громкий аккорд...

Мы – эхо, мы – эхо,
Мы долгое эхо друг друга...

Рефрен поем уже вместе, на два голоса...

И мне до тебя, где бы я ни была,
Дотронуться сердцем не трудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы – нежность, мы – нежность,
Мы – вечная нежность друг друга!..

Припев звучит уже хором, нам подпевают все... Так, теперь моя очередь!..

И даже в краю наползающей тьмы,
За гранью смертельного круга
Я знаю: с тобой не расстанемся мы!
Мы – память, мы – память.
Мы – звёздная память друг друга!..

– Денис Анатольевич, сжальтесь!.. – Михаил Семенович разрывает наступившую тишину. – Вы наших дам скоро до истерики доведете!.. Давайте уж что-нибудь повеселее...

– Хорошо. Хочу продолжить вчерашнюю морскую тематику, но более оптимистично... – Теперь извиняться в случае чего придется перед Николаем Расторгуевым...

Синее море, только море за кормой,
Синее море, и далек он, путь домой.
Там за туманами, вечными, пьяными,
Там за туманами берег наш родной.

Шепчутся волны и вздыхают, и зовут,
Но не поймут они, чудные, не поймут:
Там за туманами, вечными, пьяными,
Там за туманами любят нас и ждут. <...>

И мы вернемся, мы, конечно, доплывем,
И улыбнемся, и детей к груди прижмем.
Там за туманами, вечными, пьяными,
Там за туманами песню допоем...

Чуть погода хором повторяем почти полностью вчерашний репертуар. Заканчиваем посиделки уже достаточно поздно, когда луна поднялась из-за леса и ночной воздух становится по-осеннему прохладным...

* * *

В голове крутится, не переставая, начало старой украинской песни «Ніч яка місячна, зоряна, ясна, видно, хоч голки збирай». За окном черный бархат ночного неба с бесконечной россыпью звезд, круглая луна, залившая лес каким-то нереально мягким серебряным светом, видно абсолютно все вокруг – вплоть до самой маленькой травинки и веточки. Так же ясно видно все и в комнате, только вещи в этом свете потеряли свои привычные очертания и расцветку. Кажутся какими-то сказочными и ненастоящими. Вот в этой сказке я и сижу, глядя в мансардное окно. Уже, наверное, около часа...

Когда все разошлись по своим комнатам, Дашенька шепнула мне два слова, начисто выбивших и сон, и все мысли из головы до самого утра. Два слова, заставивших сердце биться в сумасшедшем темпе и сделавших руки и ноги ватными и непослушными. Два коротких слова: «Не спи!»

Очень хочу догадаться, что означает ее фраза, и в то же время боюсь этой догадки. А посему просто сижу на подоконнике, смотрю в ночь и слушаю тишину в доме. Она какая-то гулкая и всеобъемлющая, эта тишина. Слышны самые тихие звуки, вплоть до писка мышей на чердаке и топотка их лапок по перекрытиям в другом конце дома...

Сердце делает долгую паузу и потом стучит под сто двадцать ударов в минуту!.. В тишине тихо звучит уже совсем другое!.. Еле-еле слышные шаги и шуршание ткани!.. Дверь тихонько открывается, и в комнату проскальзывает Даша. Босиком, в чем-то длинном, до пят, и полупрозрачном. Неуклюже слезаю с подоконника и на неслушающихся ногах иду навстречу... Лунный свет делает ее тоже нереальным, сказочным видением, но маленькие горячие ладошки, лежащиеся мне на плечи, моментально разрушают наваждение.

– Дашенька...

– Тс-с-с, молчи, глупый... – Тоненький пальчик прижат к моим губам, призывая к тишине. – Не говори ничего... Я знаю все, что ты скажешь...

– Твои родители...

– Они спят. И дядя Миша с тетей Олей – тоже... Ты сделал мне предложение, и я согласилась... Вот, смотри... – Она показывает мне руку, на которой крохотной сестренкой луны светится жемчужинка в кольце. – Теперь я – твоя женщина... А ты – мой мужчина... Я весь вечер думала... Если это должно произойти, если мы оба этого хотим, то зачем ждать так долго... Ты скоро уедешь, и я даже боюсь думать, когда снова тебя увижу... Пусть сегодня случится то, что должно случиться...

Даша отступает на шаг, развязывает пояс-ленту, и одежда падает к ее ногам... Серебро луны окутывает ее всю, высвечивает точеную фигурку, шею, плечи, руки, грудь, бедра... Окутанная этим волшебным светом, в ореоле распущённых непослушных волос, выглядящих сейчас почти черными, она кажется неземным прекрасным созданием... Блестящие, колдовские глаза манят, притягивают взгляд, я не могу оторваться от них, я тону, я растворяюсь в них без остатка...

Осторожно беру ее на руки и очень аккуратно, как самую величайшую драгоценность, кладу на кровать... Горячие приоткрытые губы, жадно ищущие встречи с моими... Нежная, бархатистая кожа, чутко реагирующая на каждое прикосновение моих пальцев... Небольшие холмики груди, плавный изгиб бедра, движение навстречу... Одурачивающий, сводящий с ума тонкий, еле уловимый, аромат духов и женского тела... Секундная гримаска боли, тихий полусхлип-полустон... Ее руки пытаются сделать объятия еще крепче... Я чувствую, как мы сливаемся в одно целое... А затем я взрываюсь!.. Меня больше нет, я превратился в фейерверк размером с Галактику!.. Я разлетаюсь мириадами ослепительных разноцветных огоньков до самых далеких уголков Вселенной!.. Нет, теперь я сам – Вселенная!.. Всё, начиная от громадных раскаленных красных звезд-сверхгигантов и заканчивая мельчайшими частицами межзвездной пыли, – это я!..

Возвращаясь на Землю, прихожу в себя, рядом, положив голову мне на плечо, тихонько улыбается своим мыслям моя Самая Прекрасная и Любимая Женщина... Заметив мой взгляд, шепчет:

– Девочки говорили, что это страшно и больно... А это – прекрасно!

– А откуда твои девочки это узнали, а?..

– Нахал!.. Как ты мог такое подумать?.. Им рассказывали про это мамы и... старшие подруги...

– Надеюсь, я развеял твои сомнения по этому поводу?

– Ну, не совсем... Я хотела бы еще разубедиться... – Даша произносит это с хитрой улыбкой и тут же заливается смущенным румянцем, заметным даже при лунном освещении. – Денис... Де... М-м-м... Денис... А... А-ах...

Глава 14

Проснулся, когда солнце только-только стало пробиваться сквозь ватный туман, спать не хотелось абсолютно... Моя любимая сейчас, наверное, сладко спит, досматривая сны. Мы расстались, когда луна уже прошла большую половину своего ночного маршрута, о присутствии Дашеньки здесь внешне напоминал только еле уловимый запах ее духов. А то, что случилось, останется навсегда в моей памяти!.. При мысли о том, что именно произошло этой ночью, организм отреагировал вполне предсказуемо. Пришлось подниматься и в одних шароварах тихонько красться из дома, чтобы ненароком никого не разбудить. Шлепаю босиком по прибитой траве к колодцу, там пару минут полощусь в холоднющей воде, затем – к стогу, где вчера мы с Сашкой занимались. Лицом к солнцу, глаза закрыть, вдох-выдох... Прокручиваю двадцать четыре формы тай-цзы, плавно переходящие в разминку – своеобразный танец из базовых движений... На чем меня и притормаживает молодое поколение. Александр-младший, очевидно, услышав, как я выхожу, проснулся и решил незаметно проследить, но подкрасться поближе ему помешал Бой, последовавший с ним. Звонким лаем пуделёшка пожелал доброго утра, а заодно и выдал свое с парнем местоположение. Остаток времени вместо зарядки уходит на закрепление пройденных вчера приемов, после чего дружной компанией идем обратно.

В доме уже слышатся голоса, народ потихоньку просыпается, поэтому хватаю кувшин с водой и быстренько лечу в свою комнату, чтобы никто не застал в таком неприличном виде. Минут десять уходит на бритье и одевание, затем спускаюсь обратно. Несмотря на прохладу, все уже кучкуются на террасе поблизости от закипающего самовара. Не хватает только моей милой. Полина Артемьевна выражает удивление, куда же это ее доченька пропала и почему ее до сих пор нет за столом. На что Михаил Семенович, многозначительно глянув в мою сторону, выдает гипотезу, что, мол, девочка, по-видимому, вчера набегалась, нагулялась на свежем воздухе, устала, вот и отдыхает. При этом почему-то все смотрят на меня. Приходится делать оловянно-честные глаза, чтобы доказать свою невиновность. Долго этого делать не приходится, слышны легкие шаги, и Дашенька тут же появляется на веранде, весело здоровается со всеми и извиняется за опоздание. О необычности прошедшей ночи говорят только слегка припухшие губки, да и то в пристальном рассмотрении. Но все равно в воздухе висит какое-то невысказанное напряжение. Ввиду того, что заказанный транспорт уже прикопыт, быстренько пьем утренний чай и едем в Гомель свершать великие дела. Мы с моей ненаглядной снова сидим в пролетке с Прозоровыми и периодически краснеем, когда ловим взгляд друг друга или когда Михаил Семенович с супругой многозначительно нам улыбаются. А денек-то действительно предстоит хлопотный.

По приезде оставляем ждать одного из извозчиков, быстренько собираемся на военный совет. Руководит процессом, естественно, Полина Артемьевна. Оставив себе начальником штаба Ольгу Петровну и Сашку в роли вестового, она остальных отправляет выполнять свое задание. Господа путейцы едут с нами до Базарной площади, затем, пожелав нам удачи, исчезают в Гостином ряду, имея целью найти несколько бутылок шампанского и «еще кое-чего», как было таинственно сказано Александром Михайловичем.

Мы же с Дашей оставляем нашего водилу с наказом «ждать» и несемся в парк, к дворцовому собору. Моя любимая исчезает за высокими дверями, а я прогуливаюсь в ожидании. Через пять минут она появляется и тут же утаскивает меня к часовне, объясняя по пути, что заступничество княгини все-таки необходимо. В ожидании проходит около получаса, за это время по очереди пытаемся убедить друг друга, что все будет хорошо и все у нас получится. Ирина Ивановна появляется на ступеньках, и Дашенька тут же бросается к ней, я отстаю на несколько шагов. Когда приближаюсь, моя ненаглядная уже заканчивает свою взволнованную и сбивчивую скороговорку. Здравуюсь как можно вежливей и учтивей. Княгиня смотрит на

меня через толстые стекла своих очков, возникает ощущение, что этот подслеповатый взгляд пронизывает насквозь, проникает в самые глубины души...

– Хорошо, Дашенька, я помогу вам... И вам, молодой человек.

Сдерживая нетерпение, неспешно следуем за Ириной Ивановной и ее то ли служанкой, то ли помощницей, также ожидавшей ее у часовни.

Вышедший батюшка почти бочкообразного вида сообщил нам, что хоть обручение и является частью венчания и проводится в храме непосредственно перед последним, он по просьбе светлейшей княгини с удовольствием «поприсутствует» на семейном празднике, носящем такое же название... В общем, в четыре часа пополудни обещался быть по указанному адресу в полной боевой готовности. Благодарим его, затем еще раз вышедшую княгиню, которая отзывает Дашу и что-то негромко говорит ей, затем прощаемся и несемся к нашему транспорту.

Следующая остановка – госпиталь. Быстро находим Машу и Пашу и ненавязчиво интересуемся их мнением побыть сегодня на помолвке друзьями. На радостные визги и смех наших барышень сбегаются остальные медсестрички, но акустический бедлам быстро заканчивается с приходом главврача, который любезно отпускает нашу парочку на сегодня, заодно выслушивает переданную просьбу княгини освободить мою милую на два дня от всех дежурств.

Теперь – самое главное. Начинаем объезжать ювелирные магазины на предмет покупки колец. Оказывается, тут тоже есть много нюансов. Жених покупает оба кольца, но невесте на пальчик надевается золотое, как было безапелляционно продиктовано – «из червонного золота девяносто второй пробы», а невеста окольцовывает своего суженого серебряным – в знак своей непорочности. И на обратных сторонах колец должны быть выгравированы инициалы и дата венчания. А я, грешным делом, думал, что Валерий Антонович носит серебряное кольцо от не слишком богатой жизни...

В первых двух магазинчиках ничего подходящего не находим, а вот в третьем нас ожидает Госпожа Удача. Во-первых, нужные кольца нужного размера там имеются, а во-вторых, в самый разгар процесса, как потом он объяснил – «на знакомый голос», появляется владелец оружейного магазина, где я брал маузеры и дробовик. Послушав наши препирательства, извиняется и утаскивает продавца в подсобку, из которой оба появляются через пару минут. Далее звучит краткая история его семьи, из которой следует, что они с ювелиром женаты на родных сестрах. И что он убедил своего родственника сделать скидку молодому человеку, который, несомненно, сдержит свое слово офицера насчет покупки оружия именно у него в магазине...

Молодец, умеет считать быстро. За стволы, если их найдет, получит гораздо больше и, без сомнения, поделится со свояком. Подтверждаю свое намерение о закупке по договоренной цене и маузеров, и винчестеров в количестве двадцати штук каждого наименования. А уж про патроны, гильзы для дробовиков, порох, картечь и всю остальную оснастку и разговора нет, подразумевается само собой. После этого цена на кольца моментально приходит к адекватной величине, только требуется подождать всего минут пятнадцать, чтобы ювелир тут же выгравировал на внутренних ободках заветные «ДГ» и «ДФ».

По дороге домой, холодея от ужаса, вспоминаю еще об одном не сделанном, но очень важном деле, и заворачиваю извозчика на Базарную площадь, благо ехать недалеко. На вопросы моей любимой отмазываюсь военной тайной и тем, что она сама скоро всё увидит. А в душе молюсь, чтобы все получилось... Вот и Гостиный двор. Слетаю с пролетки, командуя лихачу традиционное «Ждать!», несусь внутрь... Тут где-то была цветочная лавка... Ага, вот она!.. И то, что мне нужно, тут тоже есть!..

Блин!.. Уже обещано!.. Что же делать?! Ну, что делать?!.. Думай, голова, думай!.. Так, а покупатель дал задаток?.. Нет? Хорошо! Просто замечательно!.. Две цены!.. Нет, не согласен?.. Три цены!.. Ну... Ну, давай!.. Прими правильное решение!.. Ай, молодец!.. Отлично!!

Пересчитываю цветы, не дай бог, будет четное число, кидаю деньги, хватаю и мчусь обратно. Ставлю корзинку к ногам моей ненаглядной и выдыхаю традиционное «Это – тебе!». Дальше домой едем уже в компании тридцати с лишним белоснежных роз и их дивного аромата...

По приезде докладываемся Полине Артемьевне и Ольге Петровне о выполнении задания, что вызывает облегченные вздохи, корзина с розами добавляется к целому забору из букетов астр, георгинов, хризантем и еще чего-то, названия которого не знаю. Пользуясь заминкой дам, тихонько сбегает в сад, где прячемся в укромном уголке и продолжаем игру «Кто кого нежнее поцелует». Правда, вскоре нас находит вестовой Александр и сообщает, что приехали наши дружки-свидетели и на подходе пролетка с папой и дядей Мишей. Приходится с сожалением прерваться и идти встречать. Первые прибыли в хорошем расположении духа, а вот господа инженеры что-то сильно шумят, слышно еще от калитки.

– Ну, Миша! Кто ж знал, что сегодня еще кому-то вот так срочно понадобятся эти розы! – Голос у Александра Михайловича оправдывающийся и слегка виноватый. – Куда бы мы потом с ними побежали? Шампанское искать?

– Саша, нужно было всего лишь оставить задаток, и тогда мы были бы уже с цветами! – Михаил Семенович суров и непреклонен, как прокурор на суде. – И что мы, по-твоему, сейчас должны делать? Где их брать? Как ты объяснишь всё супруге?

– Я пройду по дворам, попробую купить так. Тут же все наши, путевые... А что это, молодые люди, вы смеетесь, а? Между прочим, мадемуазель, неприлично смеяться над отцом только потому, что какой-то каналья увел у него из-под носа твой букет роз!..

Даша звонко хохочет, потом с трудом спрашивает:

– Вы... цветы... в Гостином дворе?..

– Да, и договорились с продавцом, но в наше отсутствие какой-то негодяй...

– Папа!.. До этого... Ты был лучшего... Мнения... О Денисе!..

– Александр Михайлович!.. Белые розы?.. – Сам еле сдерживаюсь, чтобы не заржать. – Они уже в доме!..

Тот недоуменно смотрит на нас, оглядывается на поддерживающего общий смех раскатистым хохотом Михаила Семеновича, затем сам начинает смеяться. Так что взору Ольги Петровны, вышедшей проверить, что за посторонний шум во дворе, предстает коллективный сеанс смехотерапии...

* * *

– ...Боже Вечный, разстоящаяся собравый в соединение и союз любве положивый им неразрушимый...

Церковный речитатив могучего баса священника заполняет все пространство, звучит величественно и торжественно, тоненькая струйка дыма из кадила тянется к потолку, пахнет ладаном, его аромат смешивается с запахом цветов, которые буквально повсюду в комнате...

– ...Господи Боже наш, от язык предобручивый Церковь деу чистую, благослови обручение сие и соедини и сохрани рабов Твоих Дионисия и Дарию в мире и единомыслии...

Даша, празднично причесанная и нарядная, в белом, с чуть розоватым оттенком, платье стоит на коленях слева от меня на специально расстеленном рушнике. Я опустился рядом на одно колено, честно говоря, не до конца уверенный, что это правильно, но батюшка ничего не сказал. Наверное, он тоже считает, что офицер на коленях – это нонсенс... Дашина ладошка крепко сжимает мою руку, заметно, что моя любимая нервничает... Ответным пожатием стараюсь немного ободрить ее, она смотрит на меня с благодарной улыбкой...

– ...Боже Вечный, Сам благослови и этих рабов Твоих Дионисия и Дарию, наставляя их на всякое доброе дело, установи, Господи, между ними нерушимый союз любви...

Батюшка трижды осеняет нас крестным знамением, его место занимают торжественные Полина Артемьевна и Александр Михайлович, держащий в руках потемневшую от времени икону Божией Матери, облаченную в еще один расшитый рушник и подвязанную понизу красной лентой...

– Даша... Денис... Дети... – Голос инженера чуть дрожит, видно, что он сильно волнуется и не знает, что сказать. – Живите в мире и согласии, любите друг друга, берегите друг друга, храните любовь и счастье... Благословляем вас на долгую, счастливую семейную жизнь...

– Будьте счастливы, дети... – Принимает эстафету Полина Артемьевна. – Совет вам да любовь!

Икона совершает крестное знамение над Дашенькой, она целует ее, затем то же самое происходит со мной... Встаем, поворачиваемся к священнику, наши дружки подносят ему блюдечко с кольцами. Серебряный ободок прочно осваивается на моем пальце, батюшка надевает колечко на пальчик Дашеньке... И все восторженно аплодируют, когда мы целуемся...

Звон бокалов, пузырящееся «Абрау-Дюрсо»... Праздничный обед идет своим чередом. Веселый смех, поздравления, тосты, пожелания... Я, не отрываясь, смотрю на мою любимую и не могу отвести взгляд... Вот почему так?.. Есть женщины красивые, интересные, шикарные, симпатичные, да этих эпитетов – половина русского языка, наверное. Но есть только одна ненаглядная... Та, на которую смотришь и не можешь наглядеться... Потому что она какая-то особенная, не такая, как все. Что-то такое есть в ней, что ты согласен бесконечно смотреть и смотреть на любимую...

– ...тольевич!.. Денис Анатольевич!.. – Александр Михайлович уже чуть-чуть под шофе. Скорее от радости, чем от вина. – Да вы меня совсем не слышите!.. Давайте оставим шампанское для дам, а мы с вами выпьем коньячку! Эту бутылку мы с Полиной Артемьевной храним с тех пор, как Дашенька поступила в гимназию. Специально для этого дня сберегали...

Янтарная жидкость пробегает огнем по телу и приносит какое-то относительное успокоение. Теперь уже почти теща начинает очень издалека нужный ей разговор. И через час завуалированных намеков, высказываемой уверенности в моих возможностях и порядочности, после прочих словесных завихрений, которым позавидовал бы любой дипломат, я понимаю, что у меня есть не более трех месяцев на то, чтобы решить все вопросы, связанные с получением благословения моих родителей, разрешения на брак от вышестоящего командования и, собственно, самой свадьбой. Я абсолютно не против, даже наоборот, очень хочу этого, единственная трудность – Томск. Приеду, надо будет сразу же писать письмо папе с мамой и убеждать их изо всех сил. Ладно, прорвемся! Этот вопрос надо решить, и он будет решен во что бы то ни стало!

* * *

Чуть позже с подачи и полного согласия старшего поколения мы вчетвером отправляемся на прогулку в Максимовский парк. Воздухом подышать, да и народу показаться. Так сказать, ненавязчиво прорекламировать наше торжество. Заботливая теща быстренько собирает пикниковую корзинку, куда помещается бутылка легкого вина, завернутые в салфетку бокалы и фрукты в качестве символической закуски. Михаил Семенович, вовремя вспомнив, добавляет туда же очень необходимый штопор. Доктор берется поработать носильщиком, и мы, не торопясь, шагаем к вокзалу, где ловим извозчика и едем в парк...

Чтобы не нарушать правила приличия и общественный порядок, идем к месту, где парк заканчивается крутым спуском и есть несколько облюбованных публикой мест для пикника. Туда, где я познакомился с доктором Пашей и козликом Вольдемаром. По пути несколько раз раскланиваемся с незнакомыми мне, но очень приятно улыбающимися моим спутникам дамами и господами, видно, не последними представителями гомельского бомонда. Один раз

нас, поздоровавшись, притормаживает компания из трех мужчин, по возрасту годящихся скорее в дедушки, чем в отцы, в сопровождении нескольких дам такого же возраста. Как выясняется, это – учителя и классные дамы гимназии, где учились наши барышни. И Дашенька, сияя от удовольствия, представляет им меня как официального жениха, подтверждая свои слова наличием заветного колечка на пальчике.

Дамы тут же окружают мою любимую, чтобы расцеловаться с ней по этому поводу, а мужчины удостоивают меня своими рукопожатиями, наверное, рассчитывая, что после этого я не буду мыть правую руку как минимум неделю, и в своей профессиональной манере прочитывают микролекцию о том, как мне повезло, что такая замечательная девушка согласилась составить мое счастье. Получается у них почти как в «Кавказской пленнице» – спортсменка, комсомолка, ну и так далее. Почтительно и с энтузиазмом с ними соглашаюсь, осознавая в голове какое-то состояние дежавю, типа настоящий учитель, несмотря на разные времена, неизменен. Затем раскланиваемся и шествуем дальше. Вскоре еще раз останавливаемся, на сей раз повстречавшись с довольно шумной компанией Дашиных ровесниц и ровесников, которые оказываются одноклассниками, приятельницами и лицами, их сопровождающими, в смысле – кавалерами. Новость становится достоянием широкой публики, девчонки, шумно гомоня, наперебой поздравляют виновницу торжества, сопровождающие лица мужского пола гордо и независимо, даже с некоторым вызовом, смотрят в мою сторону. Наверное, ждут не дождутся, когда мы исчезнем с горизонта и можно будет авторитетно уверить своих дам, что они ничем не хуже, а во многих вопросах даже и лучше какого-то там залетного орла в погонах.

Подходим к намеченному месту, и я понимаю, что везение пока что закончилось. Полянка уже занята. И, судя по всему, не просто так. Мордочки уж больно знакомые, одна – так точно. Вольдемаровская. Остальных не знаю, но, похоже, та компания, с которой встречались в тот раз. Среди них царит некоторое оживление. Вполне допускаю, что ждали именно нас, а чтоб скучно не было, разминались водочкой. Во всяком случае, несколько пустых бутылок от белоголовки я заметил.

Бывший конкурент тяжело поднимается, да еще со второго раза, и идет к нам в сопровождении двух человек из группы поддержки. По-моему, он уже пару суток не просыхает...

Заступаю дорогу так, чтобы прикрыть девчонок, да и Пашу тоже, боец из него никакой. А то, что намерения у земгусара серьезные, видно издалека. Желваки на мордочке так и играют...

– Какая встреча!.. Маде... мазель Филатова!.. В сопрвож... дени-и... своего... хахаля!.. – Н-да, товарищ явно не в адеквате, за базаром не следит. Сейчас может наговорить такого, что дуэль потом покажется манной небесной...

И тут доктор совершает самую глупую ошибку, которую только можно совершить! Ты же видишь, что он – в зюю, думаешь, поймет нормальную человеческую речь?.. Куда ты, дурашка?!

Паша выскакивает из-за моей спины и становится между нами.

– Господа! Господа! Мы же интеллигентные люди!.. Успокойтесь, Вольдемар!.. Денис Ана...

Договорить он не успевает. Земгородец замечает кольцо у меня на руке... Его взгляд мечется, чтобы увидеть Дашу, но она стоит вместе с подругой за моей спиной... Тяжелая лапища прилетает доку наотмашь в лицо и сметает его на землю!..

– Пшел!.. Клистирная трубка!..

Ах ты, паскуда!.. Убью, сволочь!.. Порву на ленточки!!

– Денис... – предостерегает Даша. Негромкий оклик моментально гасит растекшееся по жилам бешенство... Быстро оборачиваюсь, ловлю ее тревожный взгляд. Понимаем друг друга без слов... Ты права, маленькая!.. Начинать новую жизнь со зла?! Отметить день обручения кровавой бойней?! Нет уж!.. Повезло тебе сегодня, тварь!.. Ох как повезло!..

Пятерня тем временем летит уже мне в лицо... Ну-ну, давай поиграем в корриду!.. Правая рука навстречу удару. Скользящий блок, на обратном движении поддерживаю за рукав, чтобы по инерции противник сунулся дальше... Вот так, шагжок пошире... Оказываюсь у него за спиной, добавляю скорости пинком в поясницу... Бугай делает еще два неуверенных шага, путается в ногах и продолжает движение по баллистической траектории... Останавливается, наткнувшись на деревце... И чего ты так орешь?.. Определись: «Ой!» или «Ай!» Ну, кто же виноват, что ты за ветки акации схватился, чтобы подняться...

– Что, висюльку нацепил, думаешь, можно теперь с чужими девками путаться?! – Во, блин, аж давится от ненависти. А за «девку» отдельно, ушлепок, получишь...

Нет, ну точно, – коррида! Вовчик уже рядом, левая рука захватывает мой правый рукав на плече, вторая собирается в кулак и летит в голову. Ага, такое мы проходили... Шаг правой вперед с разворотом против часовой, я уже вне удара, левая рука срывает захват и, повернув, тянет кисть влево-вниз. Далее должен быть удар правой локтем в висок, после чего можно и хоронить... Но сегодня работаем в мягком ключе... Доворачиваю захваченную руку так, чтобы он согнулся, и несильным ударом с левой ноги по плавающим ребрам отправляю тушку уже в боковой полет. Пьяный кабан тормозится об одного из своих сопровождающих и вместе с ним падает. Подбирает под себя руки-ноги, полминуты стоит на карачках, восстанавливая дыхание, затем снова поднимается и, как бульдозер, прет на меня. С пустой бутылкой в руке... И где ж ты таких пошлостей нахватался?.. О, какой замах красивый, почти вертикально!.. Подшаг вперед-влево, разворот по часовой, вписываюсь в движение, захват за бющую кисть обеими руками. Разворот в обратную сторону, крутим кисть, большие пальцы давят на основания мизинца и безымянного... Дикий вопль, бутылка летит на землю, мелькают ноги в сапогах, чуть продергиваю руку, земгусар приземляется на спину. Быстрый перехват, теперь пальцы выкручены наружу, кисть, локоть, плечо на одной линии, упирающейся в землю. И подошва моего правого сапога опирается на ширинку Вольдемарчика. Его дружок собирается кинуться на подмогу, но натывается на мой взгляд и замирает... Все, спектакль окончен. Теперь – небольшой урок хороших манер...

– Сейчас ты, мразь, извинишься за свои грубые слова. Повторяй: «Уважаемая Дарья Александровна! Господа! Покорнейше прошу извинить меня за грубость!»

Что, не хочешь? Не нравится?.. А вот так?.. Немного переносу свой вес на правую ногу. Опаньки, глазки испуганные, и ротик скривился... Еще немного...

– О-й-ю!.. Уважаема-а-я-я!.. А-я!.. Дарья Александровна!.. А-й-ю!.. Господа!.. Покорнейше прошу простить мою грубость!..

Убираю ногу и отпускаю придурка, который переваливается на бок, затем кое-как поднимается. Отфутболиваю ногой в сторону компании стеклотару, затем окликаю уже отковылявшего земгоровца.

– Эй! На два слова... – Подхожу поближе, говорю так, чтобы никто больше не слышал: – Последнее предупреждение. Если, неважно по какой причине, с близкими мне людьми случатся какие-либо неприятности, я тебя убью. Медленно. Больно. С удовольствием. Ни полиция, ни Господь Бог тебе не помогут. Никто не найдет того места, где я тебя закопаю. Запомни это очень хорошо, больше предупреждений не будет. Кстати, я теперь частенько буду наведываться в мастерские. Ты меня понял?.. Вот и чудненько...

Возвращаюсь к барышням и оклемавшемуся Паше. Видимых повреждений нет, только правая щека гораздо краснее левой. И чуть пухлее. Но это скоро пройдет. А вот небольшое внушение сделать надо.

– Доктор, я вас очень душевно прошу! Паша, давай договоримся: больных я буду посылать к тебе, но пока я здесь, все, кому хочется помахать кулаками и получить по морде, – моя епархия! Но за то, что по-мужски вступился – спасибо!.. – Жму доктору руку. – Кстати, давайте поищем более подходящее местечко, здесь не очень хорошо пахнет...

Глава 15

Мы с Дашей стоим на перроне возле моего вагона и никак не можем попрощаться... Пять отпущенных дней истекли. А кажется, что промелькнула целая вечность... Вчера, после всё же состоявшегося пикника, мы проводили домой наших друзей, доктор Паша решительно пообещал, что присмотрит за моей невестой, в смысле никому не даст ее в обиду. Сомнения в его способностях остались, больше уверенности мне придает обещание моей ненаглядной постоянно носить с собой «малыша Джонни Браунинга». Все эти мысли, вероятно, отразились у меня на лице, поскольку Павел свет Игнатьевич прозрачно намекнул, что в данном случае он в большей степени рассчитывает не на кулаки, а на свои способности эскулапа. А среди его особо важных клиентов, которым он сумел помочь, числятся жена и единственная дочка начальника жандармского управления города, а посему... Дальше объяснять мне не потребовалось. Зато эти объяснения срочно понадобились для Маши, которая очень подозрительно выслушала эту новость про дочку...

Потом, не торопясь и оттягивая момент расставания, дошли до почти уже родного мне дома, спрятались под знакомой липой, чтобы напоследок нацеловаться вдоволь. Когда заметно стемнело, я довел Дашеньку до самой калитки, получил напоследок особо нежный чмок и, дождавшись, когда она помашет мне рукой и за ней закроется дверь, побрел в гостиницу, где промаялся бессонницей и разными мыслями большую часть ночи.

С утра получил жандармскую бронь на поезд для трех человек, как и было договорено, смотался на пересыльный пункт, где доложил коменданту об убытии и о том, что согласно еще одной волшебной бумаге от Валерия Антоновича, правда, за подписью командующего, забираю из госпиталя унтер-офицера Пашкина и рядового Пахомова, которого Пашкин же и отрекомендовал.

Заехал в мастерские, тепло попрощался с Александром Михайловичем и Михаилом Семеновичем, которые отдали часть уже готовых железок, затем – гостиница, собраться, упаковать свое вновь приобретенное имущество...

Теперь стоим с Дашей на перроне и не решаемся сказать друг другу самые тяжелые слова. О разлуке, о прощании... Бойцы с имуществом уже в вагоне, держат места, народ, снующий возле вагона, как-то сам собой обтекает нас с обеих сторон, Полина Артемьевна с Сашкой стоят в нескольких метрах, не желая нам мешать, с ними я уже попрощался...

Дашины глаза потихоньку наполняются предательской влагой, первая капелька, оставляя мокрую дорожку, катится вниз, очень осторожно убираю ее с нежной щеки...

– Ну вот, сейчас я разрежусь, стану некрасивой, и все будут смеяться... – Она пытается улыбнуться сквозь слезы.

– Солнышко мое, ты всегда будешь самой красивой, самой прекрасной, самой-самой любимой на Земле... Не плачь, маленькая, я же скоро снова приеду...

– Ты едешь на фронт, там... Там опасно, там стреляют...

– И до этого тоже стреляли, но не попадали. А сейчас у меня есть ты, и я теперь, – как Дункан Маклауд из клана Маклаудов... – Ну, вот, поменяли тему и слезы прекращаются.

– А... Кто это?.. – Даша по-детски хлюпает носом.

– Это герой одного фильма из... моего «прошлого». Он был бессмертным воином и сражался с такими же...

– Мне Ирина Ивановна там, у собора, сказала, что видит у тебя непростую, особенную судьбу, и тебе в жизни предстоит многое сделать... Она умеет это... Денис, любимый, я знаю, что не имею права, не должна просить тебя об этом, но... Я тебя умоляю, заклинаю, победи себя!.. – Слезы снова начинают собираться в уголках любимых глаз... Как же мне тебя успокоить, моя хорошая? Память подсказывает самый подходящий вариант. Из школьной про-

граммы... Спасибо и низкий поклон вам, Константин Симонов... Ничего и никого больше не стесняясь, обнимаю вздрагивающие плечи и тихонько шепчу на ушко...

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара...
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет...

Дашенька жалобно смотрит на меня, не отрывая глаз, слезинки катятся по щекам, ее руки соединились у меня на шее, не желая отпускать...

<...>Пусть поверят... все вокруг
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Она прижимается ко мне, обнимает так крепко, как будто какая-то неведомая сила пытается оторвать ее от меня, прячет заплаканное лицо у меня на груди... Господи!! Как же я не хочу расставаться с ней!! Как же я не хочу отсюда уезжать!!

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой. —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой...

Звон станционного колокола, гудок паровоза, лязг буферов. Вагон начинает медленно проплывать мимо... Целую заплаканные глаза, щеки, губы...

— Я буду ждать!.. Обязательно!.. Только ты возвращайся!.. Я люблю тебя, слышишь?! Возвращайся!! — Маленькие ладошки отпускают меня. Я заскакиваю на подножку и, не обра-

щая внимания на ворчание проводника, стою и машу рукой удаляющейся светлой фигурке на перроне, пока она не скрывается вдали.

Глава 16

Собственно институт находился на некотором удалении от электростанции, на небольшом возвышении, от которой к нему тянулась линия электропередачи. Несколько ажурных металлических столбов, поблескивая новенькими фарфоровыми изоляторами, были расставлены по-военному в одну линию через каждые сто метров. В глаза сразу бросались рамки и сети, которые располагались под проводами.

Павлов, который уже привычно исполнял роль чичероне, прокомментировал картину:

– Это все чудачества местных чиновников. Им в каждом столбе мнится Пизанская башня, вот и приказали «принять меры к недопущению падения конструкций на головы обывателей». Инженер Классон ругался, убеждал словами и расчетами, но все бесполезно. Не помогло и присутствие представителя завода Гюжона, который специально приехал для показательной уставки опор, – наше крапивное семя было неумолимо. Слава богу, что не потребовали строить «мост для линии электропередачи», подобно их германским коллегам.

Авто тем временем проехало вдоль трехметровой деревянной ограды, напоминающей стену избы, сложенную из толстых бревен, и остановилось напротив ворот, находящихся между двумя многоугольными башнями, увенчанными шатрами, которые были покрыты тесом, с флюгерами в виде золотых петушков. Створки ворот были сделаны из массивных дубовых плах и усилены толстыми железными полосами, скрепленными между собой заклепками.

Федор Артурович решил осмотреть это сооружение поближе, а заодно размять затекшие от долгой поездки ноги, что было неудивительно для такого великана, как он, и вышел из машины. Павлов, как гостеприимный хозяин, присоединился к генералу. Им составили компанию Прохор, который считал своим долгом находиться рядом со своим командиром, и зауряд-врач Водкин.

Увиденная картина заставила Келлера серьезно задуматься. На первый взгляд многое говорило о том, что автор проекта был, по-видимому, сторонником возврата к исконно русским традициям и показного отказа от всего европейского и особенно германского. Казалось, что этот городок сошел с картин Васнецова или Рериха и в любую минуту из ворот во главе своей дружины может выйти премудрый царь Берендей или выехать на коне Вещий Олег.

Федор Артурович тут же вспомнил, что даже сам император Николай Александрович любил одеваться в княжеские одежды времен допетровской Руси и, как утверждалось в некоторых слухах, планировал внести в военную форму некие древнерусские элементы. У этого то ли острога, то ли кремля не хватало лишь крепостного рва. Впрочем, как отметил про себя генерал, при всей внешней декоративности и некоторой миниатюрности это не слишком ослабляло защитный потенциал «фортеции» – поверх стены, на Г-образных кронштейнах была натянута колючая проволока, а примерно через пятьдесят шагов слева и справа виднелись выступающие вперед башенки. В узкой бойнице одной из них блеснул солнечный зайчик на стеклах бинокля или стереотрубы. Если добавить ко всему и то, что на расстоянии нескольких сотен метров от стены были спилены деревья и вырублен кустарник, то в случае отсутствия у гипотетического противника артиллерии шансы взять крепость штурмом были весьма невелики. Но осмотр пришлось прервать, так как Павлов предложил вернуться в машину, дабы не задерживать служебный транспорт и не отвлекать людей от работы, пообещав ответить на все вопросы на территории института.

Между тем трижды проревел электрический клаксон «санитарки», после чего из дверей приворотных башен вышли и направились к фургону одновременно с двух сторон пять человек. Всех их объединяло несколько общих признаков: добротная солдатская форма без погон, наличие Георгиевских крестов и медалей, отличная выправка при достаточно почтенном возрасте и особая походка бывалых охотников или пластунов. Все были вооружены – двое, подо-

шедшие с осмотром к фургону, имели на поясе расстегнутые кобуры с наганами, а двое, остановившиеся в метрах пяти, держали в руках дробовые магазинки. У пятого, по всей видимости старшего, в руках была толстая открытая тетрадь.

В сознании Келлера внезапно опять дал о себе знать молчавший до этого на протяжении последней недели «некто», которого он сам про себя уже окрестил «ефрейтором»: «Ничего себе, в натуре, вохра...» Но поразил генерала не внутренний голос, а последовавшая за ним фраза академика Павлова, который как будто прочитал его мысли:

– А это, Федор Артурович, одна из обширного списка новинок, которые есть в нашем институте, – военизированная охрана, или кратко – «ВОХР». Надеемся с помощью принца добиться Высочайшего одобрения и внедрить ее в аналогичных учреждениях. А заодно, в свободное от дежурства время, они проводят занятия с подростками из окрестных поселков. У нас уже сформирована своя потешная рота. Форму для них взяли по образцу, предложенному есаулом донского казачьего полка Владимиром Федоровичем фон Эксе. Для сей работы отбираем бывалых бойцов, которые по возрасту или по причине ранения освобождены от призыва. Предпочтение отдаем георгиевским кавалерам, как имеющим боевой опыт, родом из всех губерний империи, пожалуй, за исключением Варшавского генерал-губернаторства, Великого княжества Финляндского и Прибалтийского края... – чуть помолчав, Иван Петрович улыбнулся каким-то своим воспоминаниям и закончил не совсем понятными для генерала словами: – А то, не дай бог, подерутся... горячие финские парни.

Генерал почувствовал, что «некто» опять пытается что-то вякнуть, и усилием воли «заткнул ему рот».

Между тем вохровцы, удостоверившись, что в кабине сидят известные им лица, заглянули в фургон. При виде генерала мгновенно встали во фронт и привычно отдали честь вначале Келлеру, а затем и Павлову. Но при этом не ели начальство глазами, а коротким, цепким взглядом мгновенно оглядели присутствующих. И лишь после этого, вторично откозыряв, отошли от машины.

Сюрпризы на этом не закончились. Ворота, оснащенные электроприводом, без видимого вмешательства людей распахнулись, открывая проезд. Санитарный фургон неспешно тронулся с места и въехал на территорию института. Дорога была украшена небольшими, но массивными бетонными клумбами, расставленными в шахматном порядке, между ними причудливо извивалась асфальтовая полоса, посередине которой была нанесена белой краской широкая линия. Автомобиль двигался со скоростью пешехода, аккуратно повторяя ее изгибы. Любое отклонение от запрограммированного маршрута непременно привело бы к столкновению с бетонными квадратами, разбавленными бревенчатыми срубами, напоминающими сказочные избушки в миниатюре. Подобное фигурное катание, а точнее лавирование между такими «сухопутными рифами» удивило Келлера, и он обратился за разъяснением к Павлову:

– Иван Петрович, ну кто же так строит? Признаюсь, вначале я решил, что ваш архитектор следует модному сейчас стилю а-ля рюс, но после этой поездки склоняюсь к предположению об его увлечении футуризмом, подогретым кокаином?

– Напрасно иронизируете, Федор Артурович. Основным критерием было обеспечение безопасности нашего института при максимально возможной маскировке этих мероприятий. Представьте себя на месте нападающих, которые на грузовике пытаются попасть сюда или покинуть эту территорию. Тем более что автомобиль может и взорваться. Эти так называемые «архитектурные причуды» способны создать им массу проблем и подставить потенциальных террористов под перекрестный огонь охраны. А общий вид нашей «крепости» лишний раз подтверждает слухи о чудачестве и, в некотором роде, самодурстве вашего покорного слуги, да и материал далеко везти не пришлось.

Пока длился этот разговор, «санитарка» закончила свой танец и остановилась возле двухэтажного дома, выглядевшего как терем в саду князя Жемчужного. Сходство с картиной Вас-

нецова усиливала группа мужчин, одетых в кафтаны стрельцов, при шашках, которые, перешучиваясь, загружались в грузовик. Помимо этого на поясах у всех были кобуры с револьверами, а за плечами вместо пищалей – карабины.

Павлов первым вышел из фургона и предложил генералу с денщиком следовать за ним.

– Вот здесь, господа, у нас находится центр жилой зоны и гостиница, в которой вам предстоит квартировать. А вам, уважаемый Евстафий Иванович, придется пройти в соседний дом, в котором проживают наши медикусы, кои еще не успели связать себя узами Гименея. Я уверен, что им пойдет на пользу близкое соседство с человеком, обладающим столь богатым жизненным и профессиональным опытом. На втором этаже – медицинская часть. Так что для того, чтобы пройти углубленную диагностику, нужно всего лишь подняться по лестнице. Кстати, Евстафий Иванович, на одном из кабинетов уже висит табличка с вашим именем, занимайте и включайтесь в нашу общую работу. И первым заданием будет исцелить нашего общего друга – Федора Артуровича от недугов телесных и душевных. Думаю, что и вашему верному хранителю Прохору не повредит подлечиться.

Врач Водкин не удержался и сразу же направился осматривать свое новое место работы.

– Далее находятся административно-хозяйственная, техническая и прочие зоны института. – Иван Петрович проиллюстрировал свои слова, жестом показывая на ажурную антенную мачту радиотелеграфа, которая располагалась в нескольких сотнях метров за дополнительной оградой с будкой КПП.

В сознание Келлера все-таки снова отозвался «ефрейтор»: «Опаньки, как будто с нашего ОКИКа срисовали...»

Федор Артурович привычно рывкнул про себя, загоняя незваного гостя на задворки сознания, используя обширный лексикон командного мата, бережно культивируемый фельдфебелями и унтерами еще со времен императора Петра Алексеевича. Впрочем, большинство их высокородий и превосходительств, а также действительных и тайных в случае необходимости, могли выдать и большой и малый петровский, морской и прочие загибы.

Подойдя к дверям, Иван Петрович нажал кнопку электрического звонка. В небольшом окошечке мелькнули чьи-то глаза, и створки распахнулись.

Внутри здания практически ничего не говорило о том, что оно находится на тщательно охраняемой территории. За металлической перегородкой с толстым стеклом размещался молодой мужчина в штатском костюме. Видимо, предупрежденный заранее о прибытии гостей, он встретил их у лестницы, вежливо поздоровался и выдал ключи.

Номера один напротив другого и отличались, пожалуй, только размером. Генерала Келлера, не говоря уж об его денщике, приятно удивили те удобства, которыми они обладали. Особенно поразил электрический подогреватель воды в ванной, правильному обращению с которым Павлов обучил за несколько минут. Установленный в комнате телефонный аппарат позволял связаться с коммутатором, а через него и практически с любым объектом института, внесенным в перечень номеров. Ознакомиться с ними можно было, заглянув в небольшой справочник, лежащий рядом. В платяных шкафах были приготовлены темно-синие брюки с кушаком и фуфайки с коротким рукавом с красным кантом. Внизу стояли черные парусиновые туфли на резиновой подошве.

– Вот в этих костюмах, господа, которые мы позаимствовали из гардероба любителей сокольской гимнастики, вам будет более комфортно пройти медицинский осмотр и необходимые процедуры. С нашими эскулапами более тесно познакомитесь завтра, поутру. Как говорится, на свежую голову и пустой желудок. А пока прошу проследовать за мной в столовую на обед. Кстати, чуть не забыл, вам следует изучить несколько вариантов меню на последующие дни и сделать свой выбор... Да, еще одно: если захочется чая или кофе, то достаточно передать ваше желание по телефону дежурному, и в течение десяти минут все будет доставлено в

номер, аналогично можно вызвать и врача... Ну и как вам наш институт, Федор Артурович, впечатлены?

– Ну и ну, – все, что смог сказать Келлер, но эта короткая фраза неожиданно вызвала пронизательный взгляд Павлова, брошенный на генерала, в сознании которого с изрядной долей ехидства прозвучали неслышные слова «ефрейтора», более похожие на абракадабру: «Не НУИНУ, а НИИЧАВО!»³

Столовая также вызвала некоторое удивление: посетители, которые пришли туда ранее, брали подносы, ставили их на решетчатую направляющую, сделанную из длинных трубок, и, перемещаясь вдоль раздаточной линии, как назвал эту конструкцию Павлов, выбирали себе блюда по вкусу. Там же стояло несколько самоваров, по всей видимости – электрических. Своими округлыми формами, обилием медалей и весьма почтенным объемом они напомнили Федору Артуровичу полковников из интендантства или новомодных земгусаров.

Впрочем, для Келлера и Найденова сделали исключение: они смогли сделать свой выбор меню, изучив лежащую на столике папку. Конечно, перечень блюд уступал столичным ресторанам, но, к примеру, только первые блюда были представлены в четырех вариантах.

По рекомендации Ивана Петровича, они заказали азиатский суп-пюре из баранины, к которому на отдельных тарелках подавался нарезанный белый хлеб, высушенный в печи сухариками, говядину, на манер приготавливаемой горцами, и салат из помидоров и лука.

Качество и количество предлагаемых блюд могли бы удовлетворить завязтого гурмана, обладающего отменным аппетитом. А посему чай, кофе и разнообразная сдоба остались без внимания. Зато медовый квас оказался очень кстати и позволил утолить жажду, вызванную острыми специями. Прихлебывая мелкими глотками пенящийся напиток, Келлер решил разрешить некоторые сомнения, задевавшие некоторые струны его души, доставшиеся от далеких немецких предков.

– Прекрасная кухня, Иван Петрович, не всякий ресторан может похвастаться такой же. А что, здесь всегда так замечательно готовят?

Павлов, довольно улыбаясь, ответил:

– Именно всегда, Федор Артурович, как любил говаривать один из светил науки – меню скромное, но питательное. А хорошее настроение, с которым пациенты и наши сотрудники покидают сие заведение, – составная часть лечения. Ибо коли доктор сыт, так и больному легче.

Генерал, которому показалось, что он когда-то уже слышал эти слова, решился и продолжил:

– Иван Петрович, простите, что перехожу к деловым вопросам, но всё же сколько стоит лечение и проживание в вашем институте? Я хотел бы сразу заплатить необходимую сумму.

– Для вас, Федор Артурович, и для вашего боевого друга все совершенно бесплатно! – Павлов поднял руку, прерывая невысказанные генералом возражения, и решительно отрезал: – Да, мы умеем считать и зарабатывать деньги. Весь наш институт не стоит государству ни копейки, и напротив, мы еще и помогаем державе и армии чем можем. Если бы вы знали, сколько платят за свои реальные и надуманные недуги некоторые дамы из высшего света и полусвета... Для них, подобно героине Толстого, модная болезнь – это развлечение. А уж разные приличные и не совсем хвори их супругов или любовников – это вообще тема для отдельного и отнюдь не послеобеденного разговора. Но когда речь идет о людях, потерявших здоровье на честной ратной или иной государственной службе, то мы работаем бесплатно. А то ведь в нашем царстве-государстве зачастую, как в Испанском королевстве: «Шустрый да быстрый – выйдешь в министры. С честью, с отвагой – станешь бродягой». – И, Павлов, желая поставить точку, хлопнул ладонью по столешнице и заявил: – Да-с, и это не обсуждается!

³ НИИЧАВО – Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства, место действия фантастических повестей братьев Стругацких.

Затем, уже успокоившись, продолжил:

– Давайте лучше оговорим наши дальнейшие планы. Если не возражаете, поднимемся ко мне в кабинет. Тем более что нас уже ждет доктор Голубев, который назначен вашим лечащим врачом.

* * *

Увидев доктора и пожав после представления ему руку, генерал отметил, что Зиночка весьма точно обрисовала его внешность – худая фигура испанского идадьго из романа Сервантеса с бородкой, и лишь отсутствие длинных усов отличало его от легендарного Дон Кихота. В отличие от героя романа он был облачен в военный френч без погон, бриджи и сапоги. Келлер повторил свою историю о таинственном «голосе» и видениях, которую уже рассказывал Павлову.

С первых же слов, которые произнес в ответ Михаил Николаевич, Федор Артурович понял, почему об этом враче он слышал только хорошее. Это был настоящий Врач, эскулап, который способен помочь и исцелить. Слова уже сами по себе вселяли покой и уверенность в том, что все будет хорошо.

– Итак, Федор Артурович, ознакомьтесь вот с этой бумаженцией, – доктор протянул генералу бланк, на котором ряд кружочков с цифрами были соединены стрелками, – это в некотором роде порядок прохождения вами медосмотра. Начнете со сдачи анализов, затем кабинет антропометрии и далее, так сказать, по маршруту. Кстати, вас в этом году просвечивали рентгеном? Нет? Отлично. В таком случае мы сможем безбоязненно просмотреть, как сказались ранения и травмы на организм. Проверим сердце и прочее. А закончим в моем кабинете, где мы под руководством Ивана Петровича и с Божьей помощью постараемся разобраться и с голосами.

Тут в разговор вступил Павлов:

– Федор Артурович, опыт врача говорит о том, что контузия может повлиять на органы чувств и, в частности, на обоняние. Давайте прямо сейчас это и проверим. Михаил Николаевич, передайте, пожалуйста, генералу вот эти две пробирки.

Через мгновение перед Келлером оказался штатив с двумя небольшими стеклянными сосудами, помеченными литерами X и У.

– Федор Артурович, одна из этих пробирок стерильно чистая, а в другой когда-то был налит керосин. Попробуйте по запаху выявить именно ее. На эксперимент отводим минуту. Время пошло.

Со стороны картина выглядела несколько комично. Мужчина гренадерского роста в генеральском мундире, подобно профессиональному сомелье, тщательно обнюхивал пробирки и даже, чего греха таить, попытался лизнуть одну из них.

Наконец Павлов скомандовал:

– Время!

– Скорее всего, керосин был в пробирке X. – Келлер, еще раз втянув носом воздух, решился на ответ.

– Ну что же, – ответил Иван Петрович. – Хочу вас обрадовать – с обонянием всё в порядке. Я предлагаю вам хорошенько отдохнуть, если появится желание до ужина прогуляться по территории, то дежурный получил необходимые инструкции. Завтра утром, с девяти, начнем наш марафон по кабинетам, не забудьте, кстати, переодеться. Заодно ваш мундир вычистят и выгладят.

Через несколько минут, когда генерал ушел в свой номер, доктор Голубев высказал свое мнение по поводу эксперимента:

– А вы оказались абсолютно правы, Иван Петрович. Келлер таки выявил «пробирку с керосином», хотя они были обе одинаково стерильны. Следовательно, у него высокая степень внушаемости. Я, признаться, думал, что генерал с привычкой командовать тысячами людей, посылать их в бой, подчиняя своей железной воле, окажется более твердым орешком.

– Видите ли, Михаил Николаевич, – ответил академик Павлов, который, не поднимая глаз на собеседника, что-то записывал в блокнот, – дело в том, что мы, военные, боимся... – тут он несколько запнулся и поправился: – То есть я имел в виду, просто военные, при выполнении поставленной задачи, больше всего боятся показать немогузнайство. И они отчаянно пытаются найти решение там, где его нет. Значит, завтра после всех осмотров и анализов, заручившись согласием Федора Артуровича, попробуем провести гипнотический сеанс и, надеюсь, получим ответы на все наши вопросы. Хотя я подозреваю, что с этим «ефрейтором» в сознании не всё так просто... Кстати, Михаил Николаевич, у вас не появилось новых данных о том оракуле с погонами прапорщика, благодаря которому мы познакомились?

Доктор покраснел и отрицательно покачал головой, опасаясь, что голос невольно выдаст обман, и одновременно незаметно скрестил пальцы, отчаянно надеясь, что академик всего этого не заметил.

– Значит – ничего нового, – подытожил Павлов, – жаль, хотя время пока терпит. Придется, видимо, обратиться за содействием к принцу Ольденбургскому. Уверен, что ответ на запрос, подписанный его императорским высочеством, получим незамедлительно... Но наш разговор, Михаил Николаевич, натолкнул меня на одну идею. Скажите, вы знакомы с научными работами итальянцев Анджело Моссо, Чезаре Ломброзо и Виторио Бенусси, доказывающими возможность инструментального выявления лжи?

– Иван Петрович, но все это пахнет средневековьем, шаманство какое-то – измерять пульс, обнюхивать потовые железы. Так, может, в качестве эксперта пригласим осла с измазанным в краске хвостом, хе-хе-хе?

– Не скажите, коллега, не скажите. Наш с вами великий предшественник Авиценна по пульсу не только ставил диагноз, но и, если верить легенде, спас от смерти несчастную девушку, вычислив адрес и имя ее возлюбленного. А если обратиться к современности, то еще в тысяча восемьсот девяносто пятом году для выявления лжи применили гидросфигмометр, а совсем недавно и пневмограф. И эти доказательства приняли даже в суде! А по данным, которые мы получили благодаря нашей разведке за океаном, американский психолог Уильям Мартсон активно работает именно в этом направлении. А посему, Михаил Николаевич, формируем группу. Я осуществляю общее руководство, Павел Иванович Ижевский, используя свои старые связи с учениками Попова, курирует техническую часть исследований, а за вами – выдвижение кандидатур психологов и невропатологов. Тему назовём – «Локки». Задание – до конца тысяча девятьсот пятнадцатого года создать действующий образец прибора и подготовить его к производству хотя бы в виде опытной партии. Сам аппарат пусть именуется «полиграф». Звучит академически, а суть скрыта. Но на сегодня – всё, отдыхаем. Завтра нам предстоит серьезная работа.

С предложение «прерваться» Голубев согласился с энтузиазмом, правда, он предполагал срочно поставить в известность капитана Бойко о том интересе, который проявляет академик Павлов к Гурову, и о возможном запросе от имени принца Ольденбургского. Задача была не из легких, ибо военная цензура и перлюстрация почтовой корреспонденции стала притчей в языцах и модной темой страшных историй о «черных кабинетах», рассказываемых во время интеллигентских посиделок с проклятиями в адрес «царских сатрапов и душителей свободы». В действительности все обстояло одновременно значительно проще и сложнее. Существовала система осмотра почтовых отправок. Вся корреспонденция, поступающая в военную цензуру, подразделялась на категории:

- 1) письма, отправленные за границу (заказные, простые, страховые, посылочные);

- 2) письма, прибывшие из-за границы (заказные, простые, страховые, посылочные);
- 3) корреспонденция в действующую армию и из нее;
- 4) внутренняя переписка по специальным секретным предписаниям, шифрованная, условная и непонятная по своему содержанию.

Штат военных цензоров был невелик, но зато среди работников попадались настоящие уникалы. И именно такой специалист благодаря стараниям ротмистра Воронцова работал в филиале почтового отделения на территории института. По иронии судьбы, его имя и отчество, да и внешность совпадали с известным персонажем Гоголя – Акакием Акакиевичем. Но стоило поближе познакомиться с этим скромным разборщиком писем, как эта ассоциация таяла, будто туман. Знание нескольких европейских и не только языков, навыки химика, фотографическая память, педантизм в работе и способность быть совершенно незаметным делали его незаменимым.

У Акакия Акакиевича выработался удивительный «нюх» – он мог определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адресата. Однажды эту способность проверил лично академик Павлов, который заключил с ротмистром Воронцовым пари и с треском его проиграл. Ему предъявили несколько почтовых конвертов из личного архива Ивана Петровича, и без малейшей ошибки Акакий Акакиевич отделил послание аристократа от коммерсанта, чиновника от литератора. Впрочем, Павлов абсолютно не огорчился, а наоборот, обрадовался своему проигрышу и приказал удвоить жалованье столь ценного работника.

Неудивительно, что уже утром на столе у Ивана Петровича лежал лист с наименованием полевой почты, куда адресовал свое письмо доктор...

Глава 17

Ночью прошла небольшая гроза, воздух наполнился свежестью, поэтому Келлер отлично выспался при открытых настежь окнах. Ровно в четверть девятого в дверь деликатно постучал дежурный, давая знать, что пора просыпаться. Завершив утренний туалет, и генерал, и денщик, чувствуя себя несколько непривычно в спортивных костюмах, приступили к обходу медицинских кабинетов. Часть манипуляций были хорошо знакомы Келлеру. В кабинете антропометрии его взвесили, измерили рост, а при определении мышечной силы Федор Артурович ухитрился буквально раздавить кистевой динамометр, который был не рассчитан на столь железную хватку. Симпатичная сестра милосердия аккуратно собрала обломки в коробку и успокоила несколько сконфуженного генерала тем, что теперь эти бранные останки займут достойное место в музее института, посвященном наиболее знаменитым пациентам.

Рентгеновский аппарат почти не отличался от применяемых в военных госпиталях. Но установка для снятия кардиограммы была настоящей новинкой, доселе абсолютно незнакомой не только Келлеру, но и значительной части медицинских работников в Российской империи. Среди врачей и сестер, которые усердно простукивали, просвечивали и прослушивали Федора Артуровича и Прохора, особенно «свирепствовал» доктор Водкин. Озвучив пациентам требование «раздеться до исподнего и лечь на кушетки», Евстафий Иванович, заботливо протерев иглу спиртом, безжалостно проколол ей спины, выявляя стадию развития остеохондроза. Через несколько часов немножко вымотанные товарищи по несчастью подошли к кабинету, который значился на маршрутном листе как предпоследний пункт марафона к здоровью.

К удивлению и нескрываемой радости, внутри, вместо очередного эскулапа или аппарата из серии прокрустова ложа, их ожидал кипящий самовар, большой фарфоровый чайник, наполненный ароматным чаем, большие чашки с блюдцами, сахарница, вазочка с малиновым вареньем и свежая выпечка. На соседнем столике лежали газеты и несколько журналов. Очаровательная горничная, завершив сервировку, вежливо доложила Келлеру о том, что пока доктора изучают результаты медосмотра, господа могут часик отдохнуть, перекусить, тем более что завтрак им пришлось пропустить. Затем прелестница, вежливо сделав книксен перед генералом, стрельнула глазками в сторону Прохора и вышла, оставив о себе напоминание в виде легкого аромата духов. С удовольствием выпив по несколько чашек чая, отдав должное булочкам и плюшкам и проигнорировав прессу, они буквально на минутку сомкнули глаза, уютно разместившись в креслах, и совершенно незаметно задремали. Из сна их вырвало деликатное покашливание Евстафия Ивановича, который, увидев, что оба пациента очнулись, сообщил:

– Федор Артурович, вас ждут Павлов и Голубев, а мы тут пока с Прохором ещё чайку погоняем.

Келлер прошел вдоль длинного коридора и на мгновение замер перед дверью, на которой была закреплена табличка с надписью «Академикъ Павловъ». Затем, сделав вдох – выдох, постучал и решительно зашел внутрь.

В уютной комнате почти ничего не говорило о том, что ее хозяин – врач. Небольшой письменный стол, на котором лежала папка, как потом оказалось, с результатами медицинского осмотра генерала, книжный шкаф. На стене несколько картин с сюжетами о Древней Руси. На отдельной тумбочке – два телефонных аппарата, в углу – нескораемый шкаф производства братьев Смирновых.

Голубев разместился сбоку на мягком стуле. Павлов, прохаживаясь по кабинету, предложил генералу присесть в массивное кожаное кресло, которое бережно приняло и комфортно устроило атлетическую фигуру Келлера. Иван Петрович, вернувшись к столу, раскрыл папку и обратился к генералу:

– Уважаемый Федор Артурович, мы с коллегой внимательно изучили вашу медицинскую карту и теперь можем сделать определенные выводы. Ваше физическое состояние не внушает никаких опасений. Невзирая на ваши ранения и травмы и уже не юношеский возраст, у вас могучий организм, говоря техническим языком, – у него колоссальный запас прочности. Конечно, пройти курс лечения необходимо, в особенности подправить раненую ногу, но через две-три недели вы сможете скакать верхом или отплясывать мазурку и при этом даже дать фору некоторым молодым корнетам. Но нервы крайне истощены, и для принятия мер нам нужно, прежде всего, разобраться с вашими переживаниями и голосами в голове. А посему я предлагаю действовать по-военному – не бежать от своего страха, а встретиться с ним лицом к лицу. Мы проведем с вами сеанс гипноза. Поверьте мне, что этот метод основан на многолетней практике и не только совершенно безвреден, но и напротив даже полезен. Во время сеанса вы испытаете ощущения, подобные тем, которые предшествуют обычному сну. И самое главное, по окончании сеанса вы будете помнить всё – до мельчайших подробностей. Кроме того, мне будет ассистировать Михаил Николаевич, а медицинскому обеспечению нашего института может позавидовать даже Императорская Академия. И главное – не удивляйтесь ничему из того, что вы, возможно, услышите во время сеанса. Ну что, согласны?

Келлер решительно кивнул и лишь спросил:

– Что я должен делать?

– Ровно ничего, Федор Артурович. Вам удобно в этом кресле? Да? Отлично... Михаил Николаевич, будьте так любезны, опустите шторы.

В комнате воцарился уютный полумрак, на столе размеренно застучал метроном. Павлов держал в руке золотую цепочку, на которой подобно маятнику раскачивалась блестящая луковича часов на уровне глаз Келлера. Речь Иван Петровича звучала тихо и монотонно:

– Вы устали, ваши веки и все тело отяжелели... Приятный покой и расслабленность... Вокруг тишина, вы ощущаете дремоту и сонливость. Вы засыпаете, засыпаете, спите... Федор Артурович, сейчас февраль, вы сидите у себя в штабе... Отвечайте, чей голос вы слышите?

И в это время из уст генерала, но совершенно с другими интонациями прозвучало:

– Я ефрейтор Александров, войсковая часть номер 17 141, вооруженные силы Российской Федерации. Больше ничего не скажу.

И тут снова заговорил Павлов, но присутствующий при этом Голубев мог поклясться, что это был совершенно незнакомый ему голос:

– Ну, здравствуй, ефрейтор. А майора Тимина, которого ты же окрестил Теслой, не забыл?

– Товарищ майор!!! Сергей Владимирович!!! Это вы?! Вытащите меня отсюда!!!

– Ага, теперь и товарищ майор, и по имени-отчеству величаешь, спасти просишь, а кто меня яйцеголовым бездрайверщиком обзывал, на шнобелевскую премию намекал?!

Михаил Николаевич при первых же словах, которые прозвучали из уст двух... Нет, фактически четырех человек, попытался вскочить со стула, но впервые в жизни ноги его не послушались. Однако инстинкт ученого оказался сильнее паники. Он вцепился, как в спасательный круг, в один из заранее подготовленных карандашей и стал лихорадочно стенографировать этот «потусторонний диалог». Тем более что услышанный только что номер воинской части был ему хорошо знаком по исповеди Гурова – Журова.

Эмоции, которые испытывал в данный момент генерал, также трудно было назвать безмятежными. Он ощущал себя человеком, который слушает со стороны диалог, и то, что ответы на вопросы, адресованные какому-то Сашке Александровну, озвучивает фактически он сам, его почему-то не пугали...

Так продолжалось примерно четверть часа, после чего Павлов своим обычным голосом произнес:

– Через минуту я выведу вас из гипнотического сна. Сейчас я сосчитаю до трех. На цифре «три» вы проснетесь. Раз – освобождаются от сковывающего действия руки. Два – освобождаются ноги и все тело. Три – вы проснулись, откройте глаза! Настроение и самочувствие очень хорошее, ничто не мешает, не беспокоит. Вы очень хорошо отдохнули. Вам приятно и спокойно...

Келлер пошевелил руками, головой, а потом встал и с удовольствием потянулся, приятно ощущая, как похрустывают все косточки. Удивительно было то, что при всей абсурдности и фантастичности ситуации исчез подсознательный страх, который терзал его последние месяцы, но взамен появилось множество вопросов, ответы на которые он хотел получить, и причем немедленно!

Иван Петрович понял все без слов. Подойдя к окну, поднял шторы, и солнечный свет вновь залил комнату. Затем нажал рукой на незаметный выступ на большом старинном глобусе. Верхнее полушарие откинулось, открывая взорам горлышки нескольких коньячных и водочных бутылок и необходимые при этом рюмки и бокалы.

– И не нужно делать такие удивленные глаза, Михаил Николаевич, я не лукавил, говоря вам еще в Москве о своем неприятии алкоголя и табака. И мне повезло, что мое нынешнее второе я, – Павлов постучал пальцем по своей голове, – майор Тимин, тоже трезвенник. Но, став в некотором роде администратором, вынужден держать сей бар, ибо посетители бывают разные. И как говаривал в будущем персонаж одного фильма о непьющих начальниках: «Вот сколько раз замечал, как трезвый человек куда-нибудь зачешется... – Затешется. – Я и говорю: зачешется, то сразу скандал»... А посему, господа, извольте принять вовнутрь граммов по сто пятьдесят Шустовского, и продолжим.

Келлер залпом выпил коньяк, налил себе еще и потребовал объяснений всему происшедшему.

– Ну, что же, извольте. Видите ли, Федор Артурович, то, что случилось с вами, да и со мной, не имеет ничего общего с сумасшествием или одержимостью. Это, скорее всего, можно представить как сюжет фантастического романа господина Уэллса «Машина времени». Отличие в том, что из далекого две тысячи первого года в путешествие отправились, а если быть абсолютно точным, были выброшены в прошлое мысли, память, эмоции, в общем – то, что иногда называют душой, трех людей. И волею случая они нашли себе пристанище в некотором роде в аборигенах из тысяча девятьсот пятнадцатого года. Вам, Федор Артурович, досталась матрица сознания (как это называется в будущем) молодого ефрейтора Александрова, который в прошлой жизни мечтал стать если не маршалом, то хотя бы генералом. Во мне сейчас присутствует энтузиаст-исследователь майор Тимин, грезящий о Нобелевской премии. И, как я могу предположить, где-то на фронте сражается некий прапорщик, которому достался старший лейтенант Журов, любитель пострелушек, рукопашного боя и имеющий все задатки боевого офицера.

В общем, каждый из этой троицы попал именно туда, куда подсознательно стремился, плюс еще и эксперимент со временем, который проводил Тимин-Тесла.

Но лично я, академик и лауреат Павлов, подданный Российской империи и православный, уверен, что здесь не обошлось без Божьей воли. А теперь, господа, извольте выслушать то, что предстояло пережить нашей многострадальной России и чего мы допустить не должны любой ценой...

Разговор продлился несколько часов. Говорил в основном Павлов, изредка перебиваемый вопросами или репликами Келлера. Доктор, который уже многое знал от Гурова, ограничился ролью стенографиста.

Когда все трое окончательно выдохлись, раздался телефонный звонок. Иван Петрович снял трубку, выслушал вопрос и ответил:

– Спасибо за напоминание, а то мы здесь заработались. Нет, обед нести сюда не нужно. Через десять минут спустимся в столовую...

Тут же в качестве последнего аргумента о необходимости прерваться за дверью прозвучал голос Прохора:

– Не буду больше ждать, пустите меня немедленно к его превосходительству, а не то...

– Ну-с, господа, – подвел черту Павлов, – на этом пока – всё. Идемте обедать, тем более что ваш бдительный страж, Федор Артурович, уже готов разнести все здание...

После обеда импровизированный триумвират вновь собрался на совет. Но теперь от воспоминаний или, если посмотреть с другой стороны, – предсказаний перешли к поиску ответа на извечный вопрос: «Что делать?»

Келлер с удивлением и не без удовольствия отметил тот факт, что «ефрейтор Сашка» способен давать полезные советы, причем делает это весьма тонко, не нарушая хрупкое взаимопонимание, которое только началось формироваться между двумя сознаниями.

Когда Федор Артурович узнал о трагической судьбе, ожидавшей августейшее семейство в той, иной, истории, то буквально взревел. И лишь своевременное вмешательство Павлова и Голубева, а также генеральский опыт, говоривший о необходимости проведения соответствующей подготовки, помешали порыву генерала немедленно мчаться в Питер и разобраться со всякой «бл...й сволочью в эполетах, фраках и вицмундирах...».

Наутро военный совет продолжился и перешел в практическую сферу, то есть к постановке задач. Михаилу Николаевичу было поручено любой ценой найти «местную реинкарнацию старшего лейтенанта Журова». Причем Павлов не без ехидства поинтересовался у Голубева: «Сами справитесь, голубчик, или к принцу обращаться будем?» Доктор в который раз за эти дни покраснел и пообещал обойтись собственными силами.

Генералу Келлеру предстояло решить гораздо более трудную и ключевую задачу – после прохождения курса лечения и одновременно информирования о будущем найти надежный и постоянный канал выхода на великого князя Михаила и заручиться его поддержкой в деле спасения России.

Иван Петрович ввел присутствующих в курс тех мероприятий, которые уже удалось осуществить, и, в частности, проинформировал о формировании боевой организации «Дети Священной дружины»:

– Да-с, господа, нам необходимо сплотиться. Забыть сословные предрассудки и отказаться от снобизма. В один строй должны встать патриотически настроенные офицеры армии и жандармерии. Мы, подобно Минину и Пожарскому, должны собрать новое ополчение и спасти Россию и ее народ от ужасов революций и братоубийственной гражданской войны. Федор Артурович, я хотел бы вас познакомить с одним замечательным человеком, боевым офицером, который надел жандармский мундир, дабы иметь возможность бороться с внутренними врагами, направляемыми из-за границы.

Келлер, который и сам изрядно пострадал от террористов и прекрасно понимающий их опасность, с готовностью согласился.

Павлов позвонил и попросил соединить с ротмистром Воронцовым:

– Петр Всеславович, если вас не затруднит, подойдите ко мне в кабинет, необходимо посоветоваться.

И затем, уже обращаясь к Келлеру:

– Федор Артурович, я попрошу вас ненадолго перейти в соседний кабинет, дабы я смог подготовить ротмистра к серьезному разговору и знакомству с одним из лучших генералов Российской Императорской армии.

Польщенный такой оценкой, Келлер не стал возражать и вышел.

Ротмистр Воронцов, направляясь к Павлову, по служебной привычке попытался просчитать сценарий предстоящего разговора. Если бы не это неожиданное приглашение, то он сам

бы попросил аудиенции, ибо у него накопилась масса вопросов к академику, а предполагаемые ответы, казалось, выходили за грань реальности. И поэтому он решил взять инициативу в предстоящем разговоре в свои руки.

Поэтому не успел еще Павлов проинформировать ротмистра о «повестке дня», как был вынужден сам отвечать на вопрос.

– Иван Петрович, извините, но прошу меня выслушать. Помните ваше поручение о переводе в наш институт некоего селекционера Мичурина? Вы еще предупреждали об его неуживчивом характере. Признаюсь, задача была не из легких. Пришлось надавить по всем направлениям, лстить, пугать, но дело сделали. Перевезли его вместе с супругой, предоставили самые лучшие условия, и Иван Владимирович приступил к работе. Причем при самой активной поддержке жены Александры Васильевны. Как вдруг, буквально через месяц, в Козлове, откуда мы их забрали, вспыхивает эпидемия холеры. Люди погибают сотнями. Донская слобода, где они жили, вымерла, почти поголовно. Так он теперь молебен за молебном заказывает за свое чудесное спасение и передо мной извинился за строптивость и благодарит ежечасно. Признайтесь, Иван Петрович, вы и это предвидели? Откуда у вас знания и опыт в сферах, совершенно далеких от медицины и выходящих за грань известного? Я верю, что вы настоящий патриот России, и считаю честью работать рядом с вами, но нам пора объясниться!

– Ну, что же, Петр Всеславович, вы правы. Я, собственно, и пригласил вас, преследуя эту же цель. Но для того чтобы в ходе предстоящего разговора у вас не возникли сомнения в моем душевном здоровье или благонадежности, то при нем будут присутствовать доктор Голубев и прибывший в наш институт для лечения генерал Келлер.

Павлов выглянул из кабинета и позвал:

– Федор Артурович, Михаил Николаевич, заходите...

Глава 18

Вот уже пролетело почти две недели, как я вернулся из Гомеля, а вместо того, чтобы воевать, приходится ерундой заниматься. Если честно, не совсем, конечно, – готовлю пополнение из охотников-добровольцев в количестве почти тридцати человек. Пока отсутствовал, мои господа офицеры проехали по переднему краю, немного поагитировали и набрали двадцать шесть бойцов. Смелых, смысленых, от двадцати двух до двадцати пяти лет, изъявивших желание послужить в особом подразделении. В общем, все, как заказывали. Да и сам привез двоих.

Валерий Антонович сначала очень подозрительно расспрашивал, все ли время я находился в Гомеле, не выезжал ли куда-нибудь. Поверив моему честному слову, рассказал подоплеку событий.

Мы с ним уже давно составили два списка для работы «Молодой священной дружины». В списке № 1 значились люди, необходимые для сохранения и развития России, которых нужно было холить, лелеять и охранять от всяческих напастей. Список № 2 состоял из персон, которых для блага империи необходимо было обезвредить. Причем некоторых – сразу и навсегда. Как раз к таким и относился Семен, он же впоследствии Симон, Петлюра, на данный момент – служащий Минского отделения Земгора. Капитан Бойко, осторожно налаживая контакты с коллегами-жандармами, якобы невзначай поинтересовался данным господином и получил, на его взгляд, совершенно неожиданную информацию. Сёма отправился в служебную командировку в Москву и на обратном пути почему-то вдруг вывалился из поезда на полном ходу. Труп со сломанной шеей был обнаружен недалеко от Борисова как раз в то время, когда я знакомился с Дашиными родителями и оттягивался на даче в Ченках. Сложив два и два, начальство пришло к выводу, что мне стало скучно в тылу и я, подгоняемый врожденной жаждой убийства, решил устроить личную вендетту.

Уверовав в мою невиновность, господин капитан выдал следующую по очереди версию. Мол, есть у нас таинственные единомышленники, которые действуют в том же направлении. Как раз, возможно, те, кто был вместе со мной в момент переноса – майор Тимин и Сашка Александров, о которых я уже рассказывал капитану. И которых очень хотел бы найти!.. Вот только не знаю еще, каким образом. Хотя в данном конкретном случае я бы не стал исключать и банальную уголовщину.

Отложив эту головоломку на потом, Валерий Антонович перешел к текущему вопросу повестки дня и сразу огорошил новостями. Затишье вдруг и, как это всегда бывает на Руси, внезапно сменилось очень активными действиями гансов. Кайзеровские генералы, справедливо опасаясь скорого наступления осенней распутицы, затеяли очередное наступление. А наши решили немного упростить им задачу и позволили ударить в стык новообразованных фронтов. В результате 5-я армия отошла за Двину, а 10-ю немцы продавили за Вилию, причем пришлось оставить Вильно. И в этот девяностоверстный разрыв возле местечка Свенцяны, как в свои родные ворота, влетела германская конная группа под командованием генерала Гарнье, который стал считаться одним из лучших кавалеристов рейха, когда опрокинул своей дивизией французский конный корпус генерала Сордэ. Теперь у этого таланта под рукой было, по данным разведки, пять таких дивизий, причем снабженных артиллерией. Уцелевшие ополченцы из обозов, отстирав после испуга свои портки, рассказывали о громадных разрывах гигантских снарядов. Пушкари, видевшие воронки, пришли к выводу, что там порезвились германские восьмидюймовые гаубицы.

И в этот момент Ставка принимает гениальное решение! Нашу 2-ю армию расформируют, корпуса раскидывают по другим армиям, а нам дают шесть новых, в смысле других, правда, потом один снова забирают. Связи – ноль, взаимодействие не отработано, сами корпуса – на марше, полностью не укомплектованы... Первые два пытались остановить разгон

германской кавалерии, но получилось только замедлить ее продвижение у Сморгони. На подходе еще четыре. По словам Валерия Антоновича, положение можно было бы выправить, если бы в Ставке отдали конный отряд генерала Казнакова не в 5-ю армию, а нам, во 2-ю. А так гансы уже под Молодечно, две железные дороги перерезаны.

Вот такие пироги с котятами. Самое же обидное в том, что вся моя рота на передке или за ним, а мне «выход в поле» капитан запретил. Не знаю, кто у кого сплагатничал, Бойко – у «Мосфильма», или наоборот, но было высказано мнение, что командир должен думать, а не только шашкой махать. Так что, мол, сидите, Денис Анатольевич на базе и готовьте пополнение. Оказывается, Оладьин, Бер и Стефанов там и без меня отлично справляются. С их помощью одна пехотная дивизия заполучила девять трофейных орудий, другая – одиннадцать. А Сергей Дмитрич – так вообще отличился. С тремя «пятерками» разведал броды через реку Нарочь и провел 26-й Могилевский пехотный в тыл гансам. Там в полку всего три с половиной сотни человек оставалось, но шестнадцать пушек взяли. Мои орлы посменно возвращаются на базу, денек отоспаться-отъесться, да и рассказывают про свои подвиги, вызывая восхищение и зависть у новичков, а также зубовой скрежет у командира. В конце концов, мне же нужно добыть еще один люгер взамен подаренного, а тут паришься, как на курорте!

Каждый божий день одно и то же: до обеда – стрельба из револьвера, стрельба из карабина, стрельба из пулемета, штыковой бой, работа с ножом, рукопашный бой без оружия, полоса препятствий, марш-бросок. Потом изголодавшийся народ чуть ли не до блеска вычищает все Ганнины котлы, кастрюли и сковородки, после чего на полчаса впадает в летаргическое состояние ленивого кота на солнце. Затем все под руководством Волгина, Берга и отдельных отдыхающих диверсантов разбегаются дальше по учебным местам – на тактику, на подрывное дело, на антиинженерную подготовку, в смысле как без лишнего шума и суеты испортить какой-нибудь мост, переезд, устроить из подручных средств малозаметное препятствие для погони. Ну и так далее, и тому подобное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.